

РУССКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья

Выпуск 7

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории материальной культуры

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья

Выпуск 1

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2006

УДК 947.02/.03(471.2)
ББК 63.3(2Рос30)4

Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья. Выпуск 1.
СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. 117 с.

Сборник подготовлен в рамках программы
«Русская культура в мировой истории»
отделения историко-филологических наук РАН

Проект «Ладога и Ладожская земля в эпоху раннего средневековья.
Славяне, скандинавы, финны в процессе культурной
и торговой интеграции»

Редакционная коллегия:

А. Н. Кирпичников (ответственный редактор),
С. В. Белецкий, О. И. Богуславский

ISBN 5-98187-184-9

© Коллектив авторов, 2006
© ИИМК РАН, 2006
© Издательство «Нестор-История», 2006

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящим сборником Отдел славяно-финской археологии Института истории материальной культуры РАН и Староладожская археологическая экспедиция ИИМК РАН начинают публикацию нового серийного издания, посвященного актуальным историко-культурным проблемам эпохи русского средневековья. Направление научных изысканий, проводимых коллективом авторов, в общем виде мы сформулируем так: «Ладога и Ладожская земля в эпоху раннего средневековья. Славяне, скандинавы, финны. Процессы международной культурной и торговой интеграции». Обозначенная тема рассчитана на три года (2006—2008) и утверждена Отделением историко-филологических наук РАН в рамках программы «Русская культура в мировой истории».

Изучение связей Ладоги и ее земли опирается на фундаментальные культурно-археологические ценности первых веков российской государственности. Как показали результаты многолетних археологических раскопок, Ладога возникла не позднее 753 г. Новейшие исследования дают серьезные основания удревнить эту дату как минимум на половину столетия, если не более, так что Ладога предстает перед нами как один из первых, если не древнейший город Древней Руси. Вокруг города существовала округа — Ладожская волость. Однако сформировавшаяся в эпоху раннего средневековья Ладожская земля — это не только ближайшая городская округа, но и значительные пространства от Онежского озера на востоке до Нарвы и Великой на западе. Фактически Ладожская земля стала предшественницей средневековой Новгородской земли.

На карте Восточной Европы Поволховье с Ладогой образуют важный торговый регион, в котором сходятся два великих водных пути — «из варяг в арабы» по Волге и «из варяг в греки» по Днепру. Здесь разворачивалась небывалая до того времени торговоремесленная деятельность, которая привела к бурному развитию экономики и образованию прочного культурного, хозяйственного и человеческого моста, объединившего Восток и Запад и, в конечном счете, способствовавшего формированию древнерусской государственности.

Характер имеющихся в распоряжении исследователей источников допускает самые широкие и, надо сказать, нетривиальные исследовательские подходы к решению большинства существующих

ющих научных проблем. В предлагаемом издании помещены статьи сотрудников Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН по отдельным вопросам избранного направления научных изысканий. Сборник открывает статья *А.Н. Кирпичникова*, посвященная Великому волжскому пути эпохи раннего средневековья и месту на этом пути ладожско-волховского севера Руси. В статье *О.И. Богуславского* детально исследованы вопросы соотношения территории юго-восточное Приладожья и средневековой Ладожской земли. *К.А. Михайлов* рассматривает открытые раскопками разных лет элитарные могилы Старой Ладоги на фоне погребальных традиций эпохи викингов. *А.В. Курбатов*, много лет плодотворно изучающий кожевенно-обувное ремесло эпохи русского средневековья, анализирует по материалам кожевенного ремесла связи Поволжья с регионами Балтийского моря в VIII–XI вв. В статье *П.Е. Сорокина* рассмотрены источники по истории судоходства в эпоху раннего средневековья и новое время в районе неевского устья. Завершает сборник статья *С.В. Белецкого*, посвященная материалам археологических раскопок двух ключевых памятников конца I тысячелетия н.э. на западном рубеже «Руси Рюрика» — Труворова городища и Пскова.

Завершая предисловие к сборнику, считаю своей приятной обязанностью поблагодарить Отделение историко-филологических наук РАН, при финансовой поддержке которого был подготовлен настоящий сборник, а также издательство «Нестор-История» за оперативное и качественно осуществленное издание этого сборника.

ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И ЛАДОЖСКО-ВОЛХОВСКИЙ СЕВЕР РУСИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В истории народов Европы и Азии Великий волжский путь в эпоху средневековья приобрел выдающееся геополитическое, культурное, транспортно-торговое, международное и межгосударственное значение. Использование этого пути повлияло на ускорение социальных и хозяйственных процессов многих стран и регионов, способствовало созданию единого наднационального экономического пространства в масштабах значительной части Евразии. Великий волжский путь (далее ВВП) сыграл особую роль в развитии славянских, финно-угорских, тюркских и скандинавских народов. В последней четверти I тыс. н. э. значение волжского пути возросло настолько, что он стал основной дорогой, соединившей Европу и Азию. На то были веские причины.

Протяженность Волги, самой большой реки Восточной Европы и одной из величайших рек в мире, 3531 км. Она протекает по Русской равнине от Валдайской возвышенности до Прикаспийской низменности, минуя зоны леса, лесостепи, степи. ВВП, каким он функционировал в последней четверти I тыс. н. э., можно представить состоящим из нескольких отрезков. Основу, естественно, составляла сама Волга, к ней тяготели реки, а также водные и сухопутные трассы, представлявшие ее транспортное продолжение.

Северная часть ВВП частью располагалась за его пределами. Это Северное и Балтийское моря, Финский залив, река Нева, Ладожское озеро, река Волхов, озеро Ильмень. Далее кратчайшим и удобным (даже с учетом волоков) переходом к истоку Волги был «селигерский путь» по рекам Поле, Явони до озера Селигер и по реке Селижаровке с выходом на Волгу. Дальнейшее передвижение, что можно отнести к основной части пути, происходило по главной реке вплоть до ее устья. Южный участок плавания включал Каспийское море до его южного побережья (например, до области Джурджан — см. Заходер 1962). Далее шла сухопутная дорога до города Рея или дальше до Багдада. Наибольшая часть водного пути

приходилась на пространство Восточной Европы. Путешественникам приходилось преодолевать волоки, а на реках Неве и Волхове — пороги.

Караванное движение кораблей из района Балтики (например, от Бирки) до района Каспия (допустим, до Дербента) с учетом, что расстояние составляло около 5500 км, могло занять 2 месяца и несколько месяцев на обратный путь. Иными словами, парусно-весельные суда одной флотилии могли осуществить полную поездку в лучшем случае раз в год. Среди водных дорог Русской равнины волжский путь с его системными ответвлениями относится к наиболее разветвленным и значительным, а его стержневое направление по отношению Запад-Восток — магистральным.

Исторически Волга являлась как бы осью, вокруг которой в разные времена группировались разные народы, включая славян, финно-угров, тюрок. Эти люди исповедовали разную веру: были язычниками, христианами, иудеями, мусульманами, что не мешало им вступать в длительные деловые контакты и договариваться между собой. В истории мировой цивилизации то был едва ли не самый редкий период всеохватывающей веротерпимости и межэтнической уживаемости коллективов, объединенных торговой необходимостью.

В системе волжского пути возникло большинство раннесредневековых городов и торговых факторий. Эти населенные пункты не обязательно находились на берегах морей, рек и озер, некоторые строились в глубине территорий в целях большей безопасности и более удобной связи с сельскохозяйственной или сырьевой округой. Поселения той эпохи по преимуществу были многофункциональными: одновременно являлись административными, военными, ремесленными, религиозными центрами, сосредоточием ремесленников и международной торговли.

Среди городских образований в системе ВВП выделялись ключевые города-лидеры своих территорий, располагавшиеся на определенных отрезках торговых магистралей. Что касается восточноевропейских населенных пунктов (в большинстве IX—X вв.), относящихся к системе ВВП, то следует назвать Ладогу в нижнем течении р. Волхов, предшественника Новгорода — Рюриково городище в истоке упомянутой реки. Далее, вниз по течению Волги — археологические комплексы Тимерево, Петровское и Михайловское, давшие начало Ярославлю. С Волгой в определенной мере связаны раннесредневековые центры Залесской земли: Сарское городище — предшественник Ростова, Суздаль, Клецин — предше-

ственник Переяславля-Залесского. Отметим далее Муром на Оке. На средней Волге находились поселения, предшествующие Казани, Булгар, также Биляр, Сувар, Ошель. В дельте Волги помещалась столица Хазарии Итиль (Заходер 1962).

Население торговых городов включало, как правило, титульный, коренной этнос и приезжих «гостей», состав которых мог меняться в связи с сезонностью торговли. В пору расцвета волжской торговли в ней, по словам восточных авторов, принимали непосредственное участие русы, болгары, буртасы, хазары, арабы, евреи и через перекупщиков северные вису и югра. Этот перечень не полон, но при этом уверенно выделяются главные деловые партнеры: русы, болгары и хазары. Эти люди в интересах торговли образовывали свои клановые, иногда разноплеменные купеческие сообщества. Их ячейкой была флотилия судов для дальней торговли.

Различие национальных, культурных, хозяйственных и географических условий не препятствовало городским общинам околобалтийской и Восточной Европы интегрироваться в своеобразное торгово-экономическое сообщество, объединенное интересами международной судоходной коммерции. Все это происходило нередко без вмешательства государств и их институтов на основе частного предпринимательства.

«Товарная интеграция» Евразии, сблизившая естественно-географические районы разделения труда, в последней четверти I тыс. н. э. проявилась на стандартизации производства определенных популярных изделий в странах и регионах не только близких, но и достаточно далеко отстоящих друг от друга. В обиход вошли однотипные стеклянные, сердоликовые, хрустальные бусы, привески и бусы из янтаря, костяные гребни, некоторые украшения из бронзы, гирьки и весы для взвешивания монет, общеевропейские по форме мечи, боевые топоры-чеканы, отчасти наконечники копий и стрел, также кольчуги, сходные по форме щиты и булавы, «восточные» наборные воинские пояса. Распространились высокие шапки, подбитые мехом одежды, возможно, использовались одинаковые по устройству корабли. Наряду с этнически нейтрально украшенными вещами, употреблялись украшения, оружие и бытовые изделия, имевшие местные черты. В итоге на евразийском пространстве укоренились как бы две культуры: международная элитная, дружинно-купеческая, и местная простонародная, по преимуществу бытовая.

Государства, возникшие в зоне ВВП, способствовали его интенсивному функционированию. Их роль в этом отношении еще недооценена. Прежде всего речь идет о Хазарии (650–965 гг.). Столица

хазар Итиль являлась крупнейшим в Восточной Европе торговым и таможенным городом, в котором в отдельных кварталах жили выходцы из разных стран, включая и славян.

Мощное развитие, начиная с конца IX в., получила Волжская Булгария, образовавшаяся в Среднем Поволжье. В середине X в. она стала независимой от Хазарии и унаследовала необычайно продвинутую собственную торговую миссию (Новосельцев 1990).

Основополагающее влияние в отношении использования ВВП, особенно в его прибалтийской части, оказала Северная Русь со столицей в Ладоге, а затем Холмгороде-Предновгороде, сформировавшаяся, скорее всего, до середины IX в. Руководители новообразованной державы существенным образом расширили балто-европейские связи. Ладога и другие северные русские города выдвинулись тогда в качестве центров, активизировавших экономические и транспортные контакты Запада и Востока. Скорее всего, при первом представителе новой правящей династии — князе Рюрике со скандинавскими странами была установлена система безопасного плавания — «торговый мир» и, следовательно, на значительной части балто-волжского маршрута были созданы условия максимального благоприятствования свободному судоходству (Кирпичников, 1988; 1997).

Обращает внимание геостратегическое строительство формирующегося государства. По сообщению «Повести временных лет», Рюрик посадил своих мужей в Полоцке, Муроме, Ростове, Белоозере. Ладога и поселение у истока Волхова (там, где ныне Рюриково городище) принадлежали самому главному норманскому властителю. Показательно, что упомянутые населенные пункты находились на важнейших речных трассах, так или иначе связанных с ВВП. Не будет рискованным предположить, что у нового династа был план расширения своих границ на юг, в сторону Смоленска и Киева. Как бы то ни было, карта создававшейся единой страны, пронизанной магистральными дорогами, становилась все более представляемой поколению времени княжения Рюрика.

Держава Рюрика сформировалась на подготовленной почве. Здесь прежде всего обратим внимание на известие о каганате «народа Рос», который возник не позже 830-х годов. По сообщению «Бертинских анналов», в 839 г. византийский император Феофил направил в составе своего посольства в Ингельгейм к королю франков Людовику Благочестивому группу, именовавшую себя «народом Рос», повелитель которых назван «хаканусом». При выяснении принадлежности этих людей они оказались «свеонами», то

есть шведами, и намеревались возвратиться из Константинополя в свою страну кружным путем, так как прямая дорога была опасной, она «проходила среди варварских, отличающихся жестокостью и беспримерной дикостью племен». Правитель русов принял свой титул не позже первой трети IX в., заимствовав его у хазар, чтобы уравнивать себя с хазарским царем и тем самым обозначить свою независимость.

Для суждений о географическом положении каганата русов более широко могут быть привлечены сведения летописи. Судя по сказанию о призвании варягов, Ладога до вокняжения там в 862 г. Рюрика являлась главным центром межплеменной конфедерации северных славянских и финских племен. Северный адрес древнерусской зоны, где произошла самая ранняя встреча скандинавов и славян (и, по-видимому, финнов) и где в тот период уже существовали торговые города Ладога и Хольмгард, иначе Предновгород (Рюриково городище), подтверждают и скандинавские источники XI–XIII вв. Показательно, что упоминания только этих населенных мест имеются в древнейшем топонимическом пласте, зафиксированном в скальдических стихах и рунических надписях XI–XIII вв. Запечатленная в скальдике, рунах и сагах информация об этих городах восходит к событиям IX–X вв. и отражает начальный этап освоения скандинавами так называемого «восточного пути» по маршруту: Финский залив, река Нева, южное побережье Ладожского озера и, особенно, река Волхов. Упомянутая конфедерация северных народов была способна на объединенные действия и может быть сопоставлена с каганатом русов, заявившим о себе в первой половине IX в. и, по всей видимости, независимым от Хазарской державы. Дополнить наши представления об этом раннегосударственном образовании могут во многом еще загадочные, поддающиеся постепенной расшифровке, сведения Иоакимовской летописи о доваряжской династии на севере Руси с вероятной резиденцией в Ладоге.

Если существование каганата русов сомнений не вызывает, то местоположение его центра гадательно. Его «штаб-квартиру» помещали в Тмутаракани, Киеве, районе Ярославля, Рюриковом городище, Ладоге (Мачинский 1998; Франклин, Шепард 2000). Из всех упомянутых населенных пунктов только в Ладоге обнаружены отчетливые признаки ее существования начиная с первой половины VIII в. В древнейших слоях этого города обнаружены наиболее ранние среди городов Руси норманнские (да и другие) древности, а также и дирхемы. Все имеющиеся данные выдвигают Ладогу на-

ибо более вероятным претендентом в качестве центра каганата русов еще до появления там варяжского правителя Рюрика.

Переходим здесь к ценному по своей информативности, хотя и не простому по текстологии, сообщению Ибн Хордадбега, содержащемуся в его «Книге путей и стран», написанной в 846/47 г. и дополненной в 885/86 г. (Велиханова 1979; Новосельцев 1982). Обсуждаемый ниже отрывок имеется в первоначальной авторской редакции, а описанные в нем события, как полагают, восходят к началу IX в. Этот отрывок гласит: «Купцы-русы, а они вид (джинскаста) славян, вывозят меха бобров (в переводах вместо слова «бобр» указывают и слово «заяц») и черно-бурых лисиц и мечи из отдаленных частей страны славян к Румскому морю. Если они хотя-т, то отправляются по (?) реке (в этом месте рукописи не совсем ясное слово, которое востоковеды читают по-разному, и как Тананис, и как Итиль), славян входят в Хамлидж, город хазар. Их (хазар) властитель также взимает с них десятину (Новосельцев 1965; Захедер 1967; Ибн Хордадбег 1986; Калинина 1976; 1986).

Как бы ни трактовать дорожные сообщения Ибн Хордадбега, они свидетельствуют о дальней торговле русов мехами и оружием по разным водным путям, ориентированным на Византию и Халифат. Известия арабского чиновника важны еще и потому, что достоверно датируют функционирование торговли русов не позже первой трети IX в. (Лебедев 1985).

Разворот судоходной и иной торговли начиная с VIII в. сопровождался установлением единой денежно-весовой единицы — исламского дирхема. Вплоть до начала XI в. восточное монетное серебро выполняло функции международной валюты. Находки восточных монет указывают места торговли, маркируют купеческие маршруты и разъезды сборщиков дани.

Начало дирхемной торговли относят к 70–80-м годам VIII в. Ныне накапливается все больше данных, позволяющих отодвинуть начальный период этого глобального явления к 50–60-м годам VIII в. (если не раньше). В тот период сложились благоприятные для развития экономики Восточной Европы обстоятельства. После 737 г. прекратилась арабо-хазарская война. В отношениях между двумя государствами наступил преимущественно мирный период (Артамонов 1962). В зоне ВВП возникла новая ситуация. На северном и южном полюсах системы ВВП появились после 723 г. Итиль, не позже 753 г. Ладога (в Подонье в 830-х годах Саркел). В 762 г. утвердившиеся у власти Аббасиды перенесли столицу из Дамаска в Багдад (официально названного «Городом благоденствия»), в ко-

тором на новозаведенном монетном дворе во все возрастающей мере была развернута чеканка полноценной серебряной монеты. В пределах первой половины VIII в. ряд новых городов отстраивается в регионе Балтийского моря (Рибе, Бирка, Ральсвик, Рёрик, Павикен и др.). Почти одновременное создание череды городов на торговых маршрутах не случайно и знаменует разворот устойчивых «всесветных» купеческих операций (Носов 1986).

Особое значение для выяснения времени начального проникновения дирхема по ВВП приобретают находки Старой Ладogi. К числу древнейших русских кладов отнесен обнаруженный на этом поселении клад куфических монет, чеканенных в 749–786 гг. В разные годы на территории Земляного городища, каменной крепости, посада и в курганах обнаружены 11 монет VIII в. с датами, насколько удалось установить, суммарно 738/739–788 гг. (Кирпичников 1988). Во время раскопок в 1950 г. Земляного городища из пласта, датированного 750–760 гг., извлечен умайядский дирхем, чеканенный в Дамаске в 699/700 г. Среди монет, найденных в поселенческих слоях древнерусских городов, данная монета по дате является старейшей.

Именно через Ладogu проходило основное караванное торговое движение и реэкспортировались в страны Балтийского региона от трети до половины всех попавших на Русь в IX–X вв. куфических монет. С учетом всей массы импортированного в страны Балтийской Европы монетного серебра, объем ладожско-балтийской торговли, по исчислениям Т. Нуннена, в начале X в. по сравнению с концом IX в. вырос в 3 раза, а в 940 гг. — не менее, чем в 10 раз (Noonan 2000).

С провозглашением в 882 г. Киева новой столицей важнейшей магистралью страны становится балто-днепровский путь. Отныне торговые потоки и связи Руси направляются не только в города Передней и Средней Азии, но и в Византию. При этом, однако, ВВП, который в течение VIII и большей части IX в. был практически главной дорогой Руси, и в период X столетия не утратил своего значительного торгово-транспортного значения (Янин 1956).

Литература

Артамонов 1962 — *Артамонов М.И.* История хазар. М., 1962.

Велиханова 1979 — *Велиханова Н.М.* О торговых путях купцов-русов и купцов-евреев Ар-Разани по сочинению Ибн Хорладбеха «Книга путей и владений» // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.

- Заходер 1962 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. 1. М., 1962.
- Заходер 1967 — *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX–X вв. Т. 2. М., 1967.
- Ибн Хордадбех 1986 — *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. Баку, 1986.
- Калинина 1976 — *Калинина Т.М.* Сведения Ибн Хаукаля о походе Руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976.
- Калинина 1986 — *Калинина Т.М.* Торговые пути Восточной Европы (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // История СССР. Вып. 4. М., 1986.
- Кирпичников 1986 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. Л., 1988.
- Кирпичников 1997 — *Кирпичников А.Н.* Раннесредневековая Ладога по данным новых историко-археологических исследований // Древности Поволжья. СПб., 1997.
- Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
- Мачинский 1998 — *Мачинский Д.А.* Эпоха викингов в «скандинавском Средиземноморье» и русско-варяжский период на «восточных путях» // Ладога эпохи викингов. СПб., 1998.
- Новосельцев 1965 — *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международные значение. М., 1965.
- Новосельцев 1982 — *Новосельцев А.П.* Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982.
- Новосельцев 1990 — *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
- Носов 1999 — *Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999.
- Славяне и скандинавы. М., 1986.
- Франклин, Шепард 2000 — *Франклин С., Шепард Д.* Начало Руси. 750–1200. СПб., 2000.
- Янин 1956 — *Янин В.Л.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси. М., 1956.
- Noonan 2000 — *Noonan T.S.* The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus'lands: the Tenth and early Eleventh Centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Paris, 2000.

ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ И ЛАДОЖСКАЯ ЗЕМЛЯ (ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ)

Исследуя материалы южного Приладожья, исследователи обращали внимание на совпадение границ района распространения средневековых археологических памятников и естественно-географических границ низменности на южных и юго-восточных берегах Ладожского озера (Назаренко 1983: 10–11). Северо-западной ее границей является берег Ладожского озера. С юга, юго-востока и востока низменность ограничивают Вепсовская возвышенность и Тихвинская гряда, являющиеся водоразделом между бассейнами Балтийского и Каспийского морей. С запада и юго-запада естественной границей можно считать заболоченную низину, простирающуюся от побережья Ладожского озера до южных отрогов Тихвинской гряды. Наименее выражена северная граница, которая, по всей вероятности, связана с различиями в природных ландшафтах юго-восточного Приладожья и Ладожско-Онежского межозерья.

Однако, в этом обширном регионе исследователи традиционно выделяли две части (Спицын 1985: 153). На западе расположены археологические памятники нижнего Поволховья, среди которых уникальное Староладожское поселение. Восточную часть региона, отделенную от нижнего Поволховья болотистым междуречьем рек Сяси и Волхова, составляют бассейны рек, впадающих с востока и юго-востока в Ладожское озеро. Археологические памятники здесь, в отличие от Ладожской округи, в подавляющем большинстве представлены погребальными древностями. Географическая и хронологическая близость археологических комплексов восточной и западной частей региона несомненно свидетельствует об их взаимовлиянии. Однако, расположение памятников нижнего Поволховья на ключевом участке целого ряда трансевразийских путей (Кирпичников 1985: 21) отразилось в значении Ладоги-Альдегьюборга для европейского мира и в более напряженной социально-политической жизни. Юго-восточное Приладожье было в значительной мере ориентировано на менее оживленные связи (Кирпичников,

Дубов, Лебедев, 1986: 160–162). Это, в свою очередь, обусловило его меньшую зависимость от бурных процессов на Северо-Западе Руси в эпоху раннего средневековья.

Таким образом, регион южного Приладожья, уже при первом знакомстве, предстает как имеющий сложную структуру, а его части имели предпосылки как для тесного взаимодействия, так и для проявления определенной самостоятельности. Такая структура региона привела к сложению двух различных подходов в понимании, в первую очередь, места и роли юго-восточного Приладожья в культурной истории южного Приладожья и Северо-Запада Руси. С одной стороны, эта огромная территория представляется исследователям как единый политический организм — «Ладожская земля» с центром в Старой Ладогe (Кирпичников 1988: 76–79). Ладога здесь сыграла роль посредника в торговых операциях между приладожским населением и западноевропейским миром (Назаренко 1979: 106–114; Назаренко 1982: 1142–146; Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986: 196–197; Лебедев 1985: 216). С другой стороны, юго-восточное Приладожье расценивается учеными как достаточно изолированный район, являющийся частью обширного финского мира, а его связи с нижним Поволховьем вряд ли выходили за рамки межрегиональных связей. Включение этой части региона в общерусские и общеевропейские культурно-исторические процессы в этом случае следует отнести к достаточно позднему времени и признать ведущими процессы славянской аккультурации края (Голубева 1987: 63–64; Кочкуркина 1973: 56–80; Кочкуркина 1989: 291–293).

Различия в характере памятников восточной и западной частей региона закономерно отразились и в исследовательском подходе к изучению связанных с ними проблем. Большинство археологов, начиная с рассмотрения региона южного Приладожья в целом, так или иначе переходили к раздельному рассмотрению памятников восточной и западной частей. Это, в свою очередь, привело к ситуации, когда целый ряд вопросов культурно-исторического развития значительно полнее изучен в северном Поволховье, в то время как в юго-восточном Приладожье многие сходные проблемы весьма далеки от своего разрешения. Очевидно, что на историко-культурное развитие древних коллективов юго-восточного Приладожья не могла не влиять крайне динамичная история Северо-Запада Руси, однако степень и характер ее воздействия, а также роль центра региона — Староладожского поселения — в этих процессах в разные исторические периоды принципиально не может быть неизменна.

Следует отметить, что к сегодняшнему дню издано такое количество работ по различным темам, связанным со Старой Ладогой, а объем накопленного материала столь велик, что осветить, даже поверхностно, все имеющиеся работы вне рамок специального историографического исследования не представляется возможным. Однако значительная часть этих работ рассмотрена в статьях А.Н. Кирпичникова, подводящих итог определенному периоду в изучении Старой Ладоги (Кирпичников 1985: 3–26; Кирпичников 1979: 92–106). Кроме того, в этих работах приведена также концепция А.Н. Кирпичникова, намечающая этапы развития древней Ладоги и ее округи.

По мнению А.Н. Кирпичникова, возникнув в середине VIII в. на северных рубежах славянского мира, Ладога становится важнейшим торгово-транзитным центром на евразийском балто-каспийском водном пути. Одновременно формируется городская волость, охватившая Нижнее Поволховье. Ладожское поселение, возглавлявшее свою самоуправляющуюся городскую волость, выступает как торгово-ремесленный и портовый пункт, в ускоренном развитии которого сказались интересы нескольких крупных северных племен.

Не позже середины IX в. Ладога выдвигается в качестве главного центра местных племен, а затем становится столицей Верхней Руси. Возрастают государственно-объединительные, а также рыночные и контрольно-пропускные функции Ладоги, ставшей сильной крепостью и фамильным владением первых Рюриковичей.

В X в. Ладога — крупный русский город. Его международные функции дополняются внутрирусскими. Соседние области с финским и саамским населением попадают в данническую зависимость от Ладоги. Создается разноплеменная Ладожская земля, включающая значительную часть Северной Руси. Доминирующим ядром является Ладожское Поволховье, через которое разворачивается освоение северных земель, включая Беломорье и Подвинье.

В XI в. Ладога и относящиеся к ней территории получают статус подчиненного Киеву русско-норманского наместничества — ярлства во главе с особым правителем. В системе Ладожской земли особое значение приобретает Обонежская область со своей столицей Олонцом, с которым отождествляется Алаборг скандинавских саг. Подъем местных сил приводит в начале XII в. к ряду военных потрясений. Международное значение Ладоги как одного из центров балто-готландской торговли дополняется растущим внутриобластным и общеземельным влиянием.

В XII в. Ладога наряду с Новгородом и Псковом — равноправный город-федерат на основной территории Новгородского государства. Население Ладоги достигло такого уровня общественно-го развития, что принимает постоянное участие в собственных и общеновгородских политических делах и походах. В XII в. Ладога переживает небывалый в ее истории экономический подъем. Ценой полного прекращения каменного дела в Новгороде ладожский посад отстраивает в камне почти все свои основные храмы и монастыри. Ладожские посадники и городская старшина наряду с новгородцами и псковичами выступают в качестве равноправного участника триединого совета, решающего вопросы государственной важности.

В XIII в. положение Ладоги как основного и весьма самостоятельного федерата Новгородской земли меняется. На нее (и подчиненные ей районы) распространяются судебно-податные установления новгородских властей. В то же время ослабевают связи с такими областями, как ижорская и отчасти лопская. В XIII в. Волховская сотня со своим лидером Ладогой предстает отдельной от Обонежской сотни, но, возможно, сохраняет за собой восточную часть лопского региона. В полной мере сохраняются и даже возрастают военные функции Ладоги как защитника внутренних водных и сухопутных путей своей территории и государственной границы в целом. В этот период Ладога и ее земля, разделившаяся на административные районы и отдельные области, входят в состав Новгородского государства (Кирпичников 1988: 77–79).

Дискуссия по проблемам юго-восточного Приладожья велась менее оживленно, нежели по вопросам истории северного Поволжья, и достаточно быстро сконцентрировалась вокруг нескольких крупных проблем. Среди них необходимо выделить проблему этнической принадлежности Приладожских курганов, проблему роли скандинавов в истории этого района и проблему политической истории региона.

Первая концепция, освещающая весь комплекс проблем, связанных с юго-восточным Приладожьем, была создана В.И. Равдоникасом. В материальной культуре Приладожских курганов им было прослежено значительное сходство, свидетельствующее, по его мнению, о культурном единстве и генетической близости всех исследованных памятников. Сначала, вслед за А.А. Спициным, В.И. Равдоникас относил погребенных в приладожских курганах к предкам современных вепсов (Спицын 1914: 32; Равдоникас, 1924: 29). Но, после открытия им памятников на восточном побе-

режье Ладожского озера, стал относить к предкам другого близкого финноязычного племени — карелам (Равдоникас 1930: 60–68). Впоследствии он присоединился к точке зрения А. Тальгрена, что исследованные древности оставлены коллективами, являющимися общими предками карел и вепсов (Talgren 1916: 30; Равдоникас 1934: 25).

Проблема роли выходцев из Скандинавии в истории развития юго-восточного Приладожья, пожалуй, впервые была остро поставлена в работе Т. Арне, посвященной деятельности скандинавов в Восточной Европе в целом (Arne 1914). Согласно его концепции, большое количество скандинавских вещей, найденных вдоль торговых путей и датированных IX–X вв. свидетельствуют об интенсивном проникновении скандинавов в русские земли. Результатом этого проникновения стало создание целого ряда колоний вдоль наиболее важных торговых путей (Arne 1917: 61–63). По мнению Т. Арне, именно в юго-восточном Приладожье, в точнее на р. Паше, в первой половине IX в. возникла самая ранняя на Руси скандинавская колония (Arne 1917: 54–55). Аргументами в пользу этого взгляда стало то, что здесь, на момент написания работы Т. Арне, были найдены наиболее близкие к скандинавским погребальные памятники и наибольшее количество скандинавских вещей. Эта концепция оказала столь сильное влияние на археологическую науку, что исследователи до сих пор возвращаются к ее обсуждению.

В.И. Равдоникас выступил с критикой построенной Т. Арне. Полностью отрицая гипотезу о существовании в Приладожье в IX–X вв. скандинавской колонии, В.И. Равдоникас исходил из того, что находки предметов материальной культуры, а также некоторые элементы обряда, имеющие самые широкие аналогии в древностях Скандинавии, не являются решающими при определении этноса погребенных. В.И. Равдоникас пришел к выводу, что появляющиеся здесь скандинавы никогда не составляли сколько-нибудь значительного постоянного населения (Raudonikas 1930). Поступавшие в Приладожье вещи скандинавского и другого иноэтничного происхождения являлись, по его мнению, доказательством широких торговых связей феодализирующегося населения юго-восточного Приладожья. Погребения с предметами скандинавского и другого иноземного происхождения он предложил интерпретировать как погребения родовой аристократии, первоначально выступавшей в торговле в качестве представителей своих родовых групп, а затем, в значительной степени, монополизировавшей эту торговлю (Raudonikas 1930: 134–135). Эти взгляды В.И. Равдоникаса на при-

ладожское общество оказали огромное влияние на отечественных исследователей и до настоящего времени занимают важное место в исторической и археологической литературе.

Появление большой массы нового материала усилило интерес западных историков и археологов к этому региону. Их работы во многом явились ответом на критику В.И. Равдоникасом концепции Т. Арне и стали продолжением дискуссии о месте и роли выходцев из Скандинавии в истории южного Приладожья. В конце 1950-х гг. ведущая роль в этой дискуссии, несомненно, принадлежит Х. Арбману (Arbman 1955; 1961; 1962; 1962a). Присутствие выходцев из Скандинавии в южном Приладожье Х. Арбман видит уже в период, предшествующий появлению Приладожских курганов. Следы этого присутствия он находит и в материалах нижних слоев Староладожского поселения, и в существовании в нижнем Поволховье и в бассейне р. Сясь сопки, которые он считает скандинавскими (Arbman 1955: 34).

Но все же главное внимание Х. Арбман уделяет более поздним и более массовым памятникам — курганам, распространенным в бассейнах рек Сясь, Оять, Паша и на их притоках. По мнению Х. Арбмана, основная масса Приладожских курганов оставлена скандинавами. В пользу этого говорит то, что по своей внешней форме и размерам курганных групп эти памятники весьма сходны с курганами средней Швеции, расположенными на моренных холмах в районе оз. Меларен (Arbman 1955: 42; 1962: 114; 1962a: 160). В работе Х. Арбмана не обойден также вопрос о наличии в Приладожских курганах значительного количества вещей скандинавских типов. В частности, Х. Арбман указывает на женские украшения — скорлупообразные фибулы, гривны, браслеты, — которые он считает несомненно изготовленными в Скандинавии. В качестве аргумента своей концепции Х. Арбман также выдвигает и аналогичность традиций обряда отдельных погребений Приладожья, как, например, погребение в ладье, скандинавским погребальным обрядам (Arbman 1955: 42).

Наряду с этим Х. Арбман отмечает в Приладожье и наличие нескандинавского пласта древностей. К нему он относит шумящие и зооморфные бронзовые украшения и некоторые элементы обряда. В качестве неизвестного в Швеции обряда Х. Арбман называет курганы с очагом, однако считает возможным, что они являются результатом трансформации скандинавского обряда местными колонистами (Arbman 1955: 40–41). Несмотря на эти нескандинавские черты в материальной культуре Приладожья, скандинавский

элемент в ней, по мнению Х. Арбмана, преобладает, что говорит о скандинавском характере этих памятников.

Подробное освещение вопросов о целях и характере скандинавской колонизации южного Приладожья представлено в работах другого скандинавского историка — А. Стендер-Петерсена. Начало разработки его концепции относится еще к рубежу 1920–1930-х гг. (Шаскольский 1965: 182–183), но в развернутом виде его концепция была впервые изложена в статьях начала 1950-х гг. Согласно его концепции, роль скандинавов в Западной Европе и в восточноевропейских странах достаточно сильно отличается. Если в Западной Европе в IX–XI вв. скандинавы, в значительной степени, выступали как грабители, то на востоке Европы их деятельность носила иной характер — мирный (Stender-Petersen 1960: 3–4). Если из Скандинавии на запад совершались завоевательные походы, то на восток через Балтийское море происходило, по его мнению, мирное движение земледельцев, аналогичное земледельческому освоению в IX–X вв. Фарерских островов и Исландии. Причиной этой колонизации А. Стендер-Петерсен считал начавшееся в VI–VII вв. объединение шведских земель под властью конунга. Это определило направление движения — через Аландские острова, вдоль южнофинского побережья Балтийского моря, через Неву и Ладожское озеро; состав переселенцев — небогатые бонды, а также мирный характер их взаимодействия с местными племенами (Stender-Petersen 1960: 11; Stender-Petersen 1953: 81). На территории Руси районом наиболее раннего поселения шведских колонистов стало южное Приладожье. Сложившаяся к IX в. в Приладожье и в «треугольнике» между Ладожским, Чудским и Белым озерами группа шведских колонистов стала называться их финскими и славянскими соседями народом русь (Stender-Petersen 1953: 80–83; Stender-Petersen 1960: 11–13).

Дискуссия о наличии в Приладожье постоянного населения из числа выходцев из Скандинавии и их роли в историко-культурных процессах на этой территории в 1970-е гг. получила новый толчок. В общем исследователи, соглашаясь с положением В.И. Равдоникаса о незначительной роли скандинавов, расходятся в отношении атрибуции конкретных погребений и некоторых элементов погребальной обрядности и материальной культуры. Тем не менее, в отличие от В.И. Равдоникаса, признается наличие на территории Приладожья погребений скандинавов, которые проживали здесь в незначительном количестве (Кочкуркина 1973: 57) или совершали сюда поездки (Тухтина 1976: 168). По мнению В.А. Назаренко,

роль скандинавов в юго-восточном Приладожье была весьма велика, особенно на ранних этапах развития. Проведенный им анализ погребального обряда определенно указывает на влияние скандинавских погребальных ритуалов на формирование Приладожских курганов (Назаренко 1982: 145–146). К вопросу об археологических критериях опознания погребений скандинавов в Восточной Европе обратилась в последнее время А. Стальсберг, причем большое внимание было уделено могильникам юго-восточного Приладожья. Одной из важнейших отличительных черт скандинавского погребального ритуала А. Стальсберг считает обряд погребения в ладье, в то время как умышленная порча оружия или втыкание его в землю могут быть присущи не только выходцам из Скандинавии. Другой отличительной чертой скандинавских погребений она предлагает считать скандинавский женский костюм. Археологическими признаками этого костюма являются две овальные фибулы, застегивающие лямки длинной юбки, и третья, скрепляющая накидку или шаль. Кроме того, важной деталью, по ее мнению, являются железные шейные гривны с привесками. Скандинавскую принадлежность мужских погребений определяют некоторые типы дамаскированных мечей и умбоны. Однако А. Стальсберг отмечает, что эти критерии не являются абсолютными, поскольку в Приладожье происходит взаимовлияние скандинавской и местной финской культур (Stalsberg 1982: 267–295).

Таким образом, благодаря целому ряду работ юго-восточное Приладожье получило в научной литературе освещение как один из наиболее развитых районов Восточной Европы и в культурном, и в социально-экономическом отношении. Это создало все условия для включения результатов исследования в построение более широкого исторического плана. А.В. Куза предложил гипотезу политической истории Приладожья как одной из трех племенных территорий, составлявших древнейшее ядро Новгородского княжества. Племя, или союз племен, во всяком случае, их западные группировки, согласно его концепции, являлись активными участниками северного союза племен, третьим федератом одного из предшествовавших возникновению Киевской Руси государственных образований. По мнению А.В. Кузы, приладожская весь упоминается в летописях под именем чудь, которая вместе со словенами и кривичами участвовала в летописном призвании варягов (Куза 1975: 145–152). Важнейшими центрами этой племенной группировки А.В. Куза считал Ладогу и поселение в устье р. Сясь. К сожалению, ни письменные, ни археологические источники не донесли до нас сведе-

ний о поселении в устье р. Сясь. Вероятно, мы имеем дело с неверной локализацией единственного в юго-восточном Приладожье городища. На самом деле оно находится в среднем течении этой же реки. Т.А. Джаксон и Д.А. Мачинский высказали предположение, что именно этот памятник является Алаборгом скандинавских саг (Джаксон, Мачинский 1989: 129–137). Подобное отождествление лишней раз ставит под сомнение характеристику этого поселения, предложенную А.В. Кузой, как племенного центра. Те же сомнения в полной мере относятся и к Ладожскому поселению (Булкин, Дубов, Лебедев 1978: 96–100).

Иной точки зрения на политическую историю южного Приладожья придерживались скандинавские исследователи. Так, Х. Арбман в своих работах неоднократно указывал на большое количество скандинавских элементов в культуре Приладожских курганов. Это, по его заключению, является свидетельством произошедшей в эпоху викингов шведской колонизации Приладожья. При этом Х. Арбман не отрицает возможности существования в юго-восточном Приладожье, до появления норманнов, местного финно-угорского населения, однако, немногочисленного (Arbman 1955: 42–43), причем отношения с ним местных колонистов явно носили мирный характер. Шведы осели в селениях вдоль впадающих в Ладожское озеро рек — Волхова, Сяси, Тихвинки, Паши и Ояти — в конце IX в. Х. Арбман, основываясь на датировках скандинавских вещей по типологической шкале Я. Петерсена, определил период существования здесь шведского населения временем с конца IX до начала XI в., поскольку именно к этому периоду относятся подавляющее количество скандинавских находок. Отдельные вещи, которые могут быть датированы серединой IX в., не влияли, по мнению Х. Арбмана, на общую датировку памятников. В XI в. шведские колонисты в Приладожье слились с местным финским и с пришедшим сюда славянским населением (Arbman 1955: 42–43; 1961: 93–94; 1962: 114–115; 1962a: 160–161). Однако, как отмечалось и самим Х. Арбманом, остается до конца неясным, какие цели преследовала шведская колонизация этого региона.

Согласно концепции А. Стендер-Петерсена, двигавшиеся с запада скандинавы встретились в южном Приладожье с местным финским населением и с продвигавшимися с юга славянами. Поскольку, по его мнению, шведские колонисты являлись, в отличие от славян и финнов, носителями «государственной традиции», именно они создали в Приладожье формы государственной организации — Шведскую Русь. Достаточно долго эта шведская колония сохраня-

ла тесную связь с материковой Швецией и даже, вероятно, платила дань шведскому конунгу (Stender-Petersen 1959: 122). Однако подвластность шведского Ладожского ярлства шведским конунгам, по мнению А. Стендер-Петерсена, существовала примерно в VIII в. По предположению автора, около начала IX в. наступил новый этап в истории ярлства, когда оно становится самостоятельным государственным образованием (Stender-Petersen 1960: 14). Перемены автор объясняет тем, что шведская колония, завладев начальным отрезком прокладывавшегося в IX в. волжского пути из Балтики в арабские страны, вступила в контакт с Болгарией и Хазарским каганатом. Под воздействием этих государств, а также с целью противостоять их агрессивной политике, здесь складывается государственное образование, также принявшее форму каганата с центром в Ладоге — «Ладожский каганат», который и упомянут под именем «каганата Рос» в Бертинских анналах под 839 г. (Stender-Petersen 1960: 14—17) В дальнейшем Ладожский каганат превратился в течение IX в. в огромное Древнерусское государство. Это происходило за счет расширения его владений сначала на Новгород, куда перемещается центр каганата, а затем его экспансия направляется далее на юг к днепровскому торговому пути. После походов Аскольда и Дира, а затем Олега, центр государства переносится в Киев (Stender-Petersen 1956a).

Подводя итоги рассмотрения основных проблем и концепций, возникших более чем за двухсотлетнюю историю изучения региона, следует отметить, что в последние десятилетия основное внимание исследователей было сосредоточено на изучении частных вопросов развития региона. Таким образом был накоплен значительный материал, позволяющий несколько по-новому взглянуть на развитие этого региона и возможно, примирить ряд положений различных концепций.

Средневековая история региона Южного Приладожья, видимо, начинается в последней трети I тысячелетия н. э., которая ознаменована появлением археологических памятников нового типа. В первую очередь, это Ладожское поселение, отличительные черты которого проявляются в смешанном характере материальной культуры, обусловленном развитыми торговыми связями, и в отчетливо прослеживаемых элементах ремесленного производства (Рябинин 1985: 73). Время начального освоения исследованного участка Земляного городища относится к 750-м годам. Со второй половины VIII в. Ладожское поселение включилось в формирующуюся систему трансевразийской торговли. Оживленный характер связей подтверждает находка одного из древнейших русских кладов с датой

чеканки «младшей» монеты 786 г. Кроме того, показательно крайне незначительное запаздывание монет в этот период. Например, монета 768 г. чеканки найдена в комплексе конца 760 — конца 770-х гг. (Рябинин 1985: 73).

Начиная с 810-х гг. облик Ладожского поселения несколько меняется. Происходит общий рост территории застройки, о чем свидетельствует появление построек на левом берегу р. Ладозки (Петренко 1985: 113—115). Эти изменения, предположительно, отражают увеличение роли волховского участка трансевразийских путей и возрастание интенсивности движения товаров и людей через Ладогу. Кроме увеличения объема внешнеторговых операций, Ладожское поселение в 810—860-е гг., видимо, принимает на себя весьма важные функции в торговых операциях с окружающими финскими племенами. Об этом свидетельствуют находки большой массы бус, хранящихся в нескольких ладожских постройках. Всего в двух постройках, исследованных Е.А. Рябининым, найдено более 250 стеклянных изделий и более 160 изделий из янтаря и заготовок для них. Кроме того, в нежилой постройке, примыкающей к одной из упомянутых, были найдены остатки стеклоделательной мастерской, работавшей на привозном сырье (Рябинин, Черных 1988: 87—89). Изготовление в таком количестве стеклянных и янтарных изделий предполагает наличие для них рынка сбыта и маловероятно, что потребителями этой продукции были жители Скандинавии. Таким образом, ключевым вопросом при выявлении района тесного контакта финского населения и ладожан становится вопрос выявления массовых памятников этого периода.

Последняя треть I тыс. н.э. характеризуется, кроме появления нового типа поселений, изменением в погребальных традициях приладожского населения, а именно появлением захоронений под курганными насыпями. Ведущую роль в процессе знакомства населения южного Приладожья с этим типом обряда следует, видимо, отдать коллективам, соорудившим высокие монументальные сооружения, получившие в археологической литературе название «сопки». Высокие сопковидные насыпи существуют и в юго-восточном Приладожье, известны они в бассейне р. Сясь и на некоторых ее притоках. Их датировка весьма спорна в силу малого количества раскопанных памятников, однако существуют данные о хронологической близости приладожских сопковидных насыпей и Волховских сопков (Богуславский 1989: 30—32).

Список памятников рассматриваемого периода дополняется материалами раскопок поселения у д. Городище на р. Сясь. В ряде

работ, посвященных этому комплексу, указывалось на значительную близость Сясьского комплекса и памятников Нижнего Поволжья (Богуславский, Мачинская 1993: 117–122). Наибольшее сходство прослеживалось между поселением Новые Дубовики и Сясьским городищем, однако, целый ряд черт, как, например, состав некрополя, находок и другие, сближал Сясьский комплекс со Староладожским поселением. Основное различие этих памятников виделось в отсутствии в среднем течении р. Сясь системы небольших поселений. Теперь наличие подобных поселений в районе Сясьского городища становится очевидным, что еще больше сближает этот район со Старой Ладогой. Другим сближающим фактором можно считать впервые зафиксированный в юго-восточном Приладожье ярко выраженный ремесленный характер поселения южнее Сясьского городища, где ярко представлены следы металлургического и ювелирного производства. Не пропорционально большая коллекция бус, происходящая с этого поселения, и находки на нем бракованных стеклянных изделий позволяют предположить также и торговый характер поселения. Новые материалы, полученные на поселении, подтверждают хронологическую близость Сясьского городища и Староладожского поселения, которые до середины X в., видимо, прошли сходный путь развития (Богуславский 2006: 240).

Появление в юго-восточном Приладожье погребальных памятников, характеризующихся размещением кремированных останков в стороне от места захоронения, под относительно невысокими курганными насыпями, в сопровождении значительного количества вещей, относится к 860-м гг. (Богуславский 1992а: 114–135). По мнению В.А. Назаренко, с момента появления первых памятников Приладожской курганной культуры ее погребальную обрядность составляют два типа ритуалов (Назаренко 1983: 151). Один из них представлен разделенными на мужскую и женскую, восточную и западную половины сооружениями с помещенными, в соответствии с этим делением, на основание и в насыпь остатками кремации мужчин и женщин. Этот тип обряда восходит к погребальным памятникам докурганного периода — наземным, квадратным в плане дерево-земляным сооружениям с очагом в центре и разделением на мужскую и женскую половины — «домикам мертвых». Курганы, характеризующиеся обрядом второго типа, не разделяются на мужскую и женскую части и, как правило, в насыпи содержат остатки нескольких, расположенных рядом или отдельно друг от друга, сожженных мужчин и женщин. По всей вероятности, на эти

памятники большое влияние оказал сопочный обряд погребения и грунтовые захоронения (Назаренко 1982: 144–147).

Памятники периода 860–890-х гг. (Богуславский 1992а: 43–135; Богуславский 1991: 99–114) занимают весьма небольшой район нижнего течения р. Паши и Ояти и количество их невелико. Однако вопрос об обрядовых характеристиках этих комплексов достаточно сложен, поскольку они сочетают целый ряд весьма разнообразных элементов, что может отражать процесс формирования погребального обряда Приладожских курганов.

Период 860–890-х гг. также характеризуется определенными изменениями на Староладожском поселении, выразившимися в расширении его площади и увеличении плотности застройки (Кузьмин, Мачинская 1989: 143; Рябинин, Черных 1988: 91–93). Этому предшествовали сильные потрясения, с которыми связано почти полное уничтожение построек горизонта E_2 в пламени пожара, который относится ко второй половине 860-х гг. (Рябинин, Черных 1988: 89–91). По мнению Е.А. Рябинина, он связан с событиями, зафиксированными Начальной летописью как изгнание варягов-находников и последующее призвание Рюрика (Рябинин, Черных 1988: 91). По нашему мнению, к этому же периоду относится и начало сооружения погребальных насыпей в урочище Плакун (Богуславский 1992а: 146–148).

Вопрос о степени влияния процессов, происходивших в нижнем Поволховье, на население юго-восточного Приладожья упирается в проблему интенсивности связей между этими частями региона. Отражением этого является увеличение или уменьшение процента типов вещей, запаздывающих в погребениях юго-восточного Приладожья по сравнению с Ладогой (Boguslavskii 2005: 320). Период 860–890-х гг. характеризуется весьма тесными связями Ладоги и Приладожья, поскольку процент запаздывания типов вещей один из самых низких за весь период существования культуры (Boguslavskii 2005: fig. 3). Хотя внешние связи Ладоги в это время весьма интенсивны, в материальной культуре Приладожья прослеживается влияние всего двух традиций — финской и скандинавской (Boguslavskii 2005: fig. 4). Кроме того, на раннем этапе развития Приладожских курганов присутствуют элементы скандинавского происхождения в погребальном обряде. Влияние норманнов на приладожскую обрядность в целом проявилось, прежде всего, в переходе к размещению захоронений прямо на основании погребального сооружения, а для некоторых районов — в знакомстве населения собственно с курганным обрядом (Назаренко 1983: 155–156). Можно предпо-

ложить, что появившиеся на Волхове в VIII в. скандинавы вскоре начинают проникать вглубь Приладожья, что возможно отражает находка меча типа "В" по Я. Петерсену и возникновение Сясьского городища. В 860-е гг. характер контактов скандинавов с местным населением коренным образом меняется. Эти изменения носили отнюдь не локальный характер, поскольку совпали с пожаром Староладожского поселения, появлением могильника в урочище Плакун и с появлением ранних курганов в Гнездовском и в Ярославских могильниках (Богуславский, Яблоник 1987: 26). В письменных источниках эти процессы нашли отражение в виде легенды о призвании варягов. Активизация движения по трансъевропейским путям и увеличение спроса на пушнину (Макаров 1989: 90–91) стимулировали появление в низовьях рек Паши и Ояти скандинавских поселенцев, как и в Городище выступавших в качестве посредников в меховой торговле Ладоги с местным населением. Их погребальный обряд стал одним из источников заимствования жителями Приладожья курганного способа захоронения. По всей вероятности, торговые операции вскоре приобрели несколько иной характер за счет создания в этих районах своего рода «факторий», концентрирующих к определенному времени большие партии товара, поскольку большинство торговых поездок скандинавов, в силу ряда причин, были сезонными (Херрман 1986: 89–101). Основную работу по сбору мехов у разбросанного населения выполняли, видимо, выходцы из местной среды, причем отнюдь не из родовой знати. Об их составе, роли и социальном статусе говорит, с одной стороны, практически полное отсутствие женских погребений этого периода, с другой — присутствие в погребальном наборе большого количества оружия, а также коней при полном отсутствии престижных изделий, таких, как мечи (Богуславский 1992а: рис 18, 19). Видимо, в этой среде и сложился своеобразный обряд погребения, объединявший местные и скандинавские традиции, и материальная культура, включавшая скандинавские вещи или поступившие при посредстве скандинавов, финские изделия и предметы массового производства ладожских ремесленников.

Погребальные памятники юго-восточного Приладожья периода 890–920-х гг. демонстрируют несколько большее разнообразие как в чертах материальной культуры, так и в обрядовых характеристиках. Характеризуя Ладожское поселение этого периода, в первую очередь следует отметить комплекс построек, связанных с хорошо сохранившимся обширным сооружением с печью в центре — самым крупным «большим домом» из сооружений этого типа, исследован-

ных в Ладого. При строительстве «большого дома» широко использовались детали разобранного морского судна — корабельные доски и шпангоуты. Некоторые данные, по мнению Е.А. Рябина, позволяют интерпретировать исследованный комплекс в качестве жилища обосновавшейся в Ладого купеческой артели. Возможно, именно такие дома северных торговцев-руссов, рассчитанные на 10–20 человек, наблюдал на берегах Волги в 921–922 гг. багдадский путешественник Ибн-Фадлан. Дендрохронологический анализ относит дату строительства этого объекта ко времени около 894 г. (Рябинин, Черных 1988: 93). Хотя Ладога и предстает в это время как поселение с весьма оживленными торговыми связями, увеличение относительного количества типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладого, говорит о снижении интенсивности связей между этими территориями (Boguslavskii 2005: fig. 3).

Таким образом, встает вопрос о роли, которую играли жители Приладожья в торговле Ладого. Отражением этого, несомненно, являются привозные изделия. Ведущими среди них остаются вещи, связанные с кругом финских древностей, и вещи скандинавского происхождения или поступавшие на эти территории при посредстве скандинавов (Boguslavskii 2005: fig. 4). Последняя категория вещей становится более разнообразной, и количество ее представителей увеличивается более чем в два раза. В этом периоде известны самые ранние находки мечей, если не считать случайную находку меча у д. Бор. Однако, относительный вес этих вещей среди привозных изделий сокращается, возможно, за счет появления новой категории иноэтничных находок, а именно вещей, которые можно связать с территорией Подонья, и в частности, с салтово-маяцкой культурой. К 890–920-м гг. относится и первая монета, найденная в Приладожье — саманидский дирхем, дата чеканки которого определена только в рамках X в. Но динамику поступления монетных находок в какой-либо регион характеризует не только количество монет, найденных в погребениях определенного времени, но и даты чеканки всех найденных монет (Boguslavskii 2005: fig. 5). Анализ этих дат показывает, что в Приладожье существует серия монет, даты чеканки которых относятся к периоду 890–920-х гг., но их попадание в погребальные комплексы характеризуется определенным периодом запаздывания.

Значительный пласт привозных вещей в погребениях юго-восточного Приладожья делает весьма важной проблему выяснения непосредственного источника их попадания в этот район, поскольку значительное количество этих находок может быть связа-

но с функционированием трансевразийского пути. При изучении этих вопросов исследователи почти всегда обращаются к изучению кладов куфических монет. Отсутствие кладов IX — 70-х гг. X в. в юго-восточном Приладожье дало возможность Е. Н. Носову сделать вывод об отсутствии торговой магистрали, проходившей по рекам этого региона (Носов, 1981: 97). Но, с другой стороны, положения о существовании подобного пути достаточно часто появляются в различных работах. Эти положения опираются на отдельные сведения арабских авторов X—XIV вв. и на данные археологии (Голубева 1987: 52—64; Смирнов 1952: 225; Львова 1977: 106—109).

При изучении монетных находок Новгорода В. М. Потин обратил внимание на факт изменения времени запаздывания монет относительно даты чеканки в зависимости от интенсивности их поступления (Потин, 1982: 132). Однако приток монет на какую-либо территорию может происходить не только за счет существования магистрального торгового пути, но и за счет торговли непосредственно с каким-нибудь торговым центром: в случае Приладожья — с Ладогой. Окончательное решение вопросов о непосредственных источниках импортных вещей и монет в Приладожье связано, с одной стороны, с выявлением периода или периодов наиболее интенсивного их притока на основании периода запаздывания монетного серебра, с другой — с выявлением районов с одинаковой динамикой поступления монет. Как уже отмечалось, в юго-восточном Приладожье известны монеты, даты чеканки которых лежат между 890-ми и 920-ми гг., а именно, относятся к 900—910-м гг., но для них характерен определенный период запаздывания. Поскольку погребальные памятники нижнего Поволжья раскопаны фрагментарно, мы вынуждены оперировать материалами кладов. По данным младших монет, к этому периоду в волховском бассейне можно отнести два клада. Монеты из культурного слоя Новгорода и Ладого, о которых мы имеем достаточно сведений, не относятся к 890—920-м гг. Но в слоях Староладожского поселения этого времени найдено значительное количество привозных изделий, однако изделия, связанные с Подоньем, не встречаются позднее 890-х гг.

Причины произошедших перемен до конца не ясны. Мы можем предположить только одну из наиболее вероятных, на наш взгляд, картин изменений. С одной стороны, они, видимо, связаны с подрывом посреднической торговли между Ладогой и Приладожьем. Причиной этого стало появление в Ладого новых торговых организаций — своего рода купеческих артелей, что, возможно, отражается в постройке около 894 г. «большого дома». Коллективы,

жившие в этой постройке, продолжительное время имели возможность поддерживать непосредственные контакты с поставщиками пушнины и были заинтересованы в этих контактах. Об этом новом характере торговых отношений свидетельствует некоторое снижение интенсивности связей Ладоги с Приладожьем, выразившееся в увеличении процента запаздывающих типов вещей (Boguslavskii 2005: fig. 3) при общем возрастании количества привозных изделий. Непосредственный контакт с охотниками, добывающими шкуры, все же, по-видимому, остался в руках сформировавшейся ранее группы местных жителей в силу малой плотности местного населения. Прямой контакт с купцами привел к расширению круга этих людей. Об этом свидетельствует увеличение количества памятников (Boguslavskii 2005: fig. 2) и разнообразие их погребальных ритуалов, возможно, отражающее разнообразность вовлеченного в эти процессы населения. Об изменениях социального статуса и состава этой группы говорит увеличение женских и парных — мужских и женских — погребений, а также появление в погребальном наборе престижных изделий — бронзовых ювелирных украшений, в первую очередь скандинавских, и парадного оружия (Богуславский 1992а: рис 18).

С другой стороны, произошедшие изменения связаны и с политическими событиями этого периода. Данные письменных источников позволяют отчетливо выделить тенденцию политики первых русских князей — установление контроля над торговыми путями. Это нашло отражение в известии о переходе Рюрика из Ладоги в Новгород, занимавший ключевое место в крайне важном регионе. За этим событием последовала серия походов русских князей и их дружинников на племена, расположенные в непосредственной близости от торговых путей. В этой же связи нужно упомянуть и сообщение летописи о раздаче Рюриком «градов своим мужам». Процесс контролирования торговых путей получил свое окончательное оформление в результате похода Олега на Киев в 882 г., когда под контроль были взяты все ключевые пункты торговой магистрали (ПВЛ 1916: 19–27). Подобный контроль, несомненно, должен был заставить торговцев искать новые пути, которые не контролировались. Событием, непосредственно подстегнувшим этот процесс, стало появление в 898 г. на Днепре венгерских племен (ПВЛ 1916: 25) и несомненно последовавший за этим, может и кратковременный, период прекращения функционирования пути. Видимо, периодом политической нестабильности объясняется и относительное замедление притока на Северо-Запад Руси куфического серебра, которое

отразилось в отсутствии кладов в Волховском и Ильменском бассейнах в 870–890-е гг. (Богуславский 1992: 51–52). Активизировали поиск новой трассы, видимо, арабские купцы после заключения договоров князя Олега с Византией, поставивших русских купцов в преимущественное положение на константинопольском рынке (ПВЛ 1916: 29–41). В это время имели место достаточно осторожные попытки прохода как по рекам юго-восточного Приладожья, так и по рекам Ильменского бассейна, причем контакты по Волхову были гораздо более оживленные, с выходом на традиционный донской путь (Ляпушкин 1963: 153). Таким образом, к самому концу рассматриваемого периода наметилась тенденция непосредственного включения юго-восточного Приладожья в систему трансевразийской торговли, о чем, возможно, свидетельствует появление курганных памятников в бассейне р. Сясь и новых категорий привозных изделий.

Период 920–950-х гг. можно охарактеризовать как время расцвета Приладожских курганов, когда количество памятников наибольшее (Boguslavskii 2005: fig. 2) и они крайне многообразны, а материальная культура представлена огромным количеством вещевых находок. На Ладожском поселении в этот период происходят весьма серьезные изменения, дата которых определяется на основе времени разборки пришедшего в негодность обширного сооружения с печью в центре, рассмотренного нами выше, и с возведением на его месте типологически сходного комплекса горизонта Д. Эти события датируются рубежом 920–930-х гг. (Рябинин, Черных 1988: 93–97). Однако, можно говорить об обособленном положении этой постройки в общей системе планировки уровня. Она не только резко отличается по размерам и конструкции от тесно расположенных и образующих регулярную структуру малых срубных жилищ с печью в углу, но характеризуется и иной ориентировкой, соответствующей направлению «большого дома» нижележащего горизонта. Более того, по всей вероятности, в непосредственной близости от нее располагался ремесленный квартал. В «большом доме», однако, не зафиксировано следов ремесленной деятельности. Внутри жилища и на настиле, связанном с ним, встречен ряд вещей, указывающих на высокий статус проживающих здесь людей. Но бусы здесь являлись относительно редкой находкой. По мнению Е.А. Рябининой, в этой постройке обитала группа людей, принадлежавшая к тому же социальному кругу, что и торговцы-воины, осевшие здесь в конце IX в. и связанные с международной торговлей (Рябинин, Черных 1988: 97–98). Однако период 920–950-х гг. характеризуется отсутствием

кладов куфического серебра на р. Волхове и в Ильменском бассейне (Богуславский 1992: 51–52). Также не известно достоверных находок монет, попавших в культурный слой Ладоги и Новгорода в этот период. Кроме того, возможно сделать несколько замечаний относительно истории поселений Поволховья. В нижнем Поволховье на рубеже 920–930-х гг. происходят значительные изменения, выразившиеся в резком уплотнении застройки Староладожского поселения, придании ей регулярного характера и создании укреплений (Кирпичников 1985: 25). На поселениях-спутниках, связанных исключительно с сопочными могильниками, почти нет раннегончарной керамики (Петренко, Шитова 1985: 191). Для верхнего Поволховья следует отметить, что существование таких поселений, как Рюриково городище и Холопий городок, несомненно, продолжается и в X в., но имеющаяся хронология не позволяет сделать выводы об их характере в 920–950-е гг. Немаловажно также, что в настоящее время в Новгороде не известно слоев, которые с уверенностью можно было бы отнести ко времени ранее середины X в. (Археология СССР 1985: 86). В то же время в погребениях юго-восточного Приладожья количество и разнообразие привозных вещей достигает максимума (Boguslavskii 2005: fig. 4). В качестве категорий вещей, для которых можно с той или иной степенью установить источники поступления, необходимо отметить группу скандинавских изделий или поступивших при посредстве скандинавов, которая остается наиболее массовой; группу вещей, связанных с финским миром, для которой наметились тенденции расширения по сравнению с предшествующим периодом; сильно сократившуюся группу вещей, связанных с территорией Подонья; а также впервые появившиеся группы вещей, связанных с территорией Волжской Булгарии, Подунавья и Византии (Богуславский 1992а: 160–163).

Количество монет в погребениях этого периода достаточно значительно, и для них характерен минимальный процент западающих арабских монет (Boguslavskii 2005: fig. 6), что отражает высокую интенсивность их поступления. Кроме того, на период между 920-ми и 950-ми гг. приходится максимальное количество дат чеканки куфических монет. Видимо, большая часть арабского монетного серебра поступила в Приладожье именно в этот период, однако часть их использовалась значительный отрезок времени (Boguslavskii 2005: fig. 5). Известно также несколько западноевропейских монет, отчеканенных в эти годы, но они были найдены в погребениях более позднего времени. Следует предположить, что они поступили в Приладожье с основной массой западноевропей-

ского серебра и время их запаздывания отражает, скорее, время их использования в Западной Европе. Поскольку процент типов вещей, запаздывающих в Приладожье по отношению к Ладогe, достигает в это время практически максимальной величины (Boguslavskii 2005: fig. 3), следует предположить поступление привозных предметов в Приладожье большей частью не через Ладогу.

Таким образом, период 920–950-х гг. можно рассматривать как период активного участия жителей Приладожья в трансевразийской торговле, трасса которой проходила по территории Приладожья (Богуславский 1992: 53–54). Это заключение основано на большом количестве и разнообразии привозных изделий, в том числе и болгарских, которые практически отсутствуют в это время в Ладогe, и на интенсивном притоке арабского серебра, в то время как в Поволховье и в бассейне Ильменя фиксируется его относительное замедление. Основное движение товаров в это время, видимо, связано с вновь образовавшейся волжской магистралью. Складывание пути по традиционному донскому варианту с выходом на северные реки Балтийского бассейна стало в начале X в. весьма трудным. Это объясняется проникновением в самом конце IX в. или в первом десятилетии X в. в степи Подонья и Приазовья печенежских племен, которые в 915 г. появились уже на границах Русского государства (Плетнева 1966: 65). Усиление в связи с этим роли волжского пути подтверждается постройкой на Волге между 920 и 930 гг. города Булгара и возникновением в 920-е гг. «трех групп Руси», которые локализируются Д.А. Мачинским также на волжском пути (Мачинский 1985: 8).

Изменение трассы движения предметов восточной торговли привело к сильным изменениям в регионе южного Приладожья. В первую очередь это отразилось на характере торговых связей. За счет формирования пути через земли юго-восточного Приладожья его жители получили возможность непосредственного контакта с купцами, двигавшимися по Волжскому пути, а также возможности его контроля. Предполагаемое увеличение спроса на пушнину и другие предметы восточной торговли привело к увеличению числа памятников в юго-восточном Приладожье и к большему их разнообразию. По всей вероятности, другим результатом повышения спроса на предметы восточной торговли стало расширение контактов приладожского населения с другими финскими племенами — основными поставщиками этих товаров, о чем говорит увеличение круга финских древностей. С новым характером торговли связано снижение интенсивности связей между Ладогой и Приладожьем,

что, возможно, отражает некоторую самостоятельность последнего. С новым характером контактов между частями региона, видимо, связан подрыв роли Сясьского городища как посредника в торговых операциях и его постепенное запустение. Не совсем ясными остаются обстоятельства появления в Приладожье вещей венгерско-дунайского круга. Вполне вероятно, что они связаны с реконструируемым Г.С. Лебедевым «круговым маршрутом» варяжских воинских контингентов, который наметился на рубеже IX—X вв. Этот маршрут, по его мнению, заключается в движении варягово-наемников через земли Руси в Византию, где они участвовали в боевых действиях против нее или на ее стороне против пограничных племен, отсюда на города мусульманского Закаспия с целью получения новой добычи и только после этого возвращение их на север по волжскому пути (Лебедев 1985: 252–255). В этом случае в связь с «круговым маршрутом» можно поставить и появление в Приладожье чисто скандинавского погребального комплекса, такого как погребение в ладье из кургана № 19 могильника Усть-Рыбижна.

В 950–980-е гг. погребальные комплексы появляются в целом ряде новых районов юго-восточного Приладожья, где они не были известны ранее (Boguslavskii 2005: fig. 2), и их обряд становится более разнообразным за счет черт христианской погребальной традиции (Богуславский, 1992а: 164–165). В погребениях этого времени, так же как и в предыдущее время, найдено значительное количество привозных изделий, однако их общее количество и разнообразие сокращается (Boguslavskii 2005: fig. 4). Изменяется также и соотношение между различными пластами древностей. Ведущим становится пласт вещей, связанный с финской культурной традицией. Количество скандинавских изделий сильно сокращается, и они становятся менее разнообразными. К 950–980-м гг. относится практически максимальное количество болгарских изделий и отдельные вещи венгерско-дунайского круга (Богуславский 1992а: 165–166).

Около 954 г. в Ладоге происходит достаточно сильный пожар, повредивший некоторые постройки, в том числе и уже рассмотренный комплекс сооружений, связанный с «большим домом». Однако вскоре после пожара он был обновлен, а также был перестроен бревенчатый настил к северу от этого сооружения, больше всего пострадавший при пожаре (Рябинин, Черных 1988: 96–97). С определенной долей условности можно говорить и об изменении характера некрополя Ладоги. К 950-м гг., видимо, прекращается совершение погребений в скандинавском могильнике в урочище

Плакун и появляются первые древнерусские захоронения (Богуславский 1992а: 167). Можно также говорить об интенсификации поступления куфического серебра в бассейн Волхова и Ильменя, о чем свидетельствует выпадение серии кладов с датами младших монет после 950-х гг. (Носов 1976: 105–106), а также о начале поступления западноевропейского серебра, которое фиксируется в Новгороде между 972 и 989 гг. Более того, само заселение территории современного Новгорода относится, по всей вероятности, ко времени около 950-х гг. (Археология СССР 1985: 86). Погребальные комплексы юго-восточного Приладожья рассматриваемого периода демонстрируют очень тесную связь с Ладогой. Об этом говорит самый низкий из известных процент типов вещей, запаздывающих по отношению к Ладогe (Boguslavskii 2005: fig. 3). Эта характеристика тем более показательна, что она изменяется от одного из самых высоких значений к самому низкому. С уверенностью можно говорить о снижении притока монетного серебра на территорию юго-восточного Приладожья, что основывается, с одной стороны, на возрастании почти в два раза относительного количества монет, которые запаздывают в погребальном наборе (Boguslavskii 2005: fig. 6); с другой стороны — на сокращении в несколько раз количества арабских монет, дату чеканки которых можно связать с рассматриваемым временем (Boguslavskii 2005: fig. 5). В 950–980-е гг. в Приладожье появляется новый тип монетных находок — византийские серебряные монеты, которые относительно малочисленны и, на наш взгляд, не связаны непосредственно с международной торговлей (Богуславский 1990: 59–61).

Рассматриваемый период, предположительно, связан с изменением трассы волжского пути и перемещением его северного участка в бассейн Волхова и Ильменя. Об этом свидетельствует понижение интенсивности поступления в юго-восточное Приладожье монетного серебра и привозных изделий, а также увеличение числа находок монет в Ильменском бассейне. Видимо, предметы, связанные с трансъевропейской торговлей, поступали в юго-восточное Приладожье опосредованно, то есть через Ладугу, отражением чего стало повышение интенсивности связей Приладожья со Староладожским поселением. Изменения, произошедшие на Северо-Западе Руси, по всей вероятности, стали результатом новой волны «северной политики» княжеской администрации, наступившей после 945 г. Эта политика связана, в основном, с необходимостью упрочения княжеской власти внутри племенных территорий. Эта задача во многом получила свое разрешение в ходе действий княгини Оль-

ги в 946–948 гг., когда на севере Руси были установлены погосты (ПВЛ 1916: 69). Письменные источники не упоминают об активных действиях Ольги в южном Приладожье, однако об определенных потрясениях свидетельствует пожар в Ладоге около 954 г. На севере находится и Святослав со своей дружиной, пребывание которого в Новгороде фиксирует Константин Багрянородный (Литаврин 1982: 272) в своем трактате «Об управлении империей», написанном между 948 и 950 гг. (Литаврин 1982: 267). Изменение трассы волжского пути, несомненно, привело к снижению товарооборота, связанного с трансевразийской торговлей, и к потере юго-восточным Приладожьем возможности контроля пути. Кроме того, в это время произошло и общее уменьшение роли Волжской магистрали в связи североморских центров с исламским миром, о чем говорит резкое сокращение поступления восточных товаров в Скандинавию не позднее 970-х гг. Северные страны стали получать необходимое для торговых операций серебро из Западной Европы (Лебедев 1985: 117). Отражением этого, вероятно, является появление на Северо-Западе Руси первых западноевропейских монет. Эта ситуация привела, по всей вероятности, к высвобождению в юго-восточном Приладожье значительного количества вооруженных людей, что сделало возможным их участие в общерусских военных операциях. Косвенно об этом свидетельствует значительное сокращение, по сравнению с предыдущим периодом, количества погребений с оружием (Богуславский 1992а: рис. 18). С достаточной уверенностью можно говорить об участии выходцев из Приладожья в походах Владимира на Византию и Придунайские земли в 980-е гг. (ПВЛ, 1916: 103–140). Отражением этого участия стало появление в Приладожье византийских монет и вещей венгерско-дунайского круга. Другая группа событий, видимо, также относящаяся к периоду княжения Владимира, связана с проникновением в северорусские земли христианства, чему способствовало крещение Владимира и части его дружины во время похода на Корсунь. Это заключение основывается на предположении, что первыми предметами христианского культа стали, как ни странно, византийские монеты, центральным изображением которых был крест (Богуславский 1990: 61). В рамках этого же процесса произошло, видимо, и разрушение большой культовой постройки на Варяжской улице в Старой Ладоге. По мнению В. П. Петренко, оно имело место между 986 и 991 гг. (Петренко 1985: 113).

Для археологических памятников юго-восточного Приладожья 980–1020-х гг. характерно большое разнообразие погребальных па-

мятников. Однако, следует отметить значительное сокращение числа мужских погребений и по сравнению с женскими погребениями, и по сравнению с количеством мужских погребений предыдущего периода (Boguslavskii 2005: fig. 2; Богуславский 1992а: 170–171). Древности этого времени представлены в Ладоге крайне фрагментарно, что не позволяет говорить о характере поселения на Земляном городище. Если судить по материалам раскопок на левом берегу р. Ладожки, то плотность застройки поселения в это время достигает максимума и состоит из небольших срубных сооружений. Гибель этих построек, по мнению В.П. Петренко, произошла во время набега на Ладогу ярла Эйрика около 997 г. (Петренко 1985: 115). Поэтому тот факт, что относительное количество типов вещей, запаздывающих в Приладожье по сравнению с Ладогой, достигает максимума, отражает скорее не интенсивность связей Ладоги с юго-восточным Приладожьем, а малочисленность находок этого времени на Земляном городище (Boguslavskii 2005: fig. 3).

Привозные изделия в погребениях юго-восточного Приладожья этого времени становятся гораздо менее разнообразными, и их количество сильно уменьшается (Boguslavskii 2005: fig. 4). Самым массовым пластом древностей, которые с большими оговорками можно считать привозными лишь только на том основании, что производство изделий этого круга достоверно не зафиксировано в южном Приладожье, являются вещи, связанные с финским миром. Крайне малочисленны находки вещей, связанных с активностью скандинавов, и болгарские изделия. Однако, следует отметить, что последние представлены престижными изделиями, которые могли использоваться длительное время (Богуславский 1992а: 171–173). Монетные находки в погребальных комплексах 980–1020-х гг. в основном представлены западноевропейским серебром. Но говорить об его интенсивном притоке на земли юго-восточного Приладожья вряд ли возможно. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых относится к этому времени, не очень велико, что делает весьма вероятным поступление их в более позднее время вместе с основным потоком западноевропейского серебра (Boguslavskii 2005: fig. 5). С другой стороны, количество архаичных, запаздывающих монет в составе денежного обращения этого периода весьма велико (Boguslavskii 2005: fig. 6), что говорит о медленном его обновлении. Эти наблюдения подтверждаются на основе куфического серебра. В погребениях этого времени известна только одна арабская монета, достаточно быстро попавшая в состав погребального комплекса (Boguslavskii 2005: fig. 5). Для всего остального арабского серебра

характерен значительный период запаздывания (Boguslavskii 2005: fig. 6), который в одном случае превышает полвека.

Таким образом, можно предположить, что юго-восточное Приладожье оказывается в рассматриваемый период в стороне от международной торговли. Во многом, видимо, этому способствовала наметившаяся ее переориентация на Западную Европу, о чем свидетельствует поступление на Северо-Запад Руси западноевропейских монет. Эти процессы, а также увеличение экономической роли Новгорода в этом регионе, отражением чего стало широкое поступление в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, привело к снижению количества ввозимых, но что представляется более важным, вывозимых товаров. Это высвободило новую группу приладожского населения, прежде связанного с международной торговлей. В то же время, а именно с 980-х гг., можно проследить отток воинских контингентов с Севера Руси. Значительная часть дружины Владимира формировалась в Новгороде и, видимо, отчасти ее составляли выходцы из Приладожья, тем более, что там в 950–980-е гг. существовала значительная прослойка мужчин, носивших оружие. В 988 г. начинается постройка крепостей в Южной Руси (ПВЛ 1916: 155–156), требовавшая постоянного притока новых воинов. В этом же году, при заключении мира с царем Василием и женитьбе на его сестре Анне, Владимир отправил шеститысячный отряд руссов в Византию, где после 980 г. организуется варяжский военный корпус (Рыдзевская 1978: 153, 218). Этот процесс, игравший, видимо, достаточно значительную роль для южного Приладожья, отразился почти в полном отсутствии в погребениях достоверных предметов вооружения. Отсутствие надежной защиты северных территорий позволило викингам совершить ряд набегов на территорию южного Приладожья. В 995–997 гг. норвежский ярл Эйрик, потерявший свой лен в борьбе с Олавом Норвежским, опираясь на поддержку Олава Шведского, совершил поход на Ладугу и северные земли (Рыдзевская 1978: 50–51). Возможно, отражением этого явился пожар, зафиксированный В.П. Петренко в раскопе на Варяжской улице, а также некоторое «смещение» погребальных памятников Приладожья в глубинные районы (Boguslavskii 2005: fig. 2). Дело брата на землях Приладожья продолжил в 1015 г. Свейн. Таким образом, видимо, не последнюю роль в сокращении связей Приладожья с другими территориями сыграла и нестабильная обстановка в этом регионе.

С периодом 1020–1070 гг. связано сокращение разнообразия обрядов погребения, что во многом связано с увеличением в пог-

ребальных памятниках черт христианской погребальной традиции (Богуславский 1992а: 173—174). Число изделий, характеризующих связи приладожского населения в этот период, достаточно невелико (Boguslavskii 2005: fig. 4). В первую очередь это связано с массовым проникновением в Приладожье серийных изделий новгородских ремесленников, которые во многом вытеснили другие привозные предметы. С другой стороны, выделить среди массовых вещей предметы, отражающие внешние связи юго-восточного Приладожья, без дополнительного анализа распространения их в Новгородской земле крайне трудно, а часто и невозможно. Из вещей, происхождение которых практически не вызывает сомнений, следует в первую очередь отметить огромный пласт финских древностей. Их количество в погребениях не сократилось, а удельный вес увеличился за счет сокращения количества других изделий. Вещи, связанные со Скандинавией, крайне немногочисленны, а византийские вещи представлены только находкой литого перстня с печаткой (Богуславский 1992а: 175).

Несмотря на сокращение круга привозных изделий, количество монет в погребениях остается значительным. В этом периоде встречены последние арабские монеты, все находки которых попадают в погребальные комплексы со значительным запаздыванием (Boguslavskii 2005: fig. 6). Новые монеты из восточных стран в Приладожье, видимо, не поступали, поскольку здесь не известны дирхемы с датой чеканки после 1012 г. Значительные изменения произошли в динамике поступления западноевропейского серебра, что выразилось в интенсификации его притока в Приладожье. Об этом свидетельствует, с одной стороны, уменьшение процента запаздывающих монет (Boguslavskii 2005: fig. 6), который в это время минимален для всей истории региона, с другой стороны — максимальное количество западноевропейских монет, известных в юго-восточном Приладожье, отчеканено в различных центрах Западной Европы именно в период между 1020-ми и 1070-ми гг. (Boguslavskii 2005: fig. 5), что свидетельствует, видимо, о времени их поступления. Однако, для понимания этого процесса крайне важна динамика поступления монетного серебра в Новгород. Согласно анализу этих находок, проведенному В.М. Потиним, интенсивность поступления монет из Западной Европы существенно увеличивается с 1025 г.; более того, для времени около 1025 г. средний период запаздывания монет составляет около 8,5 лет (Потин 1982: 130—131). Эти факты заставляют нас сделать вывод об опосредованном поступлении западноевропейского монетного серебра в юго-восточное Приладожье, видимо, через

Новгород, причем интенсивность связей Новгорода с юго-восточным Приладожьем была очень высока.

Видимо, возникшая в регионе южного Приладожья нестабильность весьма отрицательно сказывалась как на состоянии международной торговли, так и на самой безопасности Новгорода. Во многом попыткой ее устранения и удачным выходом из создавшегося положения стал династический брак между Ярославом Мудрым и дочерью Олава Шведского — Ингигерд в 1020 г. (Рыдзевская 1978: 67). Ладога и Приладожье были преподнесены Ингигерд в качестве свадебного дара и переданы в управление ее родственнику — гаутландскому ярлу Рагнвальду — стороннику Олава Норвежского (Рыдзевская 1945: 59). Таким образом, Ладожское ярлство превратилось в своеобразную буферную зону между Скандинавией и Русью. Как владения Ингигерд, эта зона была защищена от нападения шведов, а как лен Рагнвальда — от нападения норвежцев. О сходных целях при переустройстве Ладоги свидетельствует, по мнению А. Н. Кирпичникова, относящееся к близкому времени ускоренное создание укреплений (Кирпичников 1985: 25). Зависимость этой территории от Русского государства и княжеской власти проявилась как в увеличении экономического влияния Новгорода на эту территорию, так и в активном участии выходцев из Приладожья в жизни Новгородской земли. Это выразилось в участии Рагнвальда, а затем его сына Эйлифа с дружиной в военных походах Ярослава Мудрого и новгородцев (Рыдзевская 1945: 59–60). Таким образом, юго-восточное Приладожье в это время, оказавшись в стороне от магистрального пути трансевропейской торговли, видимо, переориентировалось на посредническую торговлю между финскими племенами, о чем свидетельствует увеличение количества финских предметов и западноевропейских монет, поступавших через Новгород, занимавший более удачное положение на торговых путях. Это положение Приладожья и своеобразная внешнеполитическая ситуация, несомненно, сильно способствовали сближению его и Новгорода. Косвенным свидетельством о начавшегося процесса экономической переориентации юго-восточного Приладожья является незначительное количество серийных изделий XI в. в недендротированных слоях Земляного городища, в отличие от погребений юго-восточного Приладожья, и отсутствие достоверных следов их изготовления в Ладоге.

Погребальные комплексы после 1070-х гг. представлены в юго-восточном Приладожье достаточно близкими по своим обрядовым характеристикам памятниками. Эти памятники сходны со мно-

гими другими погребальными древностями Новгородской земли XI–XIII вв., получившими в археологической литературе название «древнерусские курганы», хотя и отличаются некоторым своеобразием. Количество вещей, свидетельствующих о связях приладожского населения в это время, значительно сокращается — более чем в два раза по сравнению с предыдущим периодом. Этот процесс отражает, видимо, не только процесс определенной изоляции юго-восточного Приладожья, но и общее сокращение числа изделий в погребальном инвентаре и увеличение количества «полиэтнических» предметов, являющихся продукцией новгородского городского ремесла. Единственной группой вещей, для которой с достаточной определенностью можно говорить об источнике их поступления, являются вещи, связанные с финскими древностями. Однако у нас нет возможности определить характер связей, в рамках которых произошло поступление этих вещей — носили они характер непосредственных торговых контактов выходцев с различных территорий или являлись только движением отдельных вещей через руки многих посредников.

Ослабление связей юго-восточного Приладожья выразилось и в динамике поступления монетного серебра. С одной стороны, количество монет, дата чеканки которых позже 1070 г., сокращается более чем в два раза по сравнению с предшествующим хронологическим отрезком (Boguslavskii 2005: fig. 5), несмотря на то, что продолжительность рассматриваемого периода несомненно больше, нежели предыдущего — здесь известны и погребения XII–XIII вв. (Богуславский 1992: рис. 32). Кроме того, значительно возрастает количество монет, попадание которых в погребальные комплексы уверенно можно охарактеризовать определенным периодом запаздывания. Более того, поскольку хронология погребений описываемого периода определена весьма широкими рамками, период запаздывания, возможно, характерен и для остальных находок монет (Boguslavskii 2005: fig. 6). Таким образом, приведенные наблюдения свидетельствуют о значительном снижении объема и интенсивности торговых связей юго-восточного Приладожья. В то же время, активное поступление монет в Новгород продолжается, о чем говорит их значительное количество и сравнительно небольшой временной разрыв между датой чеканки монеты и временем ее попадания в культурный слой поселения (Потин 1982: 131–132).

Очевидно, что причины изменений, произошедших в юго-восточном Приладожье, невозможно решить в отрыве от изучения истории и материальной культуры Новгорода и Новгородской земли

в целом, что требует отдельного исследования. Однако, несомненно, что немалую роль в этих процессах сыграло изменение политических институтов власти Новгорода, связанное с оформлением посадничества. В.Л. Янин считает, что вслед за изменением институтов власти Новгорода произошло изъятие большого количества ремесленников из-под юрисдикции князя и переподчинение их вечевым порядкам, поскольку эксплуатация ремесла сделалась одним из важнейших источников боярских доходов (Янин 1982: 90–91). Видимо, вскоре за этим последовали действия новой администрации по защите своих торговых интересов и регламентации торговли. По крайней мере, можно утверждать, что к XII в. торговые связи Руси, в первую очередь Новгорода и Скандинавии, уже носили регламентированный характер (Джаксон 1991: 164–169). Изменение ситуации на новгородском рынке привело к упрочению ориентации Приладожья на посредническую торговлю с племенами Русского Севера, с которыми, вероятно, они имели давние налаженные контакты (Мачинский, Мачинская 1988: 53–56). Отражение этого процесса нам видится в появлении в Заволочье нескольких могильников, в первую очередь Корбальского могильника, материалы которых находят прямые аналогии в памятниках юго-восточного Приладожья второй половины XI в. (Назаренко и др. 1990: 93–101). Однако, следует заметить, что в это время можно достаточно определенно говорить и об общем движении новгородцев на Русский Север (Насонов 1951: 114–117). Достаточное своеобразие этим процессам в Приладожье придает наметившаяся с 1050-х гг. известная самостоятельность этого региона, которая могла быть получена после смерти Ингигерд в 1050 г. и Владимира в 1052 г. и упразднения самостоятельного «стола» в Новгороде. Немаловажную роль в политическом положении Приладожья играло и то, что в 1056–1066 гг. шведский престол занимал Стейнкель, сын ладожского ярла Рагнвальда (Мачинский, Мачинская 1988: 56).

Косвенно большую значимость новой специализации Приладожья подтверждают действия новгородской администрации в начале XII в., отразившиеся в походе Мстислава Владимировича в 1105 г. на Ладугу и в постройке ладожской каменной крепости в 1114–1116 гг. О серьезных потрясениях именно в Приладожье говорит выпадение в этом районе на рубеже XI–XII вв. серии кладов. Это группа лодейнопольских кладов, а также клады в бассейне р. Паши (Потин 1967, № 218–220, 228, 229). Эти находки, видимо, отражают не только нестабильность в регионе, но также и размеры богатств, сконцентрированных в это время в Приладожье за счет

участия в торговых операциях. С другой стороны, концентрация такой массы ценностей свидетельствует об отсутствии прямого выхода на крупные рынки и неучастии приладожского населения этого времени непосредственно в международной торговле.

Изложенные материалы позволяют, на мой взгляд, сделать заключение, что южное Приладожье, которое изначально включало нижнее Поволховье и юго-восточное Приладожье, являлось ядром историко-культурного образования, получившего в научной литературе название Ладожская земля. Вероятно, политические, экономические и культурные формы этого образования носили достаточно свободный характер, что позволяло в различные исторические периоды находить различные пути взаимодействия двух основных частей Ладожской земли. Кроме того, подобная форма объединения позволяла на ряде этапов вовлекать в него, возможно, на различных условиях, очень широкие регионы. Таким образом, границы, форма и характер этого имеющего европейское значение объединения могли меняться неоднократно, что обусловлено бурной историей региона. Конкретизация отдельных характеристик этого образования на различных этапах исторического развития может оказаться решающей в вопросах реконструкции основных исторических процессов, протекавших в Северной Руси и в Балтийском регионе в эпоху средневековья.

ЛИТЕРАТУРА

Аристе 1956. — *Аристе П.А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 5–11.

Археология СССР 1985 — Археология СССР. Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985.

Богуславский 1989 — *Богуславский О.И.* Древнейший погребальный памятник юго-восточного Приладожья // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 30–32.

Богуславский 1990 — *Богуславский О.И.* О находках византийских монет в южном Приладожье // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1990. С. 59–61.

Богуславский 1991 — *Богуславский О.И.* К хронологии юго-восточного Приладожья IX–XII вв. // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л., 1991. С. 99–114.

Богуславский 1992 — *Богуславский О.И.* Юго-восточное Приладожье и трансевразийские связи IX–XI вв. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 44–68.

Богуславский 1992а — *Богуславский О.И.* Южное Приладожье во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. (опыт историко-культурной периодизации): Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. СПб., 1992.

Богуславский 2005 — *Богуславский О.И.* Комплекс памятников у д. Городище на р. Сясь (по результатам раскопок 1987—1999 гг.) // *Stratum plus*. 2003—2004. 2005. № 5. С. 171—243.

Богуславский, Яблоник 1987 — *Богуславский О.И., Яблоник Д.Л.* Ранние скандинавские находки в юго-восточном Приладожье в контексте синхронных скандинавских импортов // *История и археология Новгородской земли*. Новгород, 1987. С. 25.

Богуславский, Мачинская 1993 — *Богуславский О.И., Мачинская А.Д.* Сясьское городище и поселение нижнего Поволховья (опыт сопоставления) // *ПАВ*. СПб., 1993. Вып. 6. С. 117—122.

Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы южного Приладожья // *МАР*. № 18. СПб., 1895.

Булкин, Дубов, Лебедев 1978 — *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники древней Руси IX—XI вв. Л., 1978.

Голубева 1987. — *Голубева Л.А.* Весь // *Финно-угры и балты в эпоху средневековья*. М., 1987. С. 52—64.

Гурина 1961 — *Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада Европейской части СССР // *МИА*. № 87. Л., 1961. С. 55—59.

Давидан 1986 — *Давидан О.И.* Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII—IX вв. // *АСГЭ*. 1986. № 27. С. 99—104.

Джаксон 1991 — *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X—XIII вв. // *Древнейшие государства на территории СССР*. М., 1991. С. 5—169.

Джаксон, Мачинский 1989 — *Джаксон Т.Н., Мачинский Д.А.* «Сага о Хальфдани, сыне Эйстейна» как источник по истории и географии Северной Руси и сопредельных областей в IX—XI вв. // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1989. С. 129—137.

Иордан 1960. — *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

Кирпичников 1985 — *Кирпичников А.Н.* 1985. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // *Средневековая Ладога* Л.: С. 3—26.

Кирпичников 1979 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // *Славяне и Русь*. Киев, 1979. С. 92—106.

Кирпичников 1988 — *Кирпичников А.Н.* Ладога и Ладожская земля VIII—XIII вв. // *Славяно-русские древности*. Вып. 1. Л., 1988. С. 36—79.

Кирпичников, Дубов, Лебедев 1986 — *Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Славяне и скандинавы в эпоху раннего средневековья. (Проблемы интеграции и периодизации культур) // *X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. Тез. докл. М., 1986. С. 160—162.

Кочкуркина 1973 — *Кочкуркина С.И.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973.

Кочкуркина 1989 — *Кочкуркина С.И.* Памятники юго-восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, 1989.

Куза 1975 — *Куза А.В.* Новгородская земля // *Древнерусские княжества X—XIII вв.* М., 1975. С. 145—152.

Кузьмин, Мачинская 1989 — *Кузьмин С.Л., Мачинская А.Д.* Ладога и ее округа в VIII—X вв. // *Тезисы докладов XI Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. М., 1989. С. 142—143.

Лебедев 1985 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.

Литаврин 1982 — *Литаврин Г.Г.* Константин Багрянородный. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Львова 1977 — *Львова З.А.* К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X — нач. XI вв. в северные районы Восточной Европы // АСГЭ. 1977. № 18. С. 106—109.

Ляпушкин 1986 — *Ляпушкин И.И.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. 1986. № 152.

Макаров 1989 — *Макаров Н.А.* Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4. С. 80—102.

Мачинская 1989 — *Мачинская А.Д.* Украшения из оловянистых сплавов из Старой Ладogi // Новгород и Новгородская земля. Новгород, 1989. С. 17—19.

Мачинский 1985 — *Мачинский Д.А.* Ростово-Суздальская Русь в X в и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. С. 3—23.

Мачинский, Мачинская 1988 — *Мачинский Д.А., Мачинская А.Д.* Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII—XI вв. // Культура Русского Севера. Л., 1988. С. 44—58.

Назаренко 1979 — *Назаренко В.А.* Исторические судьбы Приладожья и их связь с Ладогой // Славяне и Русь. Киев, 1979. С. 106—114.

Назаренко 1983 — *Назаренко В.А.* Погребальная обрядность Приладожской чуди. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1983.

Назаренко 1982 — *Назаренко В.А.* Норманны и появление курганов в Приладожье // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 142—147.

Назаренко, Овсянников, Рябинин 1990 — *Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябинин Е.А.* Чудь заволочская // Финны в Европе XI—XV вв. Т. 2. М., 1990. С. 93—101.

Насонов 1951 — *Насонов А.Н.* Русская земля и образование Древнерусского государства. М., 1951.

Носов 1981 — *Носов Е.И.* Волховский водный путь и поселения конца I тысячелетия н. э. // КСИА. 1981. № 164. С. 18—24.

Носов 1976 — *Носов Е.И.* 1976. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII—X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VIII. С. 95—110.

ПВЛ 1916 — Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. I.

Петренко, Шитова 1985 — *Петренко Б.П., Шитова Т.Б.* Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181—191.

Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице // Средневековая Ладога Л., 1985. С. 81—116.

Плетнева 1967 — *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. М., 1967.

Попов 1973 — *Попов А.И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

Потин 1967 — *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ. 1967. Т. IX. С. 94—123.

Потин 1982 — *Потин В.М.* Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 127—134.

Равдоникас 1924 — *Равдоникас В.И.* 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.

Равдоникас 1930 — *Равдоникас В.И.* Проблемы изучения культур эпохи металла в Карелии // Карелия. Ежегодник Карельского госуд. музея за 1928 г. Петрозаводск, 1930. С. 60–68.

Равдоникас 1934 — *Равдоникас В.И.* Памятники эпохи возникновения феодализма в Карелии и юго-восточном Приладожье // ИГАИМК. 1934. С. 94.

Рыдзевская 1945 — *Рыдзевская Е.А.* Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 51–63.

Рыдзевская 1978 — *Рыдзевская Е.А.* «Россика» в исландских сагах // Древняя Русь и Скандинавия (IX–XIV вв.). М., 1978. С. 4–128.

Рябинин 1989 — *Рябинин Е.А.* Новые открытия в Старой Ладоге (Итоги раскопок на Земляном городище 1973–1875 гг.) // Средневековая Ладога. Л., 1989. С. 38–76.

Рябинин, Черных 1988 — *Рябинин Е.А., Черных Н.Б.* Стратиграфия, застройка и хронология нижнего слоя Староладожского Земляного городища в свете новых исследований // СА. 1988. № 1. С. 72–100.

Седов 1987 — *Седов В.В.* Прибалтийские финны // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 12–13.

Смирнов 1952 — *Смирнов А.П.* Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья // МИА. 1952. № 28.

Спицин 1895 — *Спицин А.А.* Дополнительные замечания // Курганы Южного Приладожья. МАР. 1895. Т. 18. С. 143–154.

Спицин 1914 — *Спицин А.А.* Русская историческая география. Пг., 1914.

Третьяков 1966 — *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.

Тухтина 1976 — *Тухтина Н.В.* Этническая принадлежность погребенных в курганах юго-восточного Приладожья // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1976. С. 162–181.

Херрман 1986 — *Херрман И.* Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 8–128.

Шаскольский 1965 — *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной науке. М.; Л., 1965.

Янин 1982 — *Янин В.Л.* Социально-политическая структура Новгорода в свете археологических исследований // НИС. 1982. № 1 (11). С. 79–95.

Arbman 1937 — *Arbman H.* Sweden und das Karolingische Reich. Stockholm, 1937.

Arbman 1955. — *Arbman H.* Svear i osterviking. Stockholm, 1955.

Arbman 1961 — *Arbman H.* The Vikings. London, 1961.

Arbman 1962 — *Arbman H.* Vikingarna. Stockholm, 1962.

Arbman 1962a — *Arbman H.* Sverige ock Ostern under vikingatiden // Sverige ock Europa under forntid ock medeltid. Stockholm. S. 68–82.

Arne 1914 — *Arne T.J.* La Suede et l'Orient. Upsala, 1914.

Arne 1917 — *Arne T.J.* Svenska vikingakolonier i Russland. Stockholm, 1917.

Boguslavskii 2005. — *Boguslavskii O.I.* International Trade and the Southern Ladoga Region // Russian History/History Russe. 2005. № 3–4. Fall-Winter. P. 313–339.

Raudonikas 1930 — *Raudonikas W.I.* Die Normannen der Wikingerzeit und das Ladogagebiet. Stockholm, 1930.

Stalsberg 1982 — *Stalsberg A.* 1982. Scandinavian relations with northwestern Russia during the Viking age (The archaeological evidence // *Baltic Studies*. Vol. 13. № 3. S. 267–295.

Stender-Petersen 1956 — *Stender-Petersen A.* Zur Rus Frage // *Varangica*. 1956. S. 76–89.

Stender-Petersen 1960 — *Stender-Petersen A.* Der älteste russische Stadt // *Historische Zeitschrift*. 1960. Bd. 91. H. 1. S. 3–18.

Stender-Petersen 1956a — *Stender-Petersen A.* Russian Studies // *Acta Jutlandica*. 1956. T. XXVIII. H. 2. S. 19–31.

Stender-Petersen 1959 — *Stender-Petersen A.* Runestaven fra Ladoga // *Kuml* (1958). 1959. S. 112–126.

Tallgren 1916 — *Tallgren A.M.* Fornsaker Fran Olonets pa Historiscka Museum i Helsingfors // *FM*. 1916. XXVII. S. 24–35.

ЭЛИТАРНЫЕ МОГИЛЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ НА ФОНЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Старая Ладога (один из крупнейших ранних городских, торговых центров Северной и Восточной Европы) главным образом известна широкому кругу исследователей археологическими открытиями, совершенными на Староладожском Земляном городище. Разнообразные и многочисленные находки из слоя Староладожского поселения характеризуют широкие торговые и культурные связи ее жителей, начиная с VIII в. Совершенно иной пласт материалов представляют погребальные памятники Старой Ладоги. Они указывают на конфессиональную, этническую, социальную жизнь раннесредневекового города. Традиционно считается, что различные по своему происхождению группировки ладожан практиковали разнообразные погребальные обряды. Среди них наибольшую известность получили сопки — огромные погребальные насыпи словен новгородских. Около 40 сопок окружают древнее ядро города на Волхове (Петренко 2004: 12–27; Кузьмин, Волковицкий 2001: 45). Эти монументальные, высокие погребальные насыпи, распространенные по всей территории Северо-Запада, включают Ладогу в общую зону расселения словен и напоминают о господствующей группе средневекового ладожского населения. Меньшую известность получили грунтовые и курганные могильники Ладоги. Например, остались за пределами широких обобщений: некрополь из курганов и грунтовых захоронений в урочище Победище, Никольский грунтовый некрополь, Успенский или Семеновский могильник, открытый на южной окраине Успенского монастыря, остатки погребений на Варяжской улице, древнейшее христианское кладбище у церкви Св. Климента, Алексеевский могильник на левом берегу речки Ладожки (Орлов 1941; 1956; 1960; Лебедев, Седых 1985: 17–24; Санкина, Козинцев 1995; Платонова 1997: 25–27; Кузьмин, Волковицкий 2001: 45–50). Они тянутся по краю высокой береговой террасы с севера на юг, окружая по периметру жилую застройку IX–XI вв. на Земляном городище и по берегам речки Ладожки.

Особенности топографии исследованных ладожских захоронений позволяют некоторым исследователям утверждать, что в X в. основная площадь городской застройки могла быть плотно стиснута обширными курганными могильниками. Подобная топографическая ситуация является характерной для большинства ранних городских центров Древней Руси и северных городов эпохи викингов. Огромные кладбища, которые начинались сразу же за домами горожан и занимали многие гектары территории, окружали в X столетии поселенческое ядро Пскова, Гнёздова, Киева, Чернигова, Шестовицы (Авдусин 1999: 7–11; Ширинский 1999: рис. 15; Коваленко 2003: 54–58, рис. 1–2). В отечественной историографии подобный тип могильников IX–X вв. традиционно именуют «дружинными». Этим, не совсем удачным, термином исследователи попытались передать своеобразие первых раннегородских могильников, выделить их на фоне традиционных, повторяющихся обрядов местного населения Восточной Европы, отделить их хронологически от древнерусских памятников XI–XII вв. Состав инвентаря, погребальные традиции и топография древнерусских «дружинных» могильников указывают на североевропейский, скандинавский характер их связей. Не только структура и состав находок Староладожского поселения эпохи викингов, но и структура могильника ставит Ладогу в один ряд с такими первыми городами Балтики, как Бирка, Хедебю, Риббе, Скрингиссаль, Сигтуна, Гросс-Штротдорф/Рерик.

Раннегородские кладбища эпохи викингов отличает сложносоставная структура некрополя, когда единое могильное пространство состоит из нескольких групп захоронений. Часто доминантами могильных групп становятся или «большие» курганы, или наиболее «пышные» захоронения, расположенные на возвышенностях. На фоне сельских некрополей эти могильники выделяются высоким процентом труположений, большим разнообразием погребальных обрядов и инвентаря внутри каждой части некрополя. Вероятно, можно дискутировать о пороговом числе могил, которые отличают городскую Некрополь от сельского, но все вышеуказанные факторы и десятки исследованных захоронений позволяют нам рассматривать Ладожский некрополь на фоне остальных раннегородских могильников эпохи викингов, и применять к нему те же закономерности и аналогии.

К нашему большому сожалению, значительная часть курганных и грунтовых захоронений Староладожского некрополя оказалась недоступна для исследований. До нашего времени почти не сохранилось обширных нетронутых площадей по которым мы

могли бы судить о его внутренней структуре и хронологии. Среди прочих лучше всего оказалась изучена группа в урочище Плакун. Могильник располагался на правом берегу Волхова, напротив Староладожской крепости на краю деревни Чернавино (Корзухина 1971; Назаренко 1985; Михайлов 2002). На мой взгляд, хронология, топография и состав этого небольшого курганного могильника в миниатюре повторяет структуру, характерную для городского некрополя эпохи викингов.

Могильник расположен на краю первой береговой террасы Волхова, которая подвержена частым паводкам и не очень удобна для возведения жилых построек. В подобной ситуации существовали многие ранние городские кладбища этого времени. По-видимому, их преднамеренно выносили на неудобные для жилой застройки, но близки к ней участки. Курганы могильника Плакун были вытянуты с юга на север между берегом Волхова и откосом второй террасы. Доминантой этой группы следует считать большой курган, который возвышался к югу от небольших насыпей могильника. Исследования Е.Н. Носова продемонстрировали, что большой или, как его называли, «сопковидный» курган являлся одним из самых ранних и самых пышных в группе (Носов 1985: 147–155). Следует признать, что структура могильника ориентировалась именно на этот курган, как на доминанту этого участка¹.

Исследователи Плакуна отмечают, что среди обрядов захоронения в могильнике господствовали захоронения по обряду сожжения. Судя по находкам железных заклепок, это были сожжения в ладьях или в небольших лодках. Подобный обряд в эпоху викингов был характерен для территории Средней Швеции. На фоне сожжений в ладье выделяются три отличных от них типа погребений: ингумация в кургане № 11, сожжения в теле большого кургана и ингумация на вершине большого кургана. Две ингумации относятся к типу погребальных камер, или *chamber-graves*. В отличие от прочих типов труположений, камеры сооружали в обширных могильных ямах, где строители возводили стены и пол. Над сооружением возводилась деревянная крыша, которая препятствовала засыпанию ямы землей. В пустое пространство, рядом с телом покойника, укладывали сопровождающий инвентарь. Камера из кургана № 11 имеет дендродату в интервале 880–900 г. Это делает ее одним из самых ранних захоронений данного типа не только на территории

¹ Отнесение к этой группе курганов одиночного кургана (а точнее сопки), отстоящего от могильника Плакун более чем на 300 м к югу по берегу Волхова, маловероятно (прим. ред.).

Древней Руси, но и в Скандинавии. Особенности обряда и датировка камеры сближают ее с аналогичными погребальными камерами из некрополя датского города Хедебю (Михайлов 1996: 52–58). Такие исследователи, как Я.П. Ламм, Х. Арбан, М. Мюллер-Вилле, Н. Рингстед, С. Айзеншмидт считают, что обряд захоронения в камерах принадлежит элите скандинавского общества эпохи викингов. Следует отметить, что этот погребальный обряд появился и преимущественно использовался в городских могильниках. В Дании в X в. в погребальных камерах хоронили представителей датского королевского рода, что, скорее всего, подтверждает элитарный характер обряда (Михайлов 1996: 57; Krogh 1982). Второе погребение в камере обнаружили на вершине большого «сопковидного» кургана. Остатки инвентаря, наличие предметов из набора вооружения и снаряжения всадника, скелеты двух лошадей подтверждают принадлежность захоронения к камерам (Михайлов 1997: 105–112). Многочисленные аналогии данному захоронению открыты в могильниках Бирка, Гнёздово, Шестовицы и Тимерево, где они датируются второй — третьей четвертью X в. (Михайлов 1997: 113–114).

Наличие погребальных камер и большого кургана с признаками скандинавских похоронных ритуалов заставляют говорить о могильнике Плакун как о составной части Староладожского некрополя. Близкие аналогии подобной топографии обнаружены в Гнёздово, где курганы Днепровской, Левобережной и некоторых других курганных групп вели свое начало от больших курганных насыпей.

Можно предполагать, что аналогичные по своему составу курганные группы, в которые входили курганы с сожжениями, большие курганы и погребальные камеры, существовали и в других частях Староладожского некрополя эпохи викингов. На такую возможность косвенно указывают находки отдельных предметов женского скандинавского костюма за пределами жилой зоны поселка. Например, овальные фибулы, равноплечные и круглые скандинавские фибулы находили к югу от Земляного городища и в районе урочища Победище (Кузьмин, Волковицкий 2001: 50; Михайлов 2003).

Первая овальная фибула, скорее всего, поступила из сборов на Земляном городище, подаренных Н.И. Репникову в 1904 г. (Гос. Эрмитаж, ОАВЕС, № 1005\26). С.Л. Кузьмин считает, что из сборов 1904 г. происходила пара фибул. Эту находку отличает прекрасная сохранность, хорошее качество отливки и отличная сохранность позолоты на поверхности фибулы. Сохранилась только верхняя, орнаментированная крышка фибулы, которая, по своим деталям

(Rc1, Sa3, Nb по И. Янссону), может быть отнесена к типу P 51 C1 (Jansson 1985: 70–71). Вторая фибула была обнаружена на могильнике Победище при строительстве района Сельхозтехника (СЛМ, КП 7852/А 5995). Фибула хорошо сохранилась и может быть отнесена к типу P 51 B1 по И. Янссону (Jansson 1985: 70–71, fig. 65). Третья фибула происходит из сборов около южного вала Земляного городища (СЛМ, КП 370 / А 287). Фибула хорошей сохранности со следами позолоты и без следов пребывания в огне. Она должна быть отнесена к типу P 51 C3 (Rc2, Sb) (Jansson 1985: 70–71). Отсутствие следов пребывания в огне, парная находка фибул (в первом случае) и хорошая сохранность, не характерная для других находок из цветных металлов, обнаруженных в культурном слое Ладоги — все это позволяет отнести фибулы к находкам из разрушенных погребений по обряду труположения. При анализе этих находок необходимо также упомянуть ряд статистических данных, связанных с находками овальных фибул. В могильниках Бирки овальные фибулы обнаружены в 155 комплексах, из которых 124 нашли в труположениях (по И. Янссону). В 45 случаях они лежали в погребальных камерах. Наиболее многочисленный тип овальных фибул принадлежит к различным вариантам P 51C (31 комплекс) (Gräslund 1980: 87; Jansson 1985: 204–205). Находки овальных фибул именно 51-го типа наиболее распространены в Восточной Европе. Следует отметить, что фибулы именно этого типа были обнаружены среди случайных находок в Ладоге. В древнерусских могильниках наибольшее число овальных фибул обнаружено в Гнездово, где зафиксирован 41 комплекс по обряду сожжения и пять в ингумациях — в камерах. Следует учитывать, что, в отличие от Бирки, в Гнездово из всех ингумаций (по Ю.Э. Жарнову) овальные фибулы обнаружены только в камерах (Жарнов 1998: 99, 100–101). Такая же картина зафиксирована в Киеве и Шестовицах. По-видимому, в древнерусских некрополях X в. овальные фибулы могут принадлежать только к одному виду ингумаций эпохи викингов — погребениям в камерах и, вероятнее всего, к одиночным женским погребениям.

Наблюдения над структурой и составом отдельных курганных групп Староладожского некрополя позволяют соотносить его с раннегородскими могильниками Древней Руси и Скандинавии. Наличие в составе некрополя захоронений в больших курганах и погребальных камерах указывают на то, что в области погребальных ритуалов социальная стратификация ладожан отражалась в обрядах, идентичных другим раннегородским сообществам Северной Европы.

Литература

Авдусин 1999 — *Авдусин Д.А.* Главы из монографии «Гнёздово». (1992–1993) // Гнёздовский могильник: исследования и публикации. Ч. I // Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999.

Жарнов 1998 — *Жарнов Ю.Э.* Гнёздовские курганы с остатками труположения // Историческая археология. Традиции и перспективы. (К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина). М., 1998.

Коваленко 2001 — *Коваленко В.П.* Новые исследования в Шестовице // Археологический сборник. Гнёздово. 125 лет исследованиям памятника // Тр. ГИМ. Вып. 124. М., 2001.

Корзухина 1971 — *Корзухина Г.Ф.* Курган в урочище Плакун близ Старой Ладogi // КСИА. 1971. Вып. 125. С. 59–64.

Кузьмин, Волковицкий 2001 — *Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И.* К вопросу о некрополе Старой Ладogi // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. № 1. СПб., 2001. С. 44–51.

Лебедев, Седых 1985 — *Лебедев Г.С., Седых В.Н.* Археологическая карта Старой Ладogi и ее ближайших окрестностей // Вестник ЛГУ. Сер. История, язык, литература. Вып. 2 (№ 9). Л., 1985.

Михайлов 1997 — *Михайлов К.А.* Погребение воина с конями на вершине плакунской сопковидной насыпи в свете погребальных традиций эпохи викингов // Древности Поволховья. СПб, 1997. С. 105–116.

Михайлов 1996 — *Михайлов К.А.* Южноскандинавские черты в погребальном обряде плакунского могильника // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород, 1996. С. 52–60.

Михайлов 2002 — *Михайлов К.А.* Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 63–68.

Михайлов 2003 — *Михайлов К.А.* Время появления камерных погребений в Старой Ладoge // Ладога — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни / Седьмые чтения памяти А.А. Мачинской. СПб., 2003.

Назаренко 1985 — *Назаренко В.А.* Могильник в урочище Плакун // Средневековая Ладoga. Л., 1985. С. 156–169.

Носов 1985. — *Носов Е.Н.* Сопковидная насыпь близ урочища Плакун в Старой Ладoge // Средневековая Ладoga. Л., 1985. С. 147–155.

Платонова 1997 — *Платонова Н.И.* К уточнению датировки могильника на Староладожском Земляном городище // Ладoga и религиозное сознание. СПб., 1997.

Петренко 1994 — *Петренко В.П.* Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки северного Поволховья. СПб., 1994.

Орлов 1941 — *Орлов С.Н.* Могильник в Старой Ладoge // Уч. зап. ЛГУ. Сер. Ист. наук. № 10. Л., 1941.

Орлов 1956 — Орлов С.Н. Вновь открытый раннеславянский грунтовый могильник в Старой Ладoge // КСИИМК. Вып. 65. 1956.

Орлов 1960 — *Орлов С.Н.* О раннеславянском грунтовом могильнике с трупосожжениями в Старой Ладoge // СА. № 2. 1960.

Санкина, Козинцев 1995 — *Санкина С.Л., Козинцев А.Г.* Антропологическая характеристика серии скелетов из раннесредневековых погребений в Ладого // Антропология сегодня. Вып. 1. СПб., 1995.

Ширинский 1999 — *Ширинский С.С.* Указатель материалов курганов, исследованных В.И. Сизовым у д. Пнёздово в 1881–1901 гг. // Пнёздовский могильник: исследования и публикации. Ч. 1 // Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999.

Gräslund 1980 — *Gräslund A.-S.* The Burial Customs. A study of the graves on Björko // Birka IV. Stockholm, 1980.

Jansson 1985 — *Jansson I.* Ovals spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fyndet // AUN 7. Uppsala, 1985.

Krogh 1982 — *Krogh K.* The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of recent Archaeological Excavations. A Preliminary Report // Acta Archaeologica. Vol. 53. København, 1982.

СВЯЗИ ПОВОЛХОВЬЯ С РЕГИОНАМИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В VIII–XI ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА

Квинтэссенцией технических достижений в кожевенном ремесле можно считать наиболее массовую продукцию — обувь. При повседневном ношении от обуви требуется максимальная защита стопы в разных климатических и погодных условиях, удобство в различных обстоятельствах, а также соответствие эстетическим требованиям моды. Все это определяет особые требования к качеству выделки сырья, технике пошива и декоративной отделки обуви. Развитие обувных конструкций, изменения доминирующих моделей и фасонов показывают характерные методы и приемы в каждый исторический период.

Можно предполагать, что раннеславянская обувь развивалась в русле основных тенденций конструирования, известных в северной половине Европы с бронзового века. Судя по археологическим находкам, в то время доминировали близкие по форме вариации однодетальной примитивной обуви, существовавшие на широких пространствах лесной зоны Центральной и Восточной Европы, а также Скандинавии. Эта обувь отражает стадийность развития костюма в родовых обществах. При всей простоте однодетального кроя, можно выделять локальные варианты обуви. Некоторые характерные элементы «доисторических» башмаков существовали до раннего средневековья. Находки древнейшей кожаной обуви в Центральной Европе и Ютландии (Jutland) можно считать прототипами изделий, носимых в праславянской и славянской среде (Swann 2001: 17–23; Курбатов 2005: 231–232).

Как и на территории средневековой Руси, в Скандинавии обувь римского времени до сего дня не найдена. Однако это не мешает Ю. Сванн выстраивать гипотетическую линию развития обувных конструкций в Северной Европе исходя из признания существенного влияния римской цивилизации на многие стороны жизни европейских народов, живших за пределами лимеса, но испытывавших определенное римское влияние. Например, с этим она связывает

появление обувных конструкций с отдельными подошвой и верхом. Идея отделения подошвы, скорее всего, идет от сандалии — просто подошвы, державшейся на стопе ремнями. Римляне дополнили однодетальную туфлю, сделанную из одного куска кожи, обернутого вокруг стопы, несколькими слоями подошвы внутри и снаружи, сшитыми узким кожаным ремнем в центре и по краю подошвы. Для большей прочности армейскую обувь обивали по краю гвоздями с широкой шляпкой. Верх туфли имел вертикальный задний шов, а иногда — фронтальный шов и шнуровку. До II в. н. э. и позднее сохраняются отдельные формы сандалий с боковым швом от Британии до Египта, вероятно, происходящие от однодетальной обуви с почти отделенной подошвой.

Развитие римской обуви неизбежно влияло на скандинавские изделия, что видно в имитациях сандалий из Store Borremose, Amitlund, Rishjarup и Aegyptenmose, которые в северных регионах могли носить преимущественно летом. Туфля из Torsbjerg (III в. н. э.) имела и гвозди по краю подошвы. На котле II в. из Гундеструпа треугольные вырезы, подобные сандалям, есть на обуви мужских фигур. Пара туфель из Дамдорфа имела ряды прорезей для протягивания ремня, при стягивании которого образуются вырезы многогранной формы и треугольные вырезы для шнуровки. Ремешок был скроен в одну деталь с головкой и продернут от носка, что считается чертой III в. н. э. Туфля из Дамдорфа, кроме того, имела отдельный высокий задник, подобный более поздним моделям из Юпа (540-е гг.) и другим. Можно также отметить, что все однодетальные туфли I—IV вв. в материковой Европе и Британии обычно имели перевернутый T-образный шов на заднике.

Римская обувь имела и региональные варианты, обусловленные климатом, и изменения фасонов. Известно, что легкие сандалии с широкими носками в Северной Европе вначале носили женщины и дети, а к 175 г. н. э. их приняли и мужчины. Затем носки женской обуви стали более узкими и заостренными, и таковые были в моде весь III век. В это время носки мужской обуви расширяются до почти прямоугольных. В III в. н. э. возросла популярность однодетальной обуви на периферийных римских поселениях, где ее могли носить наряду с обувью, подобной находкам в болотах Дании и Северной Германии. Однодетальные башмаки с фронтальной шнуровкой и цельнокроеным ремнем носили в Империи до конца 230—275 гг. Многие из них асимметрично кроены, с почти отделенной боковой секцией подошвы. В отличие от «доисториче-

ских», однодетальные туфли III в. имели короткий ремень, уже не обертываемый вокруг стопы.

В Восточной Европе, при отсутствии реальной римской обуви на археологических памятниках, имеется изображение обуви, подражавшей римским сандалиям с вырезным верхом. Это — глиняный кубок в форме «сапожка» из погребения IV в. в могильнике Каборга, относимом к черняховской культуре (Магомедов 1979: 35, табл. VIII, 12). На носке «сапожка» прочерчены линии, идущие к центральному «шву», обозначенному пунктиром.

Ослабление влияния Римской империи на периферийные регионы Европы в IV—VI в. и сложение «варварских королевств» постепенно приводит к перемещению основных торговых путей для большей части Европы в ареал Балтийского и Северного морей, а также европейского побережья Атлантики. Одним из наиболее интенсивных направлений торговых «линий» становится северное, что связано с резким увеличением спроса на пушнину в регионах Средиземноморья и Передней Азии после сложения Арабского халифата. Ранее, в греко-римском мире, мех не был товаром широкого потребления, за исключением двух субкультурных групп. Он использовался в одежде групп молодежи, часто из высших слоев общества, желавших выделиться своим поведением и нарядами, а также в одежде германских народов, населявших Империю. Сдерживающим фактором товарообмена был субъективный взгляд жителей цивилизованной ойкумены на северных соседей-варваров. В целом же, кроме регионов со специфическим климатом и природными условиями, в Средиземноморье не было объективных причин для расширения спроса на меха. Коренное изменение торговой ситуации между Севером и Югом произошло в VIII—IX вв. Исламская культура уже на раннем этапе развития резко отличалась от греко-римской по своим морально-психологическим установкам. Она не ставила границ «обиталищу» ислама. Снятие всех барьеров для торговли и рост переднеазиатских городов, возросшая техническая оснащенность и специализация ремесла привели к быстрому росту торговли. В торговый обмен вовлекались северные соседи, налаживались торговые пути в области естественного распространения мехового сырья.

Халифат имел широкий выбор товаров, предлагаемых северу. Список же северных товаров был невелик и традиционен — мед, янтарь и воск, а также оружие и рабы. Но основной северный товар — это мех, во всех его разновидностях, от малоценного (лесных белок, лис, куниц) до высококачественных мехов горностая и со-

боля, добываемых к северу и востоку от Новгорода. Это подтверждают многочисленные арабские письменные источники, лучшие из которых были написаны в X в. Арабский географ ал-Макваддаси перечисляет товары, поставляемые булгарами в X в. в Хорезм. Это мех соболя, горноста́я (белый с черными кончиками), степной лисы, куницы, бобра, пятнистого зайца и козы, а также воск, стрелы, береста, высокие меховые шляпы, рыбий клей, рыбий зуб, бобровая струя, янтарь, выделанные конские кожи, мед, лесной орех, сокола, мечи, доспехи, славянские рабы, овцы и другое. Здесь начальное положение меха в перечне предметов торговли, видимо, показывает его большую значимость. Основными посредниками в торговле Халифата с севером были булгары на Средней Волге, поддерживавшие связи с Хорезмом, который, видимо, был основным центром обработки и распространения меха в Халифате.

Известно, что к правлению аль-Махди (775–785 гг.) придворные уже появлялись перед халифом в мехах, которые стали неотъемлемой частью одежды мусульман высокого ранга. Можно упомянуть, что после смерти Харуна аль-Рашида в 809 г. в его сокровищнице нашли около 4 тыс. халатов (одежд), подбитых мехом соболя. Меха ценились и при обмене дарами между дворами правителей.

Исследователи признают, что проследить процесс смены традиций сложно, но важную роль здесь могли сыграть контакты мусульманского мира со степными народами, например, на северо-восточных границах, в Хорасане. Аббасиды пришли к власти благодаря военной и политической поддержке Хорасана, что открыло путь для проникновения периферийных вкусов и моды в столицу арабского мира — Багдад. Распространение моды на меха в столице активизировало давно известные торговые пути к источникам товара. Меха стали символом социального статуса. Ношение одежды из меха, вероятно, стало быстро распространившейся модой среди правящих кланов провинциальных городов. Резкий рост спроса на меха в течении IX в. подтверждают нумизматические и письменные источники.

При этом надо учитывать, что даже небольшая часть населения способна резко увеличить покупательский спрос. Например, по документам английского королевского двора XV–XVI вв. известно, что мать Эдуарда III, королева Изабелла, имела 6 *counterpanes* с подкладкой из меха белого горноста́я, одно из которых содержало 1396 шкурок, а комплект одежды Генриха IV из 9 предметов включал почти 12 тыс. шкурок белки и 80 — горноста́я. Ясно, что Халифат IX–X вв., с его богатейшим двором того времени и разветв-

ленным аппаратом управления, был способен поглотить огромное количество пушнины и платить за нее высокую цену.

Таким образом, рост спроса на меха в Халифате, их интенсивное потребление, привели к повышенному отлову и отстрелу пушного зверя в лесной зоне Восточной Европы, что одновременно было возможно только на значительной территории. Роль координаторов, посредников и сборщиков пушнины играли отряды викингов. В то же время западный мир, следующий античной традиции неприятия варварских одежд, перенял моду на меха позднее. По сведениям Адама Бременского и Петра Дамиана, только во второй половине XI в. в Западной Европе резко увеличивается спрос на роскошные меха. Первые сведения о сложившемся скорняжном ремесле восходят к эпохе поздних Каролингов (Матехина, Курбатов 2004: 355–356).

В отсутствие письменных или изобразительных источников для раннесредневекового времени Восточной Европы становится понятным, что изучение начального этапа становления средневекового кожевенно-обувного ремесла в Новгородской земле надо проследивать исключительно в археологических материалах эпохи викингов, происходящих из двух древнейших городских центров, возникших на путях трансевропейской торговли — Старой Ладogi и Рюрикова Городища. На Западе же этот период лучше всего представлен находками в материковой Европе, чем в Скандинавии.

Известные на поселениях в ареале Балтийского и Северного морей модели обуви из археологических раскопок показывают существенную унификацию форм обуви во всем ареале. Из Скандинавии, по мнению Ю. Сванн, можно выводить только один технический признак — заостренную и загнутую вверх пятку подошвы. Впервые такая черта появляется в позднеримской обуви и встречается на некоторых поселениях VIII–IX вв. на однодетальных туфлях, например, из Ведельспана. Как постоянная черта эпохи вытянутые пятки на подошвах широко известны на обуви с отдельной подошвой, например, на башмаках с боковой шнуровкой из Старой Ладogi VIII–X вв., а также в материалах Рибе (около 720–825 гг.), Елисенхофа (вторая половина IX в.), Хедебю (850–980 гг.), Дублина (X в.). В Англии такая обувь найдена в Лондоне, Дурхеме и Йорке, где викинги были более 200 лет — с 876 г. Она есть также в погребении в ладье из Осеберга, датированном радиоуглеродным методом 834 г. (Bonde 1994: 138–140). Вытянутая пятка есть и на обуви конца IX — конца X вв. из Винчестера, тогда столицы Англии. В Скандинавии подобный элемент зафиксирован в раннегородских слоях

Лунда, Осло, Трондхейма и на других поселениях, где он доживает до XII в. А в Бергене и Боргунде такие модели существуют большую часть XII в. (Swann 2001: 40–44). Модели с вытянутой заостренной пяткой подошвы в средневековой Руси значительно переживают их западные аналоги. Они известны в слоях конца XII – первой половины XIII в. в Полоцке, в слоях последней четверти XIII – первой четверти XIV в. в Твери и в других городах лесной зоны Руси (Курбатов 1997: 100; Курбатов 1999: 110–111).

Из обзора находок ясно, что не стоит определенно приписывать эту техническую черту викингам. Она прослеживается на многих протогородских поселениях в ареале Балтики и Северного моря, связанных активной торговой деятельностью в этом регионе Европы. Эти торговые контакты в значительной степени нивелировали различия в каждом районе, впитывая и передавая все востребованные культурные элементы. Не случайно на таких поселениях мы находим много различных форм и фасонов обуви. Среди наиболее представительных коллекций выделено: в Старой Ладоге — 8 типов обуви, в Хелебю — 10 типов. Ладожская обувь VIII–X вв. имеет аналоги в ряде городов Западной Европы — Дублине, Йорке, Осенберге, Бирке, Миддельбурге, Дорестаде, Риббе, Елисенхофе, Хелебю, Гросс Радене.

В целом тенденция развития стилей обуви и техники в кожевенном ремесле Северной Европы в VIII–X вв. отражает специфику культурных процессов именно этого региона, где позднеимское влияние было менее ощутимым, чем, например, в Англии. Его отголоски видны в реликтовых чертах обуви, таких, как длинный ремень, не полностью отрезанный из основной детали. Здесь можно выделить три направления в моделировании обуви. Позднеимские пережитки слабо влияли на доминантную линию развития обуви, в которой имелись отдельные подошва и верх асимметричного раскроя с боковым швом на тыльной стороне стопы. Эта форма раскроя обуви в Северной Европе в течении I тысячелетия н. э. проходит самостоятельный путь развития от простейших, грубо вырезанных кусков кожи, «оборачивающих» ногу, до стандартизованных асимметричных раскроев развитого средневековья. Инновации в кожевенном ремесле связаны с трансформацией протогородских поселений, ориентированных на трансевропейскую торговлю, в средневековые города с их развитой организацией ремесла, удовлетворявшего спрос и горожан, и сельских жителей округа (Курбатов 1997: 117–128).

Другое общее направление в конструировании обуви представляют модели с продольно симметричными однодетальными

раскройками, имевшими прорези для оборы по верхнему краю и намеченные обрезы носка и пятки. Такая обувь встречена на поселениях Ведельспан, Лембексбург, Лунден Мозе, Елисенхоф, Гросс Раден и в ранних слоях городов — Старой Ладого, Волина, Гнезно. Такую форму раскроя можно считать прототипом обуви с отдельной подошвой и верхом из двух половин, сшитых по продольной оси в носке и пятке (Wojtasik 1960, rys. 1a, b, tabl. XI; Keiling 1988: 25–28, Abb. 30). Вариантами симметричного кроя являются модели с соединенной пяткой или носком половин верха, например в Осенберге, Миддельбурге, Старой Ладогге, на Рюриковом Городище.

Третье направление моделировки обуви в конце I тыс. н.э. имеет однодетальную раскройку неправильной формы с неравномерным расположением прорезей для обор, например, башмаки из Елисенхофа (Grenander, Nyberg 1985, Taf. 68: 2, 3). В отличие от первых двух направлений с их достаточно сложной в плане раскройкой, элементами стандартизации, с серией равномерно расположенных отверстий для обор и аккуратных швов, придающих обуви декоративность, третье — сохраняет простейшую конструкцию, отвечающую исключительно утилитарным целям. Модели с раскройкой неправильной формы существовали почти без изменений с эпохи бронзы (Groenman-van Waateringe 1988: 34–38, fig. 2–4), но в эпоху викингов их можно считать изделиями домашней, непрофессиональной выделки. Отмечая это, надо учитывать, что на некоторых протогородских поселениях археологически слабо фиксируется ремесленная деятельность — например, в Северной Голландии (Besteman 1989: 21–22). Кроме того, известно, что в некоторых регионах Европы, например, в Скандинавии, существовали странствующие ремесленники — кожевники (Schia 1977: 149).

Можно предположить, что пошив обуви в раннегородских центрах, где население было полиэтничным и разнокультурным, должен был выражаться в изготовлении обуви разнообразных вариантов кроя, техники сшивания и декора. Таким разнообразием отличается комплекс обуви в Старой Ладогге, где в слоях второй половины VIII(?)–IX–X вв. встречено 8 видов кроя, включая и непрофессиональный (Оятева 1965, рис. 1). С другой стороны, на таких поселениях, как Волин, уже в IX в. сложился определенный набор конструкций обуви, позднее распространившийся в большинстве европейских городов (Kowalska 1999: 235–237; Wojtasik 1960, rys. 1). Вероятно, около рубежа I–II тыс. н.э. в ряде городов Западной и Восточной Европы происходит сложение унифицированных конструкций обуви, что свидетельствует о появлении профессиональ-

ного средневекового ремесла. В основе моделей лежит двучастная раскройка с однослойной подошвой и асимметричным верхом.

Основы организации обувного ремесла в Старой Ладогe, если считать, что найденная здесь обувь шилась на месте, могли быть иными, нежели в таких крупных торговых центрах VIII—X вв. на Балтике, как Волин или Рибe. При раскопках последних найдены огромные скопления стандартизованных обрезков от раскроя, что означает товарное производство обуви для большой массы людей, существовавшее на одном месте долгое время (Jensen 1991: 28). Но так или иначе, кожаные предметы VIII—X вв. из Поволховья помогают определить время сложения на протогородских поселениях Северной Руси кожевенно-обувного ремесла, обладающего чертами средневекового городского ремесла. Черты стандартизации и своеобразия здесь становятся заметными к середине X в. (Курбатов 1997: 126).

В Скандинавии общими для IX в. были разные формы обуви — и низкие «глухие» туфли с задним швом для летнего ношения, и туфли высотой до лодыжки, и низкие башмаки с асимметричной раскройкой, сшитой сбоку. Две последние формы сравнимы с низкими и высокими туфлями Саг. Вся обувь имела выворотный основной шов. Для этого времени можно выделить три основных типа края верха — асимметричный, продольно симметричный и нерегулярный, — известные и в Скандинавии, и на континенте. Характерный стиль этого периода — крепление обуви на ноге ремнями — начинается с однодетальной обуви. Ремни протягивали сквозь прорезы у верхнего края туфель, а у башмаков — на уровне лодыжки. Вариации в расположении прорезей были своего рода декором. Некоторые туфли первой половины XI в. из Лунда имели на внешней стороне прорези равномерные, а на внутренней стороне голени — прерывистые. Обычным с конца IX в. стал рант, делавший шов более плотным и водонепроницаемым. Некоторые туфли из Винчестера X в. имеют сложенный рант из тонкой кожи.

В X в. бытовали низкие глухие туфли, сохранявшиеся до XII в., а также туфли до лодыжки, ставшие общим стилем в Швеции, и низкие башмаки с завязками. В туфлях из Винчестера около 950—1000 г. возрождается высокий задник, известный на обуви VI в. из Иона. Он есть и на Оттонской резной кости (около 980 г.) и на кости Echternach (983—991 гг.). Прорезы для обор теперь, как правило, располагали группами, с пробелами между ними. Новая черта в обуви — это широкая обшивка верхнего края — до 2—2,5 см. Она встречена на туфлях X в. из Йорка и сохраняется в XI в. в Трондхейме, а в Лунде — в XII в.

К XI в. в Скандинавии сложились основные формы обуви, характерные для последующих столетий, и приемы ее крепления на ноге, но декор был внешне пышный и выразительный. Низкие башмаки имели фронтальную или боковую шнуровку и усиливающие треугольные детали на заднике. В моделях преобладал тачной основной шов, обычный для средних веков. Появляются башмаки с 2-мя и более рядами прорезей для шнуровки. Так, на обуви монаха в Eadui Psalter (1012–1023 гг.) показаны три ряда прорезей, что стало популярным после 1066 г. Среди других форм обуви известны башмаки с обшивкой шириной 5 см в Трондхейме, без прорезей для завязок.

Частью эстетических новшеств, примерно с конца X в., был заостренный и вытянутый носок, иногда изысканно тонкий. На туфлях XI в. из Лунда и Осло он еще сочетается с широкой переймой. По мнению Ю. Сванн, такая мода на заостренные носки возникла до крестовых походов и могла быть следствием меховой торговли с Халифатом, где огромный спрос на меха возник после Аббасидской революции 747–750 гг. и переноса столицы в Багдад. Одной из характерных декоративных черт обуви X в. был выпуклый ложный шов по продольной оси головки, часто встречаемый в изображениях обуви. После 950 г. декор начинает охватывать и головку, и горловину, предполагая расшивку дорогой обуви шелком и золотом, разнообразную в дальнейшем.

Обзор современного состояния изученности вопроса о кожевенно-обувном ремесле в раннесредневековой Европе позволяет считать, что в последние годы определилось перспективное направление исследований раннесредневекового кожевенного ремесла в Северной Руси. Благодаря продолжающимся раскопкам в Старой Ладогe и на Рюриковом городище получены новые комплексы археологических материалов VIII–X в. Также появились новые аналитические работы по истории раннесредневекового кожевенного ремесла в разных регионах Европы.

На сегодня разработка этой темы уже имеет некоторые позитивные результаты. Коллекция кожаных предметов из раскопок 1997–2005 гг. в Старой Ладогe, несмотря на свою малочисленность, расширяет и уточняет наши представления о кожевенном ремесле Северной Руси в эпоху сложения Древнерусского государства. Очевиднее становится связь в технике изготовления и в составе продукции с кругом памятников эпохи викингов в ареале Балтийского морского бассейна. Наиболее сильные связи прослеживаются с развитыми раннегородскими центрами этого времени, такими

Рис. 1. Кожаные предметы из раскопок в Ладоге в 1997–1998 и 2002 гг. Детали верха мягких туфель (1, 2, 6, 7), поршня (8), чехол для ножа (9), обрезки от раскроя (3–5)

как Хелебю, Дорестад, Елисенхоф, Рибе, Миддельбург. Это видно в формах низкой обуви и в сходных вариантах декора.

Состав находок. Среди единичных находок в раскопках 1997, 1998 и 2002 гг. можно указать фрагменты верха 2-х мягких туфель с декоративными спиральными разрезами на внешней стороне стопы и «ложным» швом по оси носка, две части поршня с треугольными мелкими вырезами на переднем крае, другие детали верха обуви, чехол для ножа и обрезки (рис. 1). В раскопе 2004 г. из 42-х кожаных предметов определены 29 находок. Среди них: фрагмент чехла для ножа (?), 10 деталей верха обуви, 4 завязки, 1 заплата, 2 подошвы, 4 обрезка неопределенных изделий (рис. 2). В коллекции 2005 г. определены 19 деталей и обрезков кожи, происходящих из самых нижних отложений на поселении — из слоя навоза со щепой, а также с уровня ниже этого слоя. Три предмета найдены

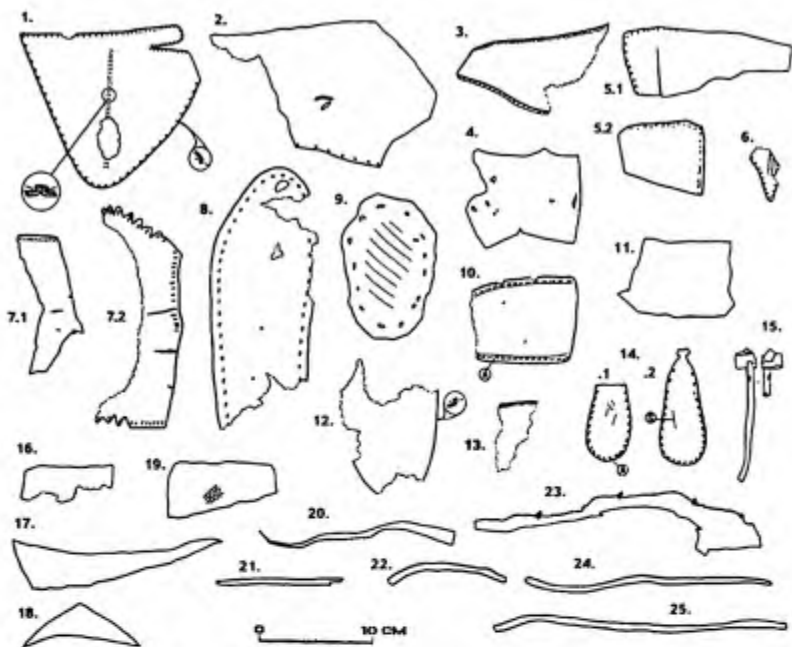

Рис. 2. Кожаные предметы из раскопок в Ладоге в 2004 г.
 Детали верха мягких туфель (1–3, 5, 6, 13), поршня (7), подошвы (8, 12), подметка (9), кошелек (10), неопределенные детали (4, 14), завязки (15, 21–25),
 обрезки от раскроя (11, 16–20, 23)

в материковых ямах № 1, 5 и 6, заполненных навозом со щепой, скорее всего — единовременно, с целью нивелировки поверхности. Больше всего определено деталей верха мягкой обуви — типа туфель или однослойных низких (?) башмаков с отдельными верхом и подошвой. Крупные детали верха позволяют соотносить обувь с моделями, известными по находкам из ранних раскопок в Старой Ладоге (рис. 3: 1–7). Среди других групп изделий можно отметить чехол для ножа, заготовку (?) неопределенной детали. Сравнительно малочисленные обрезки могут быть от первичного и вторичного раскроя (рис. 3: 8–17). Встречены 2 обрезка с края кожного листа (рис. 2: 23; 3: 17).

Основная часть определимых находок выкроена из достаточно тонкой (0,8–1,0 мм) кожи мелкого рогатого скота (МРС), тогда как детали из шкуры крупного рогатого скота (КРС) единичны. Надо отметить невысокое качество продуба кожи, видимое на почти всех предметах. Даже тонкие кожи расслаиваются из-за слабой продуб-

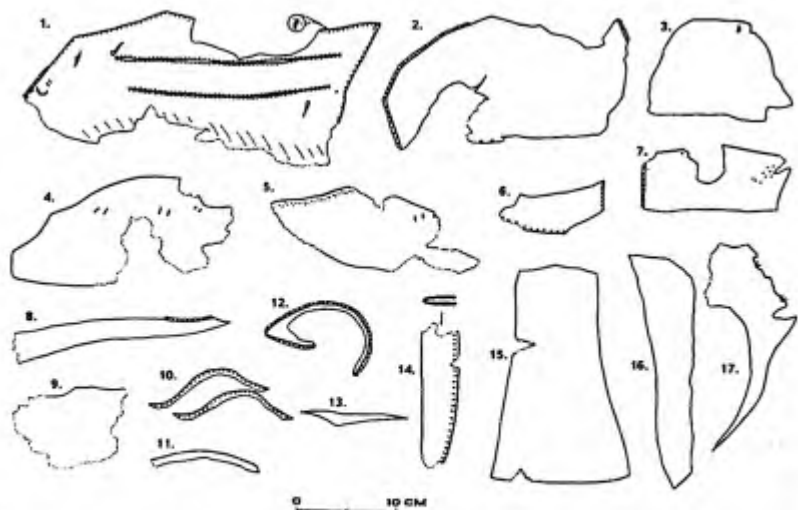

Рис. 3. Кожаные предметы из раскопок в Ладоге в 2005 г. Детали верха мягких туфель (1–12), чехол для ножа (14), обрезки от раскроя (13, 15–17)

ленности их внутренних слоев. Дополнительная отделка лицевой поверхности кожи — тиснение «сеточка» — встречено только на одном обрезке кожи (рис. 2: 19).

Изделия. Выделена большая группа деталей мягкой обуви — поршней и туфель. Конструктивные и декоративные элементы обуви находят соответствия в изделиях из других регионов ареала Балтийского моря. Среди немногих находок поршней выделяются части одного/двух изделий с треугольными вырезами в носке и рядом очень частых прорезов для оборы по длинным сторонам (рис. 1: 8; 2: 7). Подобная раскройка близка к находкам в древнейших слоях Волина IX в. (Kowalska 2003: 160 и сл.).

Из деталей низа мягких туфель с отдельными подошвой и верхом в 2004 г. найдены только 2 подошвы из тонкой кожи, с выворотным основным швом. Также встречена подметка неправильной овальной формы с неровным краем и редкими крупными отверстиями вдоль края. Она вырезана из относительно жесткой кожи толщиной 1,5 мм.

Основная часть деталей верха принадлежит мягким туфлям разных фасонов. В 2004 г. отмечено 11 таких деталей. Наиболее полно сохранилась головка мягкой туфли для левой ноги с декоративным швом по продольной оси носка (рис. 2: 1), кроеная из тонкой эластичной кожи МРС. С левой (наружной — для стопы) стороны го-

ловки имеется разрез со швом. Полуотрезная полоска кожи имеет скругленный край, также со швом. Этот элемент является вариантом декоративной отделки. В разрез, вероятно, вшивалась цветная ткань или иной отделочный материал. Наиболее близкую форму декоративного разреза к ладожской туфле показывают находки из Елисенхофа, Хедебю и Кёльна (Hald 1972; Groenman-van Waateringe 1984; Swann 2001). Близкой формой такого декора можно назвать разрезные двуспиральные завитки, встречаемые на ладожских туфлях из раскопок 1947–1959 гг. (Оятева 1965, рис. 1). Можно добавить, что головка туфли из Елисенхофа, также как и ладожская деталь, имеет декоративный шов по оси головки. Подобный шов, захватывающий кожу на внешней поверхности и не выходящий на внутреннюю сторону, кроме серии изделий из древнейших горизонтов в Старой Ладоге (Курбатов 1997), известен на обуви из различных памятников Балтийского морского ареала рубежа I и II тысячелетий н. э., например в Миддельбурге (Hald 1972), в Риббе (Bencard, Jorgensen, Madsen 1991) и в погребении из Осеберга. В целом для стран Скандинавии и всего ареала Балтики такой декоративный шов по оси характерен для IX–X в. (Swann 2001).

В коллекции 2005 г. из относительно толстой шкуры МРС выкроен верх мягкой туфли с боковинами высотой до 13,5 см (рис. 3: 1). Эта деталь также имеет своеобразный декор — два горизонтальных прореза длиной 20,0–22,5 см, со швами по обеим сторонам. По всей видимости, в прорезы вшивались полосы цветной ткани или кожи. Такой вариант декора является одним из отличительных признаков ладожских «башмаков второго вида», найденных на Земляном городище в прежних раскопах (Оятева 1965). Там выделено 5 полных деталей верха башмаков, имевших по три горизонтальных декоративных прореза. Такой способ декора отражает изображение обуви герцога Богемии X в., сохранившееся на бронзовой панели ворот кафедрального собора в Гнезине. На ногах правителя видны мягкие туфли с двумя такими же прорезами (Slama 2000, fig.).

Одна находка представляет вторично обрезанный и оборванный по краям верх туфли, скроенный из кожи МРС толщиной 1,2–1,3 мм. По сохранившейся от первоначального раскроя стороне виден ряд сквозных отверстий шва, выполненного двумя нитями. На детали имеются 3 прореза для оборы шириной не более 2–3 мм (рис. 3: 5). Данная деталь верха соответствует мягким башмакам IV и V видов по Е.И. Оятевой, а также находке мягкого «башмака» на Земляном городище в 1991 г., датированного по слою IX — первой половиной X в. (Курбатов 1997). Аналогичные по крою туфли также

широко представлены на поселениях этого времени в разных странах Европы. Среди польских памятников можно отметить Щецин, поселение на озере около Мястко (Matuszewska-Kola, Kola 1985) и Гнезно (Rajewski 1939).

Выводы. Малое число недавних находок кожаных предметов в Старой Ладогe в целом соответствует незначительному числу предметов (всего 182 единицы), найденных в раскопах 1940-х — 1950-х гг. (Оятева 1965). Такое положение, вероятно, нельзя считать случайным. Оно является отражением специфических условий жизнедеятельности на раннем ладожском поселении. Прежде всего, можно предполагать отсутствие здесь развитого ремесленного производства кожевенной продукции в VIII—IX вв. Несмотря на то, что изготовление изделий из кожи на месте подтверждают находимые обрезки кожи от первичного и вторичного раскроя, а также обрезки с края кожного листа, эта деятельность носила характер «домашнего производства» — т. е. для собственных нужд. Она ограничивалась, вероятно, ремонтом и перешивом изношенных или испорченных кожаных изделий, в первую очередь обуви. Таким образом, полученная в последние годы коллекция кожаных предметов подтверждает ранний вывод В.И. Равдоникаса о домашнем характере кожевенного ремесла Ладоги в этот период, не достигшего еще уровня городского ремесла (Равдоникас 1950). Также подтверждаются наблюдения и выводы разных исследователей о характере старолadoжского поселения в начальный период его истории. Можно согласиться с Г.С. Лебедевым, что в нем надо видеть аналог североeвропейских вигов, по Г. Янкуну — центров социальной фильтрации, концентрации и перераспределения ценностей в процессе оборота и развития «северной торговли» (Лебедев 2005).

Но такой вывод может быть правомерен только для древнейшего этапа истории поселения — второй половины VIII — начала X в. Материалы из раскопок В.П. Петренко на Варяжской улице (Петренко 1985), относящиеся, надо полагать, к первой половине X в. (Черных 1985), уже показывают черты складывающегося самостоятельного ремесленного производства того вида, который был характерен для позднейшего древнерусского городского ремесла (Курбатов 1997: 126).

Таким образом, в настоящее время кожевенные материалы из ранних слоев Старолadoжского поселения, вероятно, фиксируют не менее двух временных этапов, отраженных в серии характерных обувных изделий. Кроме того, находки последних лет уточняют, что изделия, датированные (по древнейшему слою) второй половиной

VIII — началом X в., надо относить к более короткому промежутку времени. Находки деталей обуви и других вещей, идентичных по конструкции и декору материалам из раскопок В.И. Равдоникаса, найдены в примыкающих к нему раскопах II и III. По последним исследованиям древнейших слоев в раскопе III, кожаные находки в нем, а также и материал, полученный в 1940-х — 1950-х гг., можно относить ко второй половине IX — началу X вв.

Отсутствие многочисленных стандартизованных обрезков от раскроя не позволяют говорить определенно о кожевенном ремесле на Земляном городище в ранние периоды существования поселения. Однако весь комплекс ладожских изделий можно сопоставлять с находками на ряде памятников VIII—X вв. в странах Западной и Северной Европы, расположенных в ареале Балтики, Северного моря и побережья Атлантического океана. Находки последних лет в Старой Ладогe еще более подчеркивают однотипность обувных конструкций и стилей обуви древнейших слоев Старой Ладогe и изделий определенного региона Европы — Ютландии и сопредельных районов в Германии и Польше. Кожаная обувь Ладогe лучше всего сопоставима с находками на одновременном поселении Хедебю (Ullemeyer 1970; Groenman-van Waateringe 1984), что было отмечено ранее (Курбатов 1997).

Выводы об идентичности по технике пошива и вариантам декора многих моделей обуви Старой Ладогe с моделям из Хедебю, а также ограниченность времени бытования обуви рамками второй половины IX — началом X вв. связывают кожевенные изделия с переломным периодом в истории восточнославянских племен. Это период, когда в Новгород был приглашен княжить Рюрик, пришедший «со своим родом» первоначально в Ладогу. Таким образом, незначительная по объему коллекция кожаных предметов попадает в круг вопросов, рассматриваемых исследователями нескольких поколений в связи с «варяжской проблемой». Ряд ученых идентифицирует варяга Рюрика, приглашенного править в Ладогу и Новгород, с известным по сагам конунгом Рериком Ютландским. Анализ «варяжской» историографии, изложенной в одной из последних монографий, выводит этот сюжет из рассмотрения «варяжской проблемы», поскольку основой норманизма является признание шведского происхождения варягов (Фомин 2005). В работе В.В. Фомина содержится полное изложение связей, замеченных и аргументированных разными историками, ранней Старой Ладогe и всего Поволховья в IX — первой половине X в., с западнославянским миром и конкретными регионами южной Балтики.

В эти территории попадает и район Хедебю. Комплекс аргументов, подтверждающих переселение на северо-запад будущей Руси групп южнобалтийского населения включает сравнительный анализ массового материала — комплексов лепной и раннекруговой керамики с разных поселений, исследованных в Ленинградской, Новгородской и Псковской областях, а также кладов монет, находки некоторых групп каролингских мечей и другое. Подтверждением широты таких связей служат антропологические, лингвистические, этнографические и письменные данные. Дополнительным подтверждением можно теперь считать и археологические комплексы изделий кожевенного ремесла.

Изучение коллекций археологической кожи с Рюрикова городища и из древнейших слоев в Старой Ладого позволяет наметить и периодизацию развития древнерусского кожевенного ремесла в городах Северной Руси. Становление самостоятельной линии развития ремесла в второй половине X в., по материалам Старой Ладого, надо полагать, шло в рамках общих тенденций развития ремесла в Балтийском ареале. Дальнейший качественный «скачок» в организации кожевенного ремесла Новгородской земли и переход от его раннесредневековой формы к развитому средневековью, по западноевропейской периодизации, прослеживается по находкам 2000–2003 гг. на Рюриковом городище. Среди кожаных предметов найдены различные варианты кроя мягкой низкой обуви последней четверти-конца XI в. — первой четверти XII в. (Курбатов 2004: 220–222).

Литература

Курбатов 1997 — Курбатов А.В. Раннесредневековая обувь Поволжья и вопросы сложения городского ремесла // Древности Поволжья. СПб., 1997. С. 117–128.

Курбатов 1999 — Курбатов А.В. Наследие М.К. Каргера: коллекция кожаных предметов из раскопок 1957 г. на Верхнем замке Полоцка // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., 1999. С. 100–117.

Курбатов 2004 — Курбатов А.В. Кожаные предметы из раскопок на Рюриковом городище в 2001–2002 гг. // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 218–225.

Курбатов 2005 — Курбатов А.В. История обувной моды в Скандинавии и восточно-европейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm, 2001. P. 357. Fig. 443 // Археологические вести. № 12. СПб., 2005. С. 231–244.

Лебедев 2005 — Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Магомедов 1979 — *Магомедов Б.В.* Каборга IV (раскопки 1973—1974 гг.) // Могильники черняховской культуры. М., 1979. С. 24—62.

Матехина (Варфоломеева), Курбатов 2004 — *Матехина (Варфоломеева) Т.С., Курбатов А.В.* Мех и кожа в средневековой Европе. Рецензия на сб.: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology* / Ed. by Esther Cameron. London, 1998 // Археологические вести. № 11. СПб., 2004. С. 350—357.

Оятева 1965 — *Оятева Е.И.* Обувь и другие кожаные изделия Земляного городища Старой Ладogi // АСГЭ. Л., 1965. Вып. 7. С. 42—59.

Петренко 1985 — *Петренко В.П.* Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 81—116.

Равдоникас 1950 — *Равдоникас В.И.* Старая Ладога. Ч. II // СА. 1950. Т. XII.

Фомин 2005 — *Фомин В.В.* Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

Черных 1985 — *Черных Н.Б.* Дендрохронология древнейших горизонтов Ладogi // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л., 1985. С. 76—80.

Bencard, Jorgensen, Madsen 1991 — *Bencard M., Jorgensen B., Madsen H.B.* Ribe Excavations 1970—76. Vol. 3 // Sydjysk Universitetsforlag. Esbjerg, 1991.

Besteman 1989 — *Besteman J.C.* The pre-urban development of Medemblik: from an early medieval trading centre to a medieval town // *Medemblik and Monnikendam. Aspects of medieval urbanization in northern Holland.* Cingula, 11. Amsterdam, 1989. P. 1—30.

Bonde 1994 — *Bonde N.* De norske vikingeskibgravnes alder // *Nationalmuseets Arbejds-mark.* Kobenhavn, 1994. P. 128—146.

Grenander-Nyberg 1985 — *Grenander-Nyberg G.* Die Lederfunde aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof. Studien zur Kustenaarchaologie Schliswig-Holsteins. Serie A, Elisenhof. Bd. 5. Frankfurt am Main, 1985.

Groenman-van Waateringe 1984 — *Groenman-van Waateringe W.* Die Lederfunde von Haithabu // *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu.* Bd. 21. Neumünster, 1984.

Groenman-van Waateringe 1988a — *Groenman-van Waateringe W.* Een prehistorische schoen uit Klazienaveen // *Varia bio-archaeologica.* 74. Groningen, 1988. P. 34(146)—38(150). I.P.P.Publ. 502.

Hald 1972 — *Hald M.* Primitive Shoes. Kopenhagen, 1972.

Jensen 1991 — *Jensen S.* The Vikings of Ribe. Ribe, 1991.

Keiling 1988 — *Keiling H.* Archäologisches freilichtmuseum Gross Raden // *Archäologische Funde und Denkmale aus dem Norden der DDR.* Museumkatalog 7. Schwerin, 1988.

Kowalska 1999 — *Kowalska A.B.* Wczesnośredniowieczne obuwie skórzane z Wolina // *Materiały zachodniopomorskie.* T. XLV. Szczecin, 1999. S. 219—257.

Kowalska 2003 — *Kowalska A.B.* Początki rzemiosła szewskiego we wczesnośredniowiecznym Wolinie // *RES ET FONTES.* Szczecin, 2003. S. 159—170.

Matuszewska-Kola, Kola 1985 — *Matuszewska-Kola W., Kola A.* Ruchome materiały źródłowe z archeologicznych badań podwodnych relikwów mostu wczesnośredniowiecznego w Bobęcinie koło Miastka, woj. Słupskie, z lat 1977—1983 // *Acta Universitatis Nicolai Copernici.* Archeologia XI. Archeologia podwodna 2. Z. 165. 1985. S. 27—51.

Rajewski 1939 — *Rajewski Z.A.* Gnieźnieńskie wyroby skórzane z okresu wczesnodziejowego // *Gniezno w zaraniu dziejów (od VIII do XIII wieku) w świetle wykopalisk.* Poznań, 1939. S. 103—116.

Schia 1977 — *Schia E.* Skomoter og håndverk på lands bygda i middelalder, belyst ved funn i to stavkirker og en gravhaug // Universitetets Oldsaksamling. Årbok 1975/1976. Oslo, 1977. S. 137–149.

Slama 2000 — *Slama J.* Boleslav I., Boleslav II und Boleslav III // Europas mitte um 1000. Beiträge zur Geschichte, Kunst und Archäologie. Band 1. Stuttgart, 2000. S. 436–440.

Swann 2001 — *Swann J.* History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm, 2001.

Ullemeyer 1970 — *Ullemeyer R., von.* Textil- und Lederfunde aus Haithabu // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. B. 4 (1963–1964). Neumünster, 1970. S. 56–68.

Wojtasik 1960 — *Wojtasik J.* Wczesnośredniowieczne wyroby ze skóry znalezione na stanowisku 4 w Wolinie // Materiały zachodnio-pomorskie. T. VI. Szczecin, 1960. S. 159–208.

О СУДОХОДСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ В РАЙОНЕ НЕВСКОГО УСТЬЯ

Начиная с эпохи раннего средневековья Нева была участком важнейших международных водных путей, связывавших разветвленные речные системы Восточной Европы с Балтикой. Основным путем на этом направлении был путь по Неве, Ладоге и Волхову. Ближайшим городским центром к устью Невы, существовавшим на этом водном пути, до начала XIV в. была Ладога, которая являлась ближайшим к Балтике портовым городом Северо-Западной Руси. Судя по обнаруженным здесь находкам, ее население, состоявшее из славян, скандинавов и финнов, начиная с середины VIII—XI вв. активно участвовало в международных торговых связях.

Несмотря на отсутствие в районе устья Невы, каких-либо следов поселений этого времени, здесь — на побережье Финского залива были найдены клады серебряных монет. Один из них был найден на Васильевском острове — в районе Галерной гавани, два других — в районе Петродворца и Мартышкино.

Первый из этих кладов — сосуд с монетами — был найден в 1797 г. От него сохранилась только одна восточная монета, отчеканенная в 780 году (Марков 1910: 30, № 171). Другой — Петергофский клад, обнаруженный в 1941 году, в 1966 г. был передан в Государственный исторический музей. В его составе было 82 монеты, старшая из которых — сасанидская драхма Хорсова II, а младшая была отчеканена в 804/805 г. в г. Балхе аббасидским халифом Харуном ар-Рашидом. Клад относится к первому периоду по Р.Р. Фасмеру, и был зарыт в землю до 825 г. (Дубов 1989: 246—247). Поблизости от этой находки — в соседнем поселке Мартышкино — нашли клад, из которого уцелело 107 германских монет. Судя по его составу, он был зарыт около 1070—1075 гг. (Потин 1967: 138).

Находка этих кладов на трассе международного водного торгового пути не удивительна. Однако ближайшие скопления кладов находятся на значительном удалении от устья Невы. Концентрация монетных находок этого времени известна в нижнем и верхнем Поволховье — в Ладоге и Новгороде и их окрестностях. В первом из этих районов в разные годы было обнаружено не менее 7 (Кир-

пичников, Сарабьянов 2003: 58), во втором — 11 кладов восточных монет (Носов 1992: 80–81).

Монетные находки маркируют, обычно, крупные поселенческие агломерации на трассах международных торговых путей. Однако, в отличие от других вышеперечисленных мест, в устье Невы для этого времени вообще не известно поселений. Наиболее вероятным объяснением этого факта может быть наличие в этом районе традиционных мест стоянок судов и торговых мест, где периодически устраивались торги стекавшегося сюда из окрестных земель местного населения и заморских купцов. Такие пункты известны во многих других местах побережья Восточной Прибалтики у финских и балтских племен. Традиционно они располагались в устьях рек или в удобных бухтах (Моора, Лиги 1969: 26). С южного побережья залива из района Петродворца в XVII в. существовала дорога в южном направлении к северной окраине Ижорского плато. Возможно, этот путь использовался и в более раннее время для торговых сношений населения этого региона с приезжими купцами на побережье.

Немаловажную роль в том, что для этого был выбран район Невского устья, играл тот факт, что здесь происходила смена условий плавания при переходе из моря в реку и наоборот. Удобными для стоянки судов были острова невской дельты, а также остров Котлин, где можно было переждать непогоду, дожидаться попутного ветра, произвести необходимый ремонт, не опасаясь внезапного нападения с суши.

Судя по письменным источникам, в XII в. активно развивается русское мореплавание на Балтике. Новгородские торговые дворы появляются на Готланде и в Сигтуне (Швеция), новгородские купцы становятся частыми гостями в Дании, немецких городах, в Польше и Восточной Прибалтике. В XIII–XIV вв. союз германских городов — Ганза становится посредником в международной торговле на Балтике и в Северном море, создав свои дворы в Брюгге, Лондоне и Новгороде. Наиболее активную роль в торговле с Новгородом играли в начальный период Любек и Висбю, а позднее Рига и Ревель. Летом немецкие и готские купцы приходили «водой» по Неве, Ладоге и Волхову к Новгороду.

Новгородские власти несли ответственность за «чистый» — свободный путь иноземных купцов от острова Котлин и Березовых островов в Финском заливе, являвшихся крайними точками новгородских владений. Обычно иноземных купцов сопровождал княжеский посланник или военный эскорт. В житии Александра Нев-

ского, описывающем события 1240 г. на Неве, говорится о морской страже земли Ижорской, которая контролировала вход в Неву и предупредила новгородцев о приходе шведского флота. Вероятно, в дельте Невы, под прикрытием «морской стражи», имелось место стоянки судов. Здесь немецкие купцы, приходившие на своих кораблях, обычно, выбирали старост новгородского двора и церкви. Заморские купцы имели право рубить «дерево и мачтовый лес» по берегам Невы, а также вести по пути прибрежную торговлю с местными финскими народами ижорой и корелой. Здесь же, на Неве, происходила и перегрузка товаров с больших немецких коггов — грузовых парусных судов, предназначенных для морского плавания, на русские речные ладьи, с малой осадкой, успешно преодолевавшие мели и пороги. Обеспечение перевозок по внутренним рекам и озерам возлагалось на лоцманов и лодочников из Орешка, Ладogi и Новгорода. С освоением невских берегов в XIV—XV вв. новгородское судоходство вновь распространяется на Финский залив, что создает предпосылки для развития русского мореплавания на Балтике (Сорокин 1997: 11—17).

Упоминания о приходе в устье Невы торговых кораблей в это время содержится в документах. В 1425 г. в устье Невы из Гданьска для торговли с русскими пришли несколько кораблей. К 1436 г. относится документ о покупке сельди у ганзейских купцов на Неве Препятствия в торговле на Неве чинили шведы из Выборга — в 1492 г. они захватили здесь три судна ревельских купцов, где, помимо других товаров, была соль. (Хорошкевич 1963: 235, 253, 335).

И. П. Шаскольский на основании сопоставления различных исторических источников и археологических данных пришел к выводу, что средневековый водный путь в акватории Финского залива проходил вдоль его южного побережья в видимости берега. Он следовал из устья Невы до Таллина и далее через Финский залив на север к мысу Поркала удд, затем через финские шхеры на запад к Аландским островам и побережью Швеции у о. Арнхольм. Далее маршрут пролегал в южном и западном направлении вдоль шведских берегов в западную часть Балтики (Шаскольский 1954: 149).

Невская губа изображается на географических картах начиная с XVI в. Однако на этих картах имеются значительные неточности. Одна из первых карт, на которой показан Финский залив и устье Невы — карта Олауса Магнуса 1539 г., хранящаяся в Библиотеке Упсальского университета. На картах XVI в. реки Нева и Нарова часто принимаются за одну реку и связывают в единую систему Ладogu, Ильмень и Чудское озеро. Достоверные карты Северо-Западного

региона, в том числе и навигационные карты невиской дельты, появляются только в середине — второй половине XVII в., когда эта территория входила в состав Швеции. На навигационных картах показаны главные фарватеры, глубины водных акваторий в футах, места якорной стоянки судов и прибрежные поселения.

В XVII столетии были составлены первые гидрографические карты Невы с промерами глубин и обозначением судоходных фарватеров. Описание Невы имеется на карте 1681 г., составленной Блассингом: «Берега Невы от Ладожского озера до Ниеншанца высоки, состоят из песку и покрыты большей частью густым лесом или кустарником. Течение ее не очень быстро, хотя высота воды в ней везде доходит до 6 футов, несмотря на то, что глубина реки незначительна, так что на ладьях и других судах при попутном ветре можно плыть против течения, но при сильном противном ветре трудно. При буре с запада, севера и юго-запада вода у Ниена поднимается на 4 локтя выше обыкновенного и причиняет находящемуся там укреплению большой убыток» (Гипинг 1909, II: 182–183).

Судя по шведским навигационным картам рубежа XVII–XVIII вв., вход в Неву был осложнен большой песчаной банкой, перекрывавшей почти все протоки невиской дельты. Глубины здесь достигали 4–6 футов. При этом на дне встречались камни. Имелось лишь два узких фарватера для входа в Неву: Северный и Южный. Северный, с глубинами от 6 до 18 футов на баре, проходил через Большую Невку. На шведской карте Элдберга 1701 г. он назван как «Старый путь к Ниену». В самом начале этого пути на правом берегу протоки находилось поселение (Besokarehuset). Здесь же существовал таможенный пункт. Где-то в этом районе ранее находилась деревня Корабельница, упоминаемая в Писцовой книге Вотской пятины. Не исключено, что это название было связано с местом остановки морских судов. Расположение у истоков Невки наиболее крупных поселений того времени в дельте Невы — села на Фомине острове и Кулзы, также свидетельствует о важности этого варианта входа в Неву вплоть до нового времени.

В мае 1301 г., когда русские войска штурмовали Ландскрону, вероятно, именно на этом участке пути они планировали устроить засаду для шведского флота, приход которого ожидался с Балтики. Согласно шведской хронике Эрика, в 1301 г. у устья Невы сооружались какие-то деревянные заграждения.

Когда небольшой конный отряд русских проследовал к устью Невы, обеспокоенные шведы «надели быстро свои доспехи» и последовали за ним. «Когда они подъехали к устью, то ничего там не

заметили, кроме срубленных бревен, которые были туда притащены и свай, которые они собирались вбивать». Поняв, что русские хотели «забить сваями устье реки», шведский разведывательный отряд в составе двадцати человек решил вернуться в крепость (Шаскольский 1987: 18–25). Здесь он попал в засаду, организованную русскими. Кольчуга, найденная в Старой Деревне, возможно, связана с событиями того времени (Сорокин, Жуков 2003).

Судя по всему, под устьем реки имелось в виду устье Средней и Большой Невки. Этому месту соответствует и расстояние — 2 мили от крепости, названное в хронике. К тому же это единственное место, куда от устья Охты можно было добраться по суше. Именно по этим рукавам Невы шел наиболее удобный и короткий путь к Ландскроне.

Южный, обозначенный на шведской карте 1701 г. как «Новый путь к Ниену», с глубинами от 9 до 21 фута, на बारे (наносная мель у устья реки. — П.С.), входил в Большую Неву. Этот фарватер был более извилистый и, следовательно, сложный. На одной из карт этого времени показаны навигационные знаки. Вход в узкий фарватер был обозначен со стороны залива двумя бакенами в виде плавающих бочек — северной и южной. Далее по краям его ограждали вежи. На берегу острова, немного южнее устья реки Черная, имелись створные знаки — высокая сосна и два знака, стоявшие на заднем плане. При входе в фарватер ориентировались на створ высокой сосны, росшей на берегу, с южным знаком, от пятой вежи на фарватере с северным. У самого берега фарватер резко поворачивал на юго-восток и далее следовал в непосредственной близости берега вплоть до входа в Большую Неву. В этой его части ориентирами могли служить остров Ламмасари и деревня Кальюла.

В юго-восточной части Васильевского острова в нескольких сотнях метров от устья Большой Невы на ее берегу, при впадении небольшой речки, располагалось поселение лощманов (Lotsgard). На некоторых картах показан и средний фарватер — *Medel farthen*, проходивший по Малой Неве, однако подходы к нему из залива, через песчаную банку, на них не показаны. Большая Нева является самой широкой протокой дельты, более приспособленной для движения галсами под парусом, чем узкая Большая Невка. В настоящее время она используется для входа в реку больших кораблей.

Восточнее Котлина прибрежные части акватории залива были очень мелководны. Большая мель располагалась и в его центральной части перед Васильевским островом. К двум входам в Неву вели два морских водных пути. Путь вдоль северного побережья за-

лива проходил от Выборга и Березовых островов, севернее острова Котлин. Вероятно, первоначально он вел к Большой Невке. Описание его имеется в Морской книге, изданной в 1677 г. в Стокгольме. Для обхода мелей со стороны Кронштадта и северного побережья в районе Сестрорецка путешественники использовали ориентиры — возвышенности на берегах залива. Старый путь к Ниену на входе в Большую Невку совпадает по прохождению с действующим Елагинским фарватером. Судя по шведской карте 1698 года, уже тогда наиболее опасные мели на бере при входе в Неву были обозначены гидрографическими вехами или флагами. Возможно, современные названия мелей у устья Невы — Синифлагская и Белая — связаны с этими навигационными знаками.

Южный вариант пути проходил между Котлином и Ингерманландским (южным) берегом залива. Он также был достаточно сложен из-за большой мели вдоль материкового берега. Со строительством порта в Кронштадте в начале XVIII века и созданием подводных заграждений севернее Котлина южный фарватер становится единственным для прохода морских кораблей к Санкт-Петербургу. В месте входа в Неву этот путь, в основном, совпадает с существующим корабельным фарватером, однако у самого устья Большой Невы их направления расходятся — если последний проходит в юго-восточном направлении между Синифлагской и Белой мельями, то второй поворачивает на северо-восток в направлении устья реки Черной (Галерной гавани), проходя между мельями Золотого острова на севере и Синифлагской мелью на юге и далее, огибая последнюю с севера, вдоль берега Васильевского острова входит в устье Большой Невы. Примечательно, что из этого же района берет начало Галерный фарватер, проходивший от устья Большой Невы в северо-западном направлении между о. Котлин и северным побережьем залива.

Вероятно, северный вариант пути был действительно более древним фарватером, который могли использовать викинги для плавания на Русь. На своих маневренных судах с малой осадкой они могли без особого труда обходить препятствия на этом пути и двигаться по узкому фарватеру. Южный вариант пути, выходявший к городам Восточной Прибалтики — Нарве, Ревелю и Риге — начинает интенсивно использоваться в ганзейское время. Известно, что караваны ганзейских когов собирались для плавания на Русь именно в этих городах.

Следы водных сообщений у устья Невы в средневековое время в значительной степени оказались уничтожены позднейшими

урбанистическими процессами на этой территории. Качественно новую информацию по этой теме может дать регулярное археологическое изучение этого региона.

Литература

- Гиппинг 1909 — *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. Т. 1, 2. СПб., 1909.
- Дубов 1989 — *Дубов И.В.* Великий волжский путь. Л., 1989.
- Кирличников, Сарабьянов 2003 — *Кирличников А.Н., Сарабьянов В.Д.* Старая Ладога древняя столица Руси. СПб., 2003.
- Клейнберг 1961 — *Клейнберг И.Э.* Кораблекрушение в русском морском праве XV–XVI вв. // Международные связи России до XVIII в. М., 1961. С. 352–364.
- Марков 1910 — *Марков А.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. № 171.
- Моора, Лиги. 1969 — *Моора Х., Лиги Х.* Хозяйство и общественный строй народов Прибалтики в начале XIII в. Таллинн, 1969.
- Носов 1992 — *Носов Е.Н.* Новгородская земля IX–XI вв. Дисс. ... док. ист. наук // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 493. СПб., 1992.
- Потин 1967 — *Потин В.М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Тр. ГЭ. Вып. IX. Л., 1967.
- Сорокин 1997 — *Сорокин П.Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997.
- Сорокин 2001 — *Сорокин П.Е.* Ландскрона, неское устье, Ниеншанц. СПб., 2001.
- Сорокин, Жуков 2003 — *Сорокин П.Е., Жуков К.* Кольчуга из Старой Деревни и средневековая навигация в устье Невы // Археология и история Пскова и Псковской земли. 2001–2002 г. Псков, 2003. С. 210–216.
- Хорошкевич 1963 — *Хорошкевич А.Л.* Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV вв. М., 1963.
- Шаскольский 1987 — *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987.
- Шаскольский 1954 — *Шаскольский И.П.* Маршрут торгового пути из Невы в Балтийское море в IX–XIII вв. // Географический сборник. Вып. III. М.; Л., 1954. С. 146–159.

ЗАПАДНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ «РУСИ РЮРИКА» (еще раз о соотношении Труворова городища и Пскова в конце I тысячелетия по Р. Хр.)

«Русь Рюрика» — пространство, маркированное топонимами летописного рассказа о призвании варягов и начале правления Рюрика (ПВЛ: 18): Ладога, Изборск, Белоозеро, Новгород, Полоцк, Ростов и, возможно, Муром (рис. 1). Другие древнейшие летописные города — такие, как Смоленск, Киев и Любеч — безусловно, находились за пределами владений основателя первой русской династии (ПВЛ: 20).

Археологическая идентификация части центров «Руси Рюрика» сомнений не вызывает: *Ладога* — это комплекс археологических памятников в черте пос. Старая Ладога, *Новгород* — поселение на Рюриковом городище близ Новгорода Великого, а *Полоцк* — комплекс памятников с центром на Полоцком городище в черте Полоцка. Местоположение других центров менее очевидно: *Белоозеро* сопоставимо с поселением Крутик в окрестностях древнерусского Белоозера, *Ростов* — с Сарским городищем под Ростовом, Муром — с городищем Чаадаево близ Мурома. Судьбы перечисленных городов в X—XII вв. были различными: Ладога сохранила статус города; Рюриково и Сарское городища трансформировались в околгородские поселения, рядом с которыми возникли средневековые Новгород и Ростов; городища Полоцкое, Чаадаево и Крутик прекратили существование, и им на смену пришли средневековые Полоцк, Муром и Белоозеро. В любом случае, во второй половине IX—X вв. каждый из перечисленных городов «Руси Рюрика» являлся для своей округи единственным значительным центром неаграрного типа, и в каждом из этих центров археологически зафиксировано более или менее заметное «варяжское присутствие».

Иная ситуация фиксируется на западной границе «Руси Рюрика». Здесь в середине — второй половине IX в. на расстоянии 30 км друг от друга одновременно существуют два крупных неаграрных

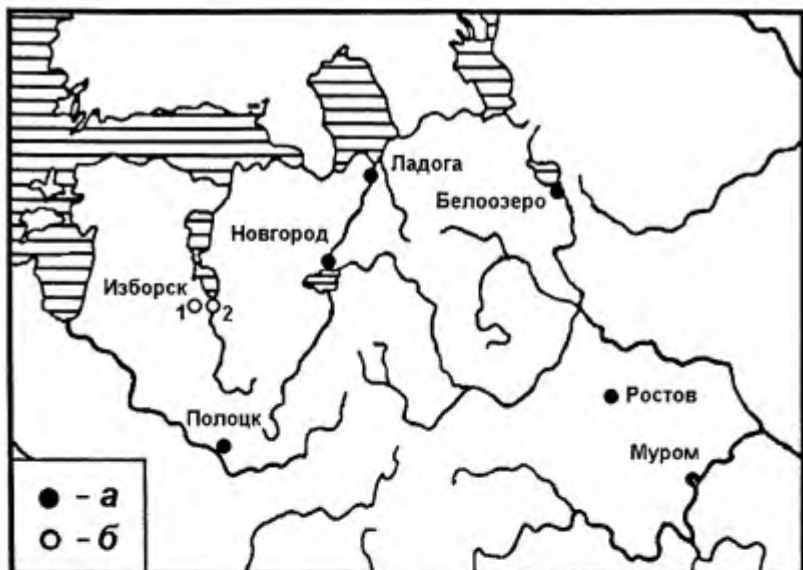

Рис. 1. Города «Руси Рюрика». а — города, упомянутые в тексте «варяжского предания», б — Изборск (1 — Труворово городище; 2 — Псков)

поселения — Труворово городище в черте пос. Старый Изборск и Псковское городище в черте современного Пскова. Труворово городище традиционно отождествляется с *Изборском* «варяжского предания», а Псковское городище — с древнейшим городом Псковом, впервые упомянутым в летописи под 903 г. (ПВЛ: 23). Оба поселения на протяжении длительного времени подвергались стационарным археологическим исследованиям. Поселение на Труворовом городище принято считать племенным центром псковских кривичей, постепенно трансформировавшимся в средневековый город (Седов 1987: 22–24). Этот же вывод обычно адресуют и поселению на Псковском городище (Тараканова, 1950; Тихомиров, 1956). В XI–XII вв. Труворово городище являлось детинцем древнерусского города Изборска, а Псковское городище — детинцем древнерусского города Пскова.

Одновременное существование на расстоянии дневного перехода друг от друга двух центров с внешне сходными историческими судьбами не могло не навести на мысль, что здесь «что-то не так». Ситуация усугублялась еще и тем, что при раскопках Труворова городища не были найдены серийные предметы скандинавского происхождения (Седов 1986а: 180), а это решительно расходилось с наблюдениями, сделанными при археологических раскопках дру-

гих центров «Руси Рюрика». В то же время в Пскове в конце IX и X вв. более или менее отчетливо фиксировалось «варяжское присутствие» (Белецкий 1980).

ПРЕДЫСТОРИЯ ДИСКУССИИ

Началом дискуссии о ситуации на западных рубежах «Руси Рюрика» стало высказанное Д.А. Мачинским сомнение в отождествлении Изборска «варяжского предания» с поселением на Труворовом городище (Мачинский 1986). В том же 1986 г. результаты археологических раскопок Труворова городища стали предметом обсуждения на X Скандинавской конференции в Москве. В докладе В.В. Седова «О скандинавских находках в Изборске» подчеркивалось, что «в археологических материалах Изборска (Труворова городища. — С.Б.) проникновение скандинавов и пребывание дружины одного из легендарных братьев Рюрика не находит какого-либо подтверждения» (Седов 1986а: 180). На этом основании В.В. Седов взял под сомнение достоверность самого «варяжского предания». Я же в выступлении по докладу В.В. Седова подчеркивал, что отсутствие «варяжских древностей» в культурном слое Труворова городища свидетельствует не о легендарном характере «варяжского предания» а об отсутствии в конце IX и X вв. на Труворовом городище вообще сколько-нибудь заметного поселения. Зафиксированный в культурном слое Труворова городища пожар, разделяющий слои поселения VIII—IX вв. и древнерусского города XI—XIII вв., я предложил интерпретировать как свидетельство гибели древнейшего поселения в середине IX в., а с Изборском «Руси Рюрика» считал возможным отождествлять протогородской центр при слиянии Псковы и Великой — предшественник средневекового города Пскова.

Высказанная в дискуссии 1986 г. и развитая в публикациях начала 1990-х годов гипотеза о соотношении Труворова городища и Пскова (Белецкий 1990: 8—14; 1993: 112—114) опиралась на реконструкцию культурной стратиграфии поселений, разработанную еще в конце 1970-х годов, но не получившую тогда исторического осмысления (Белецкий 1979). С предложенным мною отождествлением согласились Г.С. Лебедев (1994: 141—145) и Г. Шрамм (1994: 147). В то же время В.В. Седов продолжал настаивать на отсутствии каких-либо хронологических лагун в культурном слое Труворова

городища и на постепенном перерастании первоначального поселения в средневековый город Изборск (Седов 1993; 1999; 2002а; 2002б). Продолжившаяся в 2003 г. дискуссия (Седов 2003; Белецкий 2003; Дискуссия 2003) показала, что каждая из сторон осталась при своем мнении.

Полагаю, что для прояснения ситуации, сложившейся на западном побережье «Руси Рюрика», следует повторно обратиться к результатам археологических исследований как Труворова городища, так и Пскова.

КУЛЬТУРНАЯ СТРАТИГРАФИЯ ПСКОВА¹

Напомню, что версия культурной стратиграфии Пскова опубликованная в 1980 г. и повторенная в 1996 г., опиралась на результаты раскопок 1930-х – 1970-х годов. Согласно этой версии культурный слой Псковского городища содержит остатки по крайней мере четырех последовательно сменивших друг друга поселений (Псков А-Г), не связанных между собой преемственным развитием (табл. 1).

Материалы раскопок Псковского городища 1980-х – 1990-х годов в статье 1980 г. еще не могли быть учтены, а в книге 1996 г. результаты этих раскопок лишь упоминались. Между тем, именно материалы раскопок 1980-х и начала 1990-х годов (Белецкий, Белецкий 1992; 1993; 1995) являются принципиальными для реконструкции культурной стратиграфии Пскова (Лебедев 1994).

Раскоп 1983 г.

В основании культурного слоя в траншеях 1983 г., как и в большинстве других раскопов на Псковском городище, зафиксирован слой погребенного дерна, в который были втоптаны фрагменты лепной гладкостенной керамики периода Псков Б, а также единичные фрагменты сетчатых сосудов. В некоторых материковых ямах, заполненных слоем светло-серой супеси с угольками, найдены фрагменты гладкостенной керамики и обломки сетчатых сосудов. Наибольший интерес представляют остатки двух построек, открытые в северной

¹ Раздел представляет собой сокращенное изложение ранее опубликованных доклада (Белецкий 2003) и статьи (Белецкий 2005).

части западной траншеи. От *постройки № 1* сохранился округлый в плане котлован диаметром 2,5 м, восточная часть которого уходит под стену здания. В центральной части котлована зафиксировано пятно прокаленной почвы, фиксирующее место очага. При зачистке дна котлована найдены фрагменты сетчатой керамики. *Постройка № 2* представлена фрагментом квадратного (?) в плане котлована, ориентированного по сторонам света. Длина западной стенки — 2 м, северная стенка прослежена на 0,7 м, южная — на 1 м. Реконструируемые размеры котлована — 2×2 м. У северной стенки расчищен развал печи-каменки в виде скопления бульжных камней, лежавших в пятне золы. В придонной части заполнения котлована зафиксирована прослойка черной земли с обильной примесью угля. Здесь найдены фрагменты гладкостенной лепной керамики.

Очевидно, что постройка № 2 аналогична уже известным по раскопкам 1940-х годов постройкам поселения Псков Б (Белецкий 1996: 56). Постройка № 1, относящаяся, судя по находкам сетчатой керамики, к поселению Псков А, является пока единственной на Псковском городище.

Обращает на себя внимание стратиграфия заполнения котлованов построек. Верхняя часть заполнения построек одинакова — оба котлована заплыли практически лишенной находок серой гумусированной супесью, которая была перекрыта глинобитным полом от постройки периода Псков В. Однако придонная часть заполнения котлованов различна. В постройке № 2 по дну прослежена прослойка черной земли с углем (пожар?). Эта прослойка перекрыта светло-серым слоем с примесью угля, а светло-серый слой, в свою очередь, перекрыт серой гумусированной супесью. В постройке № 1 придонная часть заполнения котлована представлена тонкой прослойкой погребенного дерна, непосредственно перекрытого серой гумусированной супесью.

Приведенные данные позволяют реконструировать процесс археологизации построек следующим образом: более ранняя постройка № 1 прекратила свое существование, котлован ее заплыл грунтом и постепенно задерновался; в момент строительства постройки № 2 поверхность участка уже была достаточно ровной, поскольку западину от постройки № 1 засыпать не пришлось; после прекращения функционирования (гибели в пожаре?) постройки № 2 ее котлован был засыпан светло-серым слоем с заметной примесью угля, и только после этого сформировался слой серой гумусированной супеси. Полагаю, что слой серой гумусированной супеси, практически лишенный находок, представляет собой погребенный дерн. И именно

с его поверхности началась застройка площадки Псковского городища постройками периода Псков В². Таким образом, «мысль о связи находок сетчатой посуды с прибалтийско-финским населением, обитавшим на городище одновременно со славянами в третьей четверти I тыс.» (Седов 1998: 44) при всей ее «правдоподобности» (Седов 1998: 44) можно отбросить (Белецкий 2000: 209–214).

К сожалению, результаты раскопок 1983 г. ничего не добавили для установления абсолютной хронологии нижнего слоя Псковского городища, как не добавили дополнительной информации и результаты раскопок 1984 г., в площади которых непо потревоженные слои городищенского времени были вскрыты только на небольшом участке.

Раскоп 1991–1992 гг.

Существенно уточнить представления о поселениях I тысячелетия по Р. Хр. на Псковском городище позволили раскопки, проведенные в 1991–1992 гг. Слой в раскопе разделялся на «верхний» и «нижний», а границей между слоями стали прослойка пожара и подстилающая ее прослойка известкового раствора. Верхний слой, перекрывавший реперные прослойки, представлен отложениями, содержащими находки позднесредневекового и постсредневекового времени. Происходящие из прослойки пожара предметы позволяют датировать пожар временем не ранее XVIII в. (возможно, 1778 г., см.: Кулакова 1997: 366). Прослойка известкового раствора сопоставима со строительством Порохового погреба 1636–1644 гг. (Скрынникова 1997: 252–262).

Нижний слой в раскопе (табл. 2), подстилавший реперные прослойки, представлен отложениями темно-серого (до темно-коричневого и черного) цвета, содержащим обильную примесь щепы, древесного тлена, прослойки угля, песка, глины, золы, остатки построек (печи, очаги, фрагменты срубов, мостовые и проч.). Среди находок из этой части отложений резко преобладают фрагменты лепной ке-

² Неоднократно подчеркивавшееся С.А. Таракановой отсутствие «стерильных прослоек» между «древнейшим поселением Псковского городища» (периоды Псков А и Б) и поселением, обозначаемым мною как комплекс Псков В, объясняется применявшейся исследовательницей методикой вскрытия слоя условными двадцатисантиметровыми пластинами с соответствующей фиксацией объектов и находок. При подобной методике раскопок выявление тонких прослоек погребенного дерна невозможно. Недопустимость раскопок пластинами поселений с сухим, лишенным грунтовых вод слоем и со сложной стратиграфией очевидна, хотя до настоящего времени такой способ раскопок остается одним из наиболее распространенных.

рамики, а фрагменты раннекруговой и круговой керамики единичны. Это определяет верхнюю хронологическую границу нижнего слоя временем не позднее XI в. Таким образом, между верхним и нижним слоями в раскопе 1991—1992 гг. выявляется хронологическая лакуна, превышающая шесть столетий. Ничем иным, кроме как уничтожением части слоя при проведении земляных работ перед строительством Порохового погреба, эту лакуну объяснить не удастся.

Важнейшей характеристикой нижнего слоя в раскопе 1991—1992 гг. являются находки фрагментов керамики. Число определимых фрагментов немногим превышает 300 экз. В верхней части слоя II.1 встречены фрагменты круговых и лепных сосудов, при этом круговая керамика, найденная в слое, разновременна: она датируется временем от X—XI до XIII—XIV вв. Очевидно, что эта часть слоя в древности подвергалась неоднократным механическим нарушениям. В нижней части слоя II.1 представлены фрагменты лепной и примитивнокруговой керамики, а фрагменты сосудов XI—XIV вв. единичны. Очевидно, что последние попали сюда из позднейших отложений при перекопах, причем большая часть перекопов в процессе раскопок не выделялась ни цветом, ни рыхлостью грунта, и обнаруживались эти микроперекопы только в тех случаях когда перекоп нарушал более древние объекты слоя. Среди лепной керамики преобладают грубые кухонные горшки, представленные как обломками широкодонных сосудов с плечиком в верхней четверти высоты так и фрагментами предкруговых профилированных сосудов, причем последние преобладают, найдены также фрагменты подлощенных и лощеных столовых сосудов в форме чаши.

В слое II.2 преобладают слабопрофилированные широкодонные сосуды с плечиком в верхней трети — верхней четверти высоты. Найдены также фрагменты конических сосудов с максимальным расширением, приходящимся на устье, и выделенным под устьем плечиком, фрагменты сосудов с S-видным профилем, мисок, миниатюрных сосудов, подлощенных банковидных сосудов и чаш.

Слой II.3 заметно менее насыщен находками керамики. В этом слое встречены (наряду с сосудами, характерными для слоя II.2) фрагменты лепных слабопрофилированных сосудов тюльпановидной и баночной формы, фрагменты сосудов «стройных пропорций», а также обломки мисковидных сосудов, профилированных сосудов с зашипами по венчику и сковородок.

Предматериковый слой II.4 был практически лишен находок и представлял собой погребенный дерн. Обнаруженные в нем немногочисленные фрагменты сосудов залегали в верхней части слоя и

были, очевидно, втоптаны в его поверхность. Наряду с керамикой, характерной для слоев II.3 и II.2, в предматериковом слое найдена также керамика эпохи раннего металла.

В слое II открыт ряд «объектов» — перекрывающие друг друга пятна глинобитных полов, остатки конструкций стен построек (столбы, венцы срубов и проч.), разнообразные пятна и скопления древесного тлена, угля, песка, глины, вымостки из камней и дерева. Большинство раскрытых объектов были в той или иной мере нарушены в древности. Судя по тому, что остатки полов построек сохранились пятнами, глинобитные печи в большинстве своем лишены купольной части, а бревна срубов сохранились только отдельными фрагментами, можно думать, что на участке городища, подвергнутом раскопкам, в древности неоднократно производились земляные работы, при которых часть нижележащих напластований уничтожалась. В материке зафиксированы многочисленные ямы.

В тех случаях, когда объекты слоя не соотносились между собой стратиграфически, то есть — не перекрывали друг друга, отнесение двух и более объектов к одному и тому же времени было крайне сложным. Затрудняла изучение объектов их сильная спрессованность. Установить топографическое и хронологическое соотношение между собой открытых остатков застройки только на основании глубинных отметок залегания их в слое оказалось затруднительно: требовался детальный анализ стратиграфического положения каждого из исследованных объектов, а для последующего выявления планиграфии раскопа было необходимо не только «расслоение» каждого из объектов на отдельные «уровни застройки», но и последующая синхронизация этих уровней между собой (табл. 3).

Датировку открытых в процессе раскопок «объектов» и сводных ярусов застройки затрудняла крайняя редкость индивидуальных находок: к числу датирующих относятся единичные стеклянные бусины и несколько предметов из цветного металла, кости и рога. В 1992 г. была взята серия из трех дендроспиллов: два образца — столбы, прорезавшие напластования слоя до материка (938 и 944 гг.), третий — бревно из слоя пожара II.1.2. (860 г.).

Немногочисленность спилов, пригодных для дендрохронологических определений, была очевидна уже во время раскопок, поэтому в том же 1992 г. была взята серия образцов для получения шкалы радиоуглеродных дат. Большинство образцов проанализированы в лаборатории ИИМК РАН, а один был также подвергнут контрольному исследованию в лаборатории СПбГУ (Белецкий, Белецкий, Попов 2000). Результаты дендроиндикации и радиоугле-

родного датирования позволили перевести относительную хронологию ярусов в абсолютную (табл. 4).

Древнейший из ярусов в раскопе 1991—1992 гг. отнесен ко второй четверти I тысячелетия по Р. Хр. Яруса II—VIII последовательно сменяли друг друга на протяжении VII — первой половины IX вв. Постройки яруса VIII погибли в пожаре, датированном «после 860 г.». Ярус IX, перекрывший пожар начала 860-х годов, датирован второй половиной IX — началом X вв., ярус X — серединой X в., а ярус XI — второй половиной X — началом XI вв.

Сопоставляя результаты раскопок 1991—1992 гг. с результатами раскопок предшествующих десятилетий, нетрудно увидеть принципиальное совпадение этих результатов. Новым для памятника стало, пожалуй, только обнаружение в предматериковом слое погребенной почвы фрагментов лепной орнаментированной керамики, сходной с керамикой асвенской культуры в Эстонии. Здесь же обнаружены обломки сетчатой керамики. Ко времени бытования последней относятся сгоревшие бревна, лежавшие на поверхности слоя погребенного дерна (ярус I).

Яруса II—VIII представлены фрагментами срубных и столбовых построек с глинобитными или земляными полами и отопительными сооружениями в виде открытых очагов, обложенных по периметру плитняковыми камнями, и глинобитных купольных печей, под которых представлял собой булыжную вымостку, промазанную глиной. Очаги занимали в интерьере жилищ срединное положение, а печи размещались как в центральной части жилища, так, возможно, и со смещением к углу или к одной из стен. Слой этого времени содержал грубую лепную кухонную керамику, представленную слабопрофилированными сосудами (часто — с проколами под венчиком) и сосудами с S-видным профилем, а также фрагментами столовой лощеной посуды чашевидных форм. К ярусу IX относится срубная постройка с дощатым полом и глинобитной купольной печью, занимавшей в интерьере угловое положение. С этой постройкой связаны находки фрагментов лепной и предкруговой керамики. Объекты ярусов X и XI сохранились плохо, а в слое, соответствующем этим объектам, найдена раннекруговая и круговая богатоорнаментированная керамика.

Таким образом, в раскопе 1991—1992 гг. зафиксированы следы застройки, относящиеся к периодам Псков А (ярус I), Псков В (яруса II—VIII) и Псков Г (яруса IX—XI). Поселения периода Псков В и Псков Г разделены слоем пожара, в котором погибли постройки яруса VIII. Домостроительство и керамика яруса IX отличаются от домостроительства и керамики ярусов II—VIII.

Культурная стратиграфия Пскова (уточненная версия)

После проведения на Псковском городище раскопок 1983 и 1991—1992 гг. культурная стратиграфия Пскова приобрела следующий вид (табл. 5). Первоначальное освоение Псковского городища может быть отнесено к середине — третьей четверти I тысячелетия до Р. Хр. (Псков А-1)³. Соотношение этого поселения с поселением носителей сетчатой керамики (Псков А) остается не ясно, однако хронологическая лакуна между серединой — третьей четвертью I тысячелетия до Р. Хр. и второй четвертью I тысячелетия по Р. Хр. позволяет предполагать, что после прекращения жизни на поселении Псков А-1 площадка Псковского городища длительное время не была заселена.

После прекращения жизни на поселении носителей сетчатой керамики (Псков А) площадка Псковского городища какое-то время пребывала в запустении, пока в середине I тысячелетия по Р. Хр. здесь не появилось поселение носителей культуры длинных курганов (Псков Б). Это поселение существовало, вероятно, сравнительно недолго, после чего Псковское городище некоторое время вновь оставалось необитаемым — вплоть до появления здесь носителей рюгеской культуры (Псков В). Именно это поселение, погибшее в пожаре 860-х (?) годов, непосредственно предшествовало появлению на месте будущего города Пскова раннегородского образования (Псков Г), в составе населения которого фиксировалось «варяжское присутствие» (Белецкий 1980; ср.: Седов 1989)⁴. Ни о какой преемственной связи между протогородским⁵ поселением периода Псков В и раннегород-

³ Для того, чтобы не менять предлагавшиеся ранее обозначения периодов культурной стратиграфии для древнейшего периода в истории Псковского городища, введено литерное обозначение «Псков А-1».

⁴ Раскопки 2004 г. подтвердили это наблюдение — в составе псковского некрополя были открыты два камерных погребения X в. (Яковлева 2006; Михайлов 2006). Еще одно камерное погребение было исследовано раскопками 2006 г.

⁵ В.В. Седов допускал, что «Псковское городище (VIII—IX вв. — С.Б.) было относительно крупным укрепленным поселением с относительно развитой ремесленной деятельностью, зарождающимися торговыми связями, разнотипным по происхождению населением. Намечающиеся элементы городского характера позволяют считать это поселение эмбрионом раннесредневекового города» (Седов 1998: 47). И хотя мне остается непонятно, что означает оговорка «относительно», употребленная при оценке ремесленной деятельности и размеров поселения, признание поселения Псков В в качестве «эмбриона города» соответствует моим наблюдениям (ср.: Белецкий 1996: 70, 78).

ским образованием периода Псков Г говорить не приходится, хотя какая-то (возможно — значительная) часть жителей поселка Псков В, безусловно, вошла в состав населения раннегородского образования Псков Г: об этом, в частности, свидетельствуют находки чернолощенных чашевидных сосудов в слоях X — начала XI вв. (Белецкий 1996: 67, рис. 55, 8).

НИЖНИЙ СЛОЙ ТРУВОРОВА ГОРОДИЩА⁶

Материалы многолетних раскопок Труворова городища до последнего времени оставались в основном не опубликованы, так что все споры о судьбах Изборска на конкретный археологический материал в полной мере не опирались. Но в 2002 г. из печати вышла монография В.В. Седова «Изборск — протогород», в которой «вводятся в научный оборот археологические материалы начального, догородского периода истории Изборска» (Седов 2002б: 7). Таким образом, осмысление информативных возможностей Труворова городища получило необходимую фактологическую основу.

Стратиграфия Труворова городища

По наблюдениям В.В. Седова (Седов 2002б: 7–9, 11, рис. 4), напластования культурного слоя Труворова городища разделяются на три стратиграфических слоя: *верхний*, в основном совпадающий с дерново-пахотным, *средний* (серый и серо-коричневый с многочисленными прослойками и включениями кусочков красно-оранжевой обожженной глины, угольков и угольной пыли, песка, мощностью от 0,3 до 2 м) и *нижний* (черный, черно-серый или бурый слой, насыщенный угольками и угольной пылью, в отдельных местах — с частицами перегнившей древесины, мощностью от 0,1 до 0,5 м, сохранился пятнами). Нижний слой городища и относящиеся к этому слою объекты (печи, очаги, полы построек и т. д.) характеризуют находки исключительно лепной керамики (Седов 2002б: 8, 9, 11, 13, 14, 16, 18, 20–24, 37 и др.). В нижних частях перекрывающего слоя, по наблюдениям В.В. Седова, фиксируется существование лепной и раннегончарной керамики (Седов 2002б:

⁶ Раздел представляет собой сокращенное изложение ранее опубликованных статьи (Белецкий, Лесман 2006) и рецензии (Белецкий, Лесман 2005).

8, 90), а позднейшие напластования среднего слоя содержат исключительно гончарную керамику (Седов 2002б: 8).

Начало формирования нижнего слоя В.В. Седов определял по датировкам вещевых и монетных находок (Седов 2002б: 90), а верхнюю хронологическую границу обосновывал не только вещевыми и монетными находками, но также керамическими материалами: «Верхняя дата нижнего слоя городища определяется второй четвертью или серединой X в. Надежные основания этому дают материалы вышележащих напластований. Если для нижнего слоя характерна исключительно лепная глиняная посуда, то следующий слой содержит как лепную, так и гончарную посуду. При изучении последнего встречено немало вещевых и монетных находок, достаточно определенно датируемых X веком» (Седов 2002б: 90–91).

Керамика Труворова городища

Из приведенных данных следует, что В.В. Седов считал керамику важнейшей характеристикой культурного слоя Труворова городища. Именно совместное бытование лепной и раннегончарной керамики в отложениях, перекрывающих нижний слой, дало исследователю основание определять верхнюю дату формирования нижнего слоя в пределах второй четверти — середины X в. (Седов 2002б: 8, 90–91).⁷ Замечу, однако, что фрагменты керамики в процессе раскопок фиксировались поквратно и по 20-сантиметровым пластам. Таким образом, керамические коллекции позволяют характеризовать не стратиграфические слои памятника, а те условные пласты, по которым находки фиксировались и документировались (табл. 6–8).

Из приведенных таблиц следует, что лепная керамика в материалах раскопок 1971–1973 гг. составляет 1,78 % от всей найденной на городище керамики. Очевидно ее тяготение к нижним пластам слоя, однако и здесь она составляет лишь незначительную часть всего найденного керамического материала.

Поквратная фиксация керамики свидетельствует, что в площади раскопов 1971–1973 гг. имеется не менее 44 квадратов, в предматериковом пласте которых (в трех квадратах — в двух нижних пластах) найдена исключительно лепная керамика. Таким образом, площадь предматерикового пласта, содержавшего находки исклю-

⁷ В.В. Седов опирался в своей классификации на материалы раскопок 1971–1975 гг., а статистику приводил на основании материалов раскопок 1971–1973 гг.

чительно лепной керамики, составляет около 12 % всей площади раскопов 1971–1973 гг. Разумеется, границы пятен культурного слоя с находками лепной керамики не ограничивались границами квадратов — реально пятна слоя, с большой степенью вероятности, распространялись на какие-то части смежных квадратов. Однако, по имеющимся материалам, точные границы пятен культурного слоя, содержавшего находки исключительно лепной керамики, установить уже невозможно. Особенностью выявленных пятен культурного слоя с находками лепной керамики является то, что эти пятна в основном не соотносятся с реконструированными планами застройки поселения (ср.: Седов 2002б: 36–38, рис. 14–15).

Характеризуя древнейшие отложения на площадке Труворова городища, Седов отмечал, что для нижнего слоя характерна лепная керамика, а самые нижние горизонты вышележащего слоя откладывались в тот период, когда в быту вместе с гончарной использовалась и лепная посуда (Седов 2002б: 8). Таким образом, исследователь допускает, что лепная керамика на Труворовом городище доживала в обиходе до появления гончарной посуды и некоторое время сосуществовала с последней.

В работе 1979 г. было показано, что гончарная керамика поселений и могильников Псковской земли не обнаруживает существенных типологических отличий от круговой керамики Пскова (Белецкий 1979). С учетом этого обстоятельства по картотеке рисунков керамики из раскопок Труворова городища 1971–1973 гг. были проверены все случаи совместного обнаружения в одном квадрате/пласте лепной и круговой керамики. Выяснилось, что вместе с лепной керамикой в одном квадрате/пласте обнаруживались фрагменты круговой керамики, бытовавшей в Пскове и других городах Псковщины в XII–XIV и XV–XVI вв. Трижды вместе с лепной керамикой в одном квадрате/пласте найдены фрагменты разновременных круговых сосудов, датирующихся в Пскове от XI до XVI вв.

Аналогичная картина зафиксирована и раскопками других лет. Просмотр картотеки рисунков керамики из раскопок 1974 (участки 16–21), 1979 (участок 38) и 1980 гг. (участки 42–46) показал, что вместе с лепной керамикой в одном квадрате/пласте были найдены фрагменты круговой керамики, бытовавшей в Пскове и других городах Псковщины в XII–XIV и XV–XVI вв. Кроме того, в одном квадрате/пласте с лепной керамикой неоднократно фиксировались находки фрагментов разновременных круговых сосудов, датирующихся в Пскове от XI до XVII вв.

Доживание лепной керамики до XII—XIV и, тем более, до XV—XVII вв. вряд ли возможно. Появление круговой керамики в городах северо-западной Руси принято относить к первой половине X в.³, а к последней четверти этого столетия круговая керамика полностью вытесняет из обихода керамику лепную⁴. По всей видимости, В.В. Седов прав в том, что совместное обнаружение в одном и том же квадрате/пласте лепной керамики вместе с находками круговой керамики эпохи развитого средневековья объясняется в большинстве случаев «значительной потревоженностью <...> слоя, для которого эта (лепная. — С.Б.) керамика характерна» (Седов 2002б: 8). Тогда сосуществовать с лепной керамикой на Труворовом городище могла только круговая керамика X—XI вв.

Наиболее ранней среди круговой посуды Труворова городища является так называемая «богатоорнаментированная» керамика — круговая посуда, отличительной особенностью которой являются разнообразные орнаменты из линейных и волнистых поясков и лент, ногтевых или штампованных отпечатков, наlepных и врезных валиков и т.п., покрывающие стенки сосудов от венчика и почти до самого дна. Подробная характеристика ранних групп этой керамики дана в работе В.М. Горюновой применительно к материалам раскопок Рюрикова городища, где такая керамика датируется X в. (Горюнова 1997: 153—175). К тому же времени можно отнести находки подобной керамики и в Пскове, где она также сосуществует с лепной посудой (Белецкий 1996: 62, рис. 52), постепенно вытесняя последнюю (Белецкий 1996: 64, рис. 53).

Очевидно, что сосуществовать с лепной керамикой на Труворовом городище могла только богатоорнаментированная керамика — наиболее ранняя круговая керамика памятника. На совместное бытование лепной керамики именно с круговой богатоорнаментированной посудой указывал и В.В. Седов, называвший такую керамику

³ «Смена лепной керамики гончарной практически завершилась в Новгороде к середине X в. <...> Процесс активного вытеснения одного типа посуды другим, характеризующийся широким сосуществованием лепной и гончарной керамики, датируется первой половиной X в.» (Носов 1977: 11—12). «Появление гончарной посуды в Ладого можно с уверенностью датировать 2-й четвертью X в.» (Сениченкова 1998: 19).

⁴ Опираясь на подсчеты Г.П. Смирновой (Смирнова 1976: 10), Е.Н. Носов подчеркивал: «На Неревском раскопе Новгорода в доярусном слое лепная керамика составляет 4,21 % общего числа посуды, на уровне 28 яруса (953 г.) — 3,68 %, на уровне 27 яруса (972 г.) — 1,49 %, на уровне 25 яруса (989 г.) — 0,42 %» (Носов 1977: 11—12).

раннегончарной¹⁰. Однако в коллекциях керамики из раскопок Труворова городища ранние формы богатоорнаментированной посуды, детально изученные в упомянутой выше работе В.М. Горюновой (Горюнова 1997), отсутствуют. В известном нам материале представлена только богатоорнаментированная керамика развитых форм (Белецкий 1996: 26–27, рис. 6–7). В Пскове такая керамика датируется концом X – первой половиной XI вв. (Белецкий 1996: 66–67, рис. 54–55). Близкородственная псковской керамика найдена в слоях второй половины X–XI вв. в Новгороде (Смирнова 1974: 17–22).

В приведенных ниже таблицах пластографического распределения круговой керамики в раскопе 1971 г. статистика находок дана по обобщенным хронологическим группам: вторая половина XI–XII вв., XII–XIV вв. и XV–XVII вв. Датировки фрагментов определялись в соответствии с хронологией круговой керамики Пскова. Все статистические подсчеты даны на основании зарисовок профильных частей сосудов. Исключение сделано для богатоорнаментированной керамики: в статистические таблицы включены данные не только о находках венчиков, но также все зафиксированные случаи обнаружения стенок таких сосудов¹¹ (табл. 9–12).

Нетрудно убедиться, что в составе коллекции круговой керамики немногочисленными экземплярами представлены не только фрагменты богатоорнаментированной керамики, но также и фрагменты керамики второй половины XI–XII вв. В слое решительно преобладают находки круговой керамики XII–XIV вв., но также заметное место занимают обломки сосудов XV–XVII вв., тяготеющие, впрочем, к верхним пластам слоя. Только в площади участка 3 керамика второй половины XI–XII вв. представлена более или менее

¹⁰ «Время сооружения фортификаций детинца определяется находками в заполнениях канавок и столбовых ям. Немногочисленный керамический материал состоит из фрагментов лепной и раннегончарной посуды <...>. Судя по фрагментам, собранным при разборе канавок и столбовых ям, для периода возведения деревянных крепостных сооружений детинца были характерны, наряду с лепными, гончарные сосуды, покрытые орнаментацией от венчика и почти до дна. Узоры составляли волнистые пояски и параллельные горизонтальные желобки, прореченные острой палочкой. Такая богатоорнаментированная керамика широко представлена в нижних слоях древнерусских городов» (Седов 1999: 247).

¹¹ Большинство найденных при раскопках фрагментов стенок сосудов XII–XVII вв. не орнаментированы, так что их датировка может быть определена, как правило, в интервале нескольких столетий. Принадлежность фрагментов круговой керамики к группе богатоорнаментированной легко устанавливается не только по обломкам профильных частей, но и по фрагментам стенок. Это позволяет выявлять присутствие в квадрате/пласте древнейшей круговой керамики не только по профильным фрагментам сосудов, но даже по сильно измельченным фрагментам стенок.

заметной серией, однако и на этом участке керамика XII—XIV вв. преобладает во всех пластах слоя.

При изучении керамики Труворова городища из раскопок 1972—1973 гг. зарисовывались только фрагменты лепной керамики, а круговая керамика рисовалась выборочно — все фрагменты богатоорнаментированных сосудов, венчики сосудов XI—XII вв. и те фрагменты керамики XII—XVII вв., которые позволяли реконструировать профиль сосуда. Сравнение находок богатоорнаментированной керамики, найденной в площади участков 5—8 (раскоп 1972 г.), а также 9¹², 12—15 (раскоп 1973 г.) с данными об общем количестве найденной на этих участках круговой керамики (табл. 13—15) показывает, что здесь богатоорнаментированная керамика также представлена единичными фрагментами.

Возможно, сходная картина фиксируется и в материалах раскопок 1974 г. Так, на участке 17 найдено 9 фрагментов богатоорнаментированной керамики (один в пласте 2, по два в пластах 4 и 6 и четыре в пласте 7). На участке 18 найдено 11 фрагментов богатоорнаментированной керамики (два в пласте 4, семь в пласте 5 и два в пласте 6). На участке 21 найдено два фрагмента богатоорнаментированной керамики (происходят из пласта 5). Один фрагмент богатоорнаментированной керамики найден в слое 2 на участке 41 (1980 г.).

Кроме керамики участков 1—4 была полностью прорисована также керамика участков 38 и 42—46 (табл. 16—21¹³). Выявленная на этих участках картина аналогична той, которая была зафиксирована в раскопах 1971—1975 гг. Отмечу, что в площади участка 38 (табл. 16) вскрыто 9 пластов, то есть слой здесь более мощный, чем на остальных участках. При этом в предматериковых пластах 8—9 лепная керамика количественно преобладает над керамикой круговой. В ряде квадратов слой с лепной керамикой вообще не содержал находок круговой керамики. Однако показательно, что во всех случаях совместного нахождения в квадрате/пласте лепной и круговой керамики последняя представлена фрагментами сосудов XII—XIV вв. или более позднего времени. Ни одного фрагмента богатоорнаментированной керамики в площади участка 38 не найдено.

¹² Статистические данные по участкам 10 и 11 не приводятся. В площади участка 11 находки богатоорнаментированной керамики отсутствуют. Картотека полевых зарисовок керамики, найденной на участке 10, была в 1973 г. сдана в архив экспедиции.

¹³ Для лепной и круговой богатоорнаментированной керамики в статистику включены не только венчики, но также стенки и донца сосудов; для всей остальной круговой керамики — только венчики.

Таким образом, среди изученной круговой керамики Труворова городища полностью отсутствует раннекруговая посуда X в., а слой, формировавшийся в период бытования круговой «богатоорнаментированной» керамики конца X — середины XI вв. не сохранился.

Не исключено, что слой конца X — середины XI вв. на площадке Труворова городища был уничтожен в более позднее время¹⁴: на такую возможность указывают упоминавшиеся В.В. Седовым фрагменты «раннекруговой» керамики, происходящие из материковых ям и канавок, оставшихся от укреплений деревянного детинца (Седов 1999: 247), а также единичные фрагменты такой керамики, обнаруженные в насыпи городищенского вала (Седов 1986б: 26). Но, в любом случае, немногочисленность найденных фрагментов свидетельствует либо о том, что богатоорнаментированная керамика на Труворовом городище бытовала сравнительно недолго, либо о недостаточно интенсивной жизни на поселении в период бытования такой керамики. И так как возведение мощных фортификаций мало соответствует второму предположению, следует признать более вероятным предположение о кратковременности использования жителями богатоорнаментированной посуды. Иными словами, время бытования на Труворовом городище богатоорнаментированной керамики следует определять не всем интервалом времени от конца X до середины XI вв., а только частью этого интервала.

Фрагменты круговой керамики второй половины XI—XII вв. в слое Труворова городища также немногочисленны. Однако эта керамика выявлена более представительной серией находок, нежели богатоорнаментированная керамика. Предполагая, что слой, формировавшийся в период бытования круговой керамики второй половины XI—XII вв. был также в основном уничтожен, мы можем, однако, констатировать, что слой этот формировался более интенсивно, нежели слой с богатоорнаментированной керамикой, или же этот период жизни поселения был более продолжительным. Предполагая, что именно керамика второй половины XI—XII вв. сменяет в обиходе богатоорнаментированную посуду, можно думать, что последняя появилась на Труворовом городище не ранее первой половины — середины XI в.

¹⁴ В таком случае следует взять под сомнение неоднократно публиковавшуюся схему «планировки Изборска второй половины X — XI вв.» (Седов 1987: 23, рис. 5; 1999: 246, рис. 1). Во всяком случае, датировка этим временем многочисленных «отопительных устройств», обозначенных в площади раскопа 1971—1975 гг. находками керамики не подтверждается. выявлять присутствие в квадрате/пласте древнейшей круговой керамики не только по профильным фрагментам сосудов, но даже по сильно измельченным фрагментам стенок.

Совместные находки в ямах и траншейках «детинца» лепной и круговой богатоорнаментированной керамики, казалось бы, свидетельствуют о том, что эти две группы посуды могли бытовать на поселении одновременно. Однако В.В. Седов справедливо отмечал: «Строители крепостной стены при засыпке канавок и столбовых ям в той или иной степени использовали нижние горизонты культурных напластований городища, поэтому какая-то часть фрагментов лепной керамики (найденной в заполнении канавок и столбовых ям. — С.Б.) могла быть связана с этими отложениями» (Седов 1999: 247). Таким образом, попадание фрагментов лепной и круговой богатоорнаментированной керамики в заполнение одних и тех же ям и канавок свидетельствует не о совместном бытовании двух групп керамики на памятнике, а о смешении разновременных материалов в процессе возведения фортификаций детинца.

Хронология вещевого комплекса Труворова городища

Характеристика вещевых находок занимает около половины объема монографии В.В. Седова (Седов 2002б: 47–91). К нижнему слою отнесено не менее 700 предметов, из них в рисунках опубликована 241 находка. Вещевой комплекс памятника характеризуется суммарно для всей свиты нижних отложений без учета внутренних стратиграфических различий.

Из приведенного выше анализа керамики следует, что не очень мощный нижний слой городища неоднократно нарушался многочисленными перекопами, да и древняя дневная поверхность не была горизонтальной. При отсутствии выполненной в полевых условиях увязки находок с тем или иным стратиграфическим слоем это вносит в стратиграфическую атрибуцию известную условность. В.В. Седов совершенно оправданно включил в свою публикацию лишь те находки, которые он считал связанными с ранним периодом функционирования поселения. То есть, с одной стороны, в публикацию включены ранние (по мнению автора раскопок) вещи из вышележащих слоев (переотложенные), с другой — по-видимому, исключены поздние (по мнению автора раскопок), происходящие из нижних пластов.

Подробный анализ датирующих возможностей вещевых находок из раскопок Труворова городища приведен в ранее опублико-

ванных работах (Белецкий, Лесман 2005; 2005), и здесь опускается. Отмечу только, что в общей сложности удалось хронологически атрибутировать (конечно, с учетом аналогий, указанных В.В. Седовым) 165 предметов.

Нижнюю дату поселения В.В. Седов определяет рубежом VII–VIII вв. (Седов 2002б: 90). Однако вся серия наиболее ранних вещей датируется шире: V–VIII вв., VI–VIII вв. или «до VIII в.». Находок, верхние даты которых не выходят за рамки VIII в., достаточно много. Это не дает оснований говорить о возникновении поселения в начале VIII в., но определенно указывает на то, что появилось оно, скорее всего, ранее конца этого столетия.

При определении верхней даты нижнего слоя роль вещевых находок существенно ограничена обилием несомненно поздних предметов. Если суммировать все вещевые находки, относящиеся к периоду исключительно после середины X в., то их оказывается 82 против 19, датирующихся периодом до середины X в.; даты остальных 64 предметов перекрывают этот рубеж.

Таким образом, вещевые находки демонстрируют примерно ту же картину, что и керамика: нижний слой Труворова городища либо в основном переотложен, либо, в силу сложной стратиграфии и далеко не горизонтального расположения синхронных горизонтов, не расчленен в процессе раскопок. Собственно стратиграфическому вычленению ранний вещевой комплекс в целом не поддается. Отметим лишь, что три четверти находок, датирующихся временем «до середины X в.», как и три четверти находок несколько более широкого периода — «до начала XI в.» — происходят из пластов не выше пятого. Но среди предметов, датирующихся периодом не ранее рубежа XI–XII вв., из этих же пластов происходит более 96,5 % находок — 28 из 29.

Верхнюю дату нижнего слоя, точнее — ее нижний рубеж, могли бы определить находки, несомненно происходящие из перекрывающих нижний слой отложений среднего слоя. Однако при попытке проанализировать эти находки мы неизбежно сталкиваемся с рядом проблем. Во-первых, состояние стратиграфии памятника делает привязку находок к определенному слою (в том числе датированному В.В. Седовым концом X — началом XI в. или второй половиной X–XI вв.) по меньшей мере гипотетичной. Во-вторых, сами находки требуют проверки и детализации их хронологии. Последнее затрудняется тем, что пока опубликованы лишь их предварительные и далеко не полные перечни, не сопровождаемые ни рисунками, ни паспортными данными (что могло бы позволить проанализировать

их в музейной коллекции). Приведенный В.В. Седовым список вещей не дает хронологически четкой картины: некоторые из находок можно достаточно уверенно связывать с ранним этапом истории поселения, в то время как другие предметы имеют широкие даты бытования.

Таким образом, приходится констатировать, что оснований для датировки начала отложения слоя, который В.В. Седов датирует от второй половины — конца X в. до XI в. включительно, ранее XI в. нет. Более того, нет даже оснований уверенно говорить о первой половине этого столетия. Соответственно, этими пределами ограничивается сверху и диапазон возможных колебаний верхней даты нижнего слоя, конец которого, как отмечает В.В. Седов, маркирует сильный пожар (Седов 1999: 245). В целом же анализ вещевых находок дает картину чрезвычайно близкую результатам анализа керамического материала.

Монетные находки

Особое внимание обращают на себя монетные находки из раскопок Труворова городища, детально изученные П.Г. Гайдуковым и А.В. Фоминым (Гайдуков, Фомин 1986). Подавляющее большинство обнаруженных при раскопках монет (39 из 48) датируются эпохой высокого средневековья и новым временем (Гайдуков, Фомин 1986: 109–110, прилож. 2); ко времени формирования нижнего слоя городища эти находки отношения не имеют. Ранняя серия находок насчитывает 9 монет — семь куфических дирхемов, одно подражание дирхему и западноевропейский денарий (Гайдуков, Фомин 1986: 108, прилож. 1). Пять монет В.В. Седов причисляет к нижнему слою городища, а четыре монеты связывает с более поздним слоем, перекрывавшим древнейшие отложения памятника (Седов 2002б: 89–90).

Все монеты, отнесенные В.В. Седовым к нижнему слою, отчеканены в конце VIII — начале IX вв. Два дирхема 792/3 г., и дирхем 805 г., по заключению П.Г. Гайдукова и А.В. Фомина, выпали в слой не позднее первой четверти IX в. (Гайдуков, Фомин 1986: 102–104). Дирхемы 811/2 и 818/9 гг., по мнению исследователей, были утеряны, вероятнее всего, в 840–870-е годы. (Гайдуков, Фомин 1986: 104). Все пять монет происходят из предматериковых отложений слоя (Гайдуков, Фомин 1986: 108, прилож. 1, № 1–5). Таким образом, эти монеты, безусловно, относятся к древнейшему поселению на площадке городища.

Возможно, к древнейшему поселению следует относить также обрезок дирхема рубежа VIII—IX вв. Правда, он был найден при расчистке печи вместе с многочисленными фрагментами «древнерусской керамики» (Гайдуков, Фомин 1986: 108, прилож. 1, № 6). Время выпадения монеты в слой ни П.Г. Гайдуков и А.В. Фомин, ни В.В. Седов не комментируют.

При обосновании времени формирования нижнего слоя городища В.В. Седов опирается, среди прочего, на монетные находки из перекрывающих нижний слой отложений среднего слоя: «Одна из них — местное подражание самаркандской монете династии Саманидов. Такие монеты в Восточной и Северной Европе имели распространение только в X в. Вторая монета — дирхем, обрезанный в кружок. Как показал В.Л. Янин, круглые обрезанные куфические монеты появляются в восточноевропейских кладах около середины X в. и встречаются до второй четверти XI в.» (Седов 2002б: 91).

Однако датирующие возможности монет X в., определяющих, по мнению В.В. Седова, верхнюю дату нижнего слоя второй четвертью — серединой X в., как представляется, преувеличены. Обрезанный в кружок дирхем X в., по мнению П.Г. Гайдукова и А.В. Фомина, «был изготовлен во второй половине X — первой четверти XI в.» (Гайдуков, Фомин 1986: 104). Исследователи осторожно допускали, что, «возможно, этим же временем датируется попадание монеты в слой» (Гайдуков, Фомин 1986: 104). Однако с учетом того, что монета какое-то время использовалась в качестве украшения (подвеска), верхнюю хронологическую границу следует не ограничивать первой четвертью XI в., а определять, по крайней мере, XI в., если не шире¹⁵.

Комментируя «местное подражание» саманидской монете X в., П.Г. Гайдуков и А.В. Фомин отмечали: «У нас нет оснований для определения времени ее выпадения в более узких рамках, чем X в., так как вопрос о хронологии чеканки подражаний разработан не достаточно» (Гайдуков, Фомин 1986: 104). С учетом того, что монета имела медное ушко для подвешивания, то есть — какое-то время использовалась в качестве украшения, время выпадения ее в слой следует определять не X в., а более поздним временем. Во всяком случае, подражания саманидским дирхемам серийно представлены в древнерусских сельских могильниках (Равдина 1988: 25, 31, 32, 50,

¹⁵ Кстати, П.Г. Гайдуков и А.В. Фомин отметили совпадение веса обрезанного в кружок дирхема с весовой нормой фрисландских денариев, обращавшихся на Руси в течение всего XI в. (Гайдуков, Фомин 1986: 104), что указывает на возможность обращения обрезанного в кружок дирхема позднее первой четверти XI в.

52, 63–66, 70–71, 81–83, 89, 92, 98, 105, 111, 120, 121, 124), в подавляющем большинстве датирующихся XI в.¹⁶

Найденный при раскопках Труворова городища западноевропейский денарий конца X – начала XI вв. В.В. Седов не привлекает к обоснованию верхней границы нижнего слоя, поскольку эта монета «найдена <...> в слое XII–XIII вв., что, очевидно, обусловлено потревоженностью напластований» (Седов 1999: 251). Время выпадения в слой денария, отчеканенного в 983–1002 или в 1002–1024 гг., П.Г. Гайдуков и А.В. Фомин не комментировали, отметив лишь, что денарий происходит не из древнейшего, а из более позднего слоя поселения (Гайдуков, Фомин 1986: 105). С учетом того, что монеты, чеканившиеся в Шпейере (Германия) в годы правления Оттона III и Генриха II, обращались в Восточной Европе (судя по кладам) в XI–XII вв. (Потин 1968: 159, табл. 17), время выпадения монеты в слой Труворова городища следует определять в пределах этого времени.

Таким образом, древнейшие монетные находки из раскопок Труворова городища по времени выпадения в слой распадаются на две серии — раннюю (середина — третья четверть IX вв.) и позднюю (XI в. с возможным выходом в XII в.). При этом ни одной монеты, которая бы безусловно выпала в слой поселения в последней четверти IX–X вв., не обнаружено. Иными словами, монетные находки подтверждают наблюдения, сделанные при изучении как керамики, так и вещевого комплекса из нижнего слоя Труворова городища.

¹⁶ Не анализируя датировку всех комплексов с находками подражаний саманидским дирхемам X в., укажем в качестве примера на курган 4 из раскопок В.Я. Шербакова в 1879 г. (в погребении найдена также монета 1056–1060 г.), и на погребение 14 из могильника Деревяницы (в погребении найдена также монета 1014–1024 гг.). В кургане 124 из раскопок Ф.Х. Арслановой в 1976 г. в могильнике Избрижье и в погребении 27 могильника Федово вместе с подражаниями саманидским дирхемам X в. найдены сердоликовые бипирамидальные бусы, появляющиеся на Руси не ранее начала XI в. (Полубояринова 1994: 74–76).

ИЗБОРСК «ВАРЯЖСКОГО ПРЕДАНИЯ»: ТРУВОРОВО ГОРОДИЩЕ ИЛИ РАННИЙ ПСКОВ?

Анализируя результаты многолетних раскопок Труворова городища, В.В. Седов полагал, что полученные материалы позволяют детально проследить процесс «эволюции племенного центра <...> в раннефеодальный город» (Седов 1987: 22–24). После анализа материалов, опубликованных в монографии «Изборск — протогород» (Седов 2002б), я не могу согласиться с этим выводом. Напротив, между нижним («протогородским») слоем Труворова городища и средним («древнерусским») слоем угадывается хронологическая лакуна, в целом соответствующая X в. (с выходами в IX и XI вв.).

Что стоит за этой лакуной? Можно предложить к обсуждению несколько различных вариантов интерпретации изложенного в статье наблюдения.

Вариант 1. В Изборске, в отличие от всех известных городских центров Северной Руси (Ладога, Новгород, Псков), лепная керамика дожила вплоть до появления в середине — второй половине XI в. круговой посуды. Однако, признав, что население Труворова городища вплоть до середины XI в. не знало гончарной посуды, мы вынуждены признать и то, что в X и в первой половине XI вв. (вплоть до перепланировки площадки городища и возведения здесь новых мощных фортификаций) Изборск городом не был, а представлял собой глубокое захолустье. С учетом того, что в Пскове во второй половине X — первой половине XI вв. была широко распространена круговая керамика, подобная ситуация представляется теоретически возможной, но все-таки маловероятной.

Вариант 2. Возможно, в X и первой половине XI вв. население, ранее жившее на площадке Труворова городища, перешло на посады, а площадка городища запустела. Однако раскопки 1953 г. на плато, отделенном от Труворова городища оврагом (т. н. «Славянское поле»), выявили наличие в культурном слое керамики XI–XII вв. (Гроздилов 1965: 71, 72, рис. 6). Раскоп 1953 г. за рвом городища и заложенная здесь же траншея 1991 г. также не выявили отложений культурного слоя ранее XI–XII вв. (Гроздилов 1965: 71–72; Грушина 1992: 33–35). Таким образом, этот вариант также представляется маловероятным.

Вариант 3. Возможно, слои X и первой половины XI вв. на площадке Труворова городища были полностью уничтожены при позднейших планировочных работах. Такие планировочные работы

должны были быть произведены ранее, чем на площадке городища сформировался слой, содержащий массовые находки круговой керамики XII—XIV вв. Однако предполагаемые земляные работы не были связаны с насыпкой ныне существующего городищенского вала, поскольку в траншеях, прорезавших вал, керамика и вещевые находки X в. отсутствуют. Тогда приходится предполагать, что в период между IX и XII вв. было по неясным причинам произведено не просто полное уничтожение на площадке городища отложений X в., но срезанный в результате этих работ грунт, содержащий материалы X в., был вывезен за пределы не только городища, но и его ближайших окрестностей. Это предположение представляется практически невероятным.

Вариант 4. Наиболее вероятная интерпретация намеченной хронологической лакуны в свите культурных напластований Труворова городища — запустение поселения в период бытования лепной керамики (вследствие отмеченного В.В. Седовым пожара?) и повторное освоение площадки городища около середины XI в., когда население, пользовавшееся в обиходе круговой богатоорнаментированной керамикой, произвело на площадке городища масштабные фортификационные работы¹⁷. Именно эту гипотезу я сформулировал в дискуссии на Скандинавской конференции 1986 г., а позднее предлагал и возможную версию исторического осмысления сделанных на археологическом материале наблюдений (Белецкий 1990: 8–14; 1996: 78–86; 1997: 139–152).

Напомню, что последний из перечисленных выше вариантов истолкования хронологической лакуны в слое Труворова городища был сформулирован задолго до введения в научный оборот веще-

¹⁷ Возможный аргумент против такого истолкования — отсутствие стерильной прослойки погребенного дерна между нижним слоем и перекрывающими его отложениями среднего слоя. Но при раскопках стратиграфически сложного памятника с сухим, лишенным грунтовых вод слоем (каким, без сомнения, является Труворово городище) условными 20-сантиметровыми пластинами зафиксировать подобные прослойки по меньшей мере сложно, если вообще возможно. На отсутствие стерильных прослоек в слоях Псковского городища как на свидетельство преемственного перерастания племенного центра кривичей в средневековый город Псков указывала С.А. Тараканова, проводившая раскопки Псковского городища в 1946–1949 гг. условными 20-сантиметровыми пластинами (Тараканова 1950: 22). Однако исследование Псковского городища путем послойного вскрытия напластований и соответствующей фиксации находок позволило выявить стерильные прослойки, разделяющие разные периоды освоения площадки городища (Белецкий 2000: 209–214). К сожалению, площадка Труворова городища раскопана практически полностью, поэтому проверить наличие стерильных прослоек между нижним и средним слоями поселения теперь уже, видимо, невозможно.

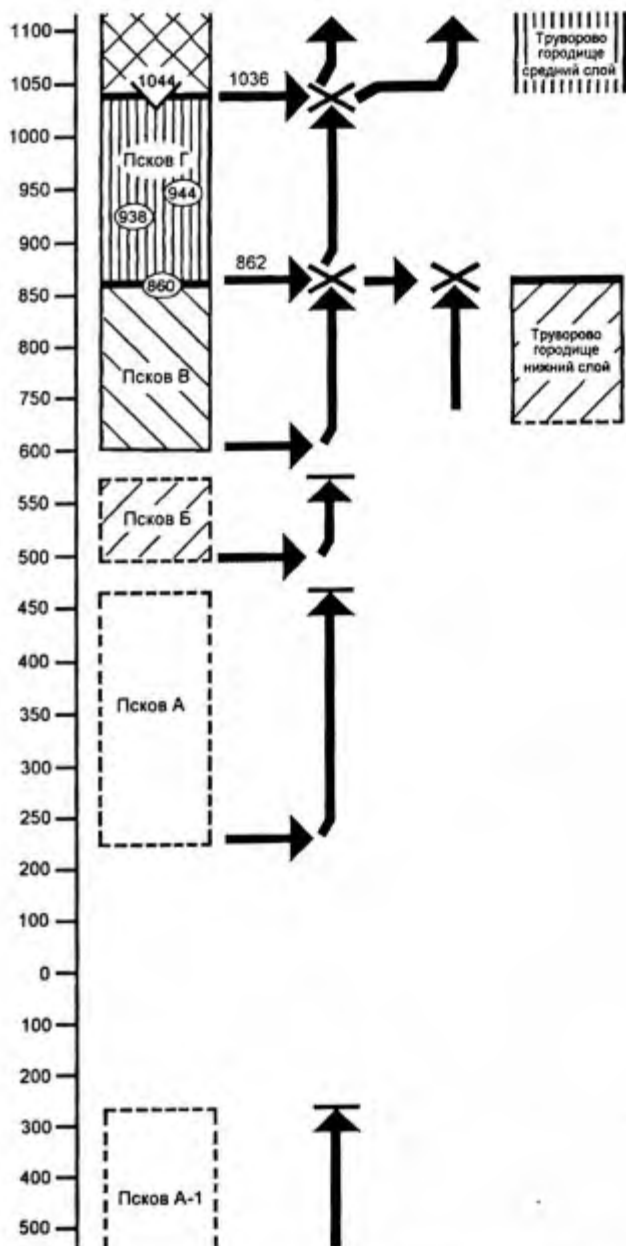

Рис. 2. Схема соотношения культурной стратиграфии Трुворова городища и Пскова

вого комплекса из нижнего слоя этого поселения. Теперь же, после публикации монографии «Изборск — протогород» (Седов 2002б), несоответствие поселения на Труворовом городище Изборску «варяжского предания» становится очевидным. Это обстоятельство неизбежно возвращает нас к проблеме соотношения поселения на Труворовом городище и находящегося в дневном переходе от него Пскова (рис. 2). Сближение во времени двух событий — гибель протогорода на Труворовом городище и появление раннегородского образования при слиянии Псковы и Великой — позволяет предположить, что эти события взаимосвязаны: весьма вероятным представляется участие в трагической судьбе Труворова городища (пожар, разделяющий «протогородской» и «древнерусский» слои городища) группы иммигрантов, которая осела в низовье Великой («Псков Г»), ликвидировав перед этим племенной центр автохтонов (Псков В). Гибель поселения «Псков В» произошла вскоре после 860 г., так что вероятность соответствия археологических наблюдений событиям, зафиксированным «варяжским преданием», представляется достаточно высокой. А это, в свою очередь, дает основание вернуться к обсуждению проблемы соответствия раннегородского образования при впадении Псковы в Великую Изборску «Руси Рюрика» (ср.: Лебедев 2005: 528–529).

Литература

Белецкий, Белецкий 1992 — *Белецкий В.Д., Белецкий С.В.* Новые раскопки на Псковском городище // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. СПб., 1992.

Белецкий, Белецкий 1993 — *Белецкий В.Д., Белецкий С.В.* Раскопки в Псковском кремле в 1992 году и проблема происхождения города Пскова // Государственный Эрмитаж. Отчетная археологическая сессия. СПб., 1993.

Белецкий, Белецкий 1995 — *Белецкий В.Д., Белецкий С.В.* Первые абсолютные даты Псковского городища и проблема происхождения и крещения города в Пскове // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество, христианство, церковь. М., 1995.

Белецкий, Белецкий, Попов 2000 — *Белецкий В.Д., Белецкий С.В., Попов С.Г.* Стратиграфия и хронология нижнего слоя Псковского городища // Далекое прошлое Пушкиногорья. Вып. 5. СПб., 2000.

Белецкий 1979 — *Белецкий С.В.* Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тысячелетий н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1979.

Белецкий 1980 — *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // КСИА. Вып. 160. М., 1980.

Белецкий 1990 — *Белецкий С.В.* Происхождение Пскова // Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990.

Белецкий 1993 — *Белецкий С.В.* Изборск «варяжской легенды» и Труворово городище (проблема соотношения) // Скифы, сарматы, славяне, Русь. СПб., 1993.

Белецкий 1996 — *Белецкий С.В.* Начало Пскова. СПб., 1996.

Белецкий 1997 — *Белецкий С.В.* Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север (к 210-летию А.Л. Витберга). Материалы международного научного симпозиума. Киров, 1997.

Белецкий 2000 — *Белецкий С.В.* Еще раз о нижнем слое Псковского городища // *Stratum plus*. 2000. № 4.

Белецкий 2003 — *Белецкий С.В.* Когда возник Псков? // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. I. М., 2003.

Белецкий 2005 — *Белецкий С.В.* Еще раз о культурной стратиграфии нижнего слоя Псковского городища и возникновении города Пскова // *Swiat slowian wczesnego sredniowiecza*. Szczecin; Wrocław, 2005.

Белецкий, Лесман 2005 — *Белецкий С.В., Лесман Ю.М.* О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В.В. Седова) // *Stratum plus*. 2003–2004. № 5.

Белецкий, Лесман 2006 — *Белецкий С.В., Лесман Ю.М.* О нижнем слое Труворова городища (керамика и хронология) // Изборск и его округа. Материалы II Международной научно-практической конференции. Изборск, 2006.

Гайдуков, Фомин 1986 — *Гайдуков П.Г., Фомин А.В.* Монетные находки Изборска // КСИИ. № 183. М., 1986.

Горюнова 1997 — *Горюнова В.М.* Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Гроздилов 1965 — *Гроздилов Г.П.* Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. № 7. Л., 1965.

Грушина 1992 — *Грушина Л.Е.* Раскопки посада в Изборске // Земля Псковская, древняя и современная. [Вып. 3]. Псков, 1992.

Дискуссия 2003 — Дискуссия // Псков в Российской и Европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания). Т. I. М., 2003.

Кулакова 1997 — *Кулакова М.И.* Пожары в Псковском кремле XIII–XVIII вв. // Памятники старины. Конвенции. Открытия. Версии. Т. I. СПб.; Псков, 1997.

Лебедев 1994 — *Лебедев Г.С.* Труворово городище и западные форпосты Руси Рюрика (обозначившаяся проблема) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. Сборник статей к 75-летию В.Д. Белецкого. СПб., 1994.

Лебедев 2005 — *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005.

Мачинский 1986 — *Мачинский Д.А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

Михайлов 2006 — *Михайлов А.В.* Камерное погребение Старовознесенского II раскопа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова. Псков, 2006.

Носов 1977 — *Носов Е.Н.* Поселения Приильменя и Поволховья в конце I тысячелетия н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1977.

ПВЛ — Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. I.

Полубояринова 1994 — Полудрагоценные камни и янтарь в древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

Потин 1968 — *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-этнографический очерк. Л., 1968.

Равдина 1988 — *Равдина Т.В.* Погребения X—XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М., 1988.

Седов 1986а — *Седов В.В.* О скандинавских находках в Изборске // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. ТД. М., 1986.

Седов 1986б — *Седов В.В.* Исследования Изборска // АО 1984 г. М., 1986.

Седов 1987 — *Седов В.В.* Начало городов на Руси // Тр. V МКСА. Вып. I. М., 1987.

Седов 1989 — *Седов В.В.* Скандинавские элементы в раннесредневековом Пскове // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1989.

Седов 1993 — *Седов В.В.* Роль скандинавов в начальной истории древнейших городов Северной Руси // XII Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1993.

Седов 1998 — *Седов В.В.* Первые страницы истории Пскова // *Історія Русі-України (історико-археологічний збірник)*. Київ, 1998.

Седов 1999 — *Седов В.В.* Изборск в конце X — начале XI вв. // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. М., 1999.

Седов 2002а — *Седов В.В.* Изборск и проблема становления древнерусского города // *Изборск и его округа*. Псков, 2002.

Седов 2002б — *Седов В.В.* Изборск — протогород. М., 2002.

Седов 2003 — *Седов В.В.* Становление Пскова // *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания)*. Т. I. М., 2003.

Сениченкова 1998 — *Сениченкова Т.Б.* Керамика Ладого VIII—X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на северо-западе Руси. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

Скрынникова 1997 — *Скрынникова Е.В.* О реставрации и датировке Порохового погребя в Псковском кремле // *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии*. Т. II. СПб.; Псков, 1997.

Смирнова 1974 — *Смирнова Г.П.* О трех группах новгородской керамики X — начала XI вв. // *КСИА*. № 139. М., 1974.

Смирнова 1976 — *Смирнова Г.П.* Лепная керамика древнего Новгорода // *КСИА*. № 146. М., 1976.

Тараканова 1950 — *Тараканова С.А.* О происхождении и времени возникновения Пскова // *КСИИМК*. 1950. № 35.

Тихомиров 1956 — *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956.

Шрамм 1994 — *Шрамм Г.* Ранние города северо-западной Руси: исторические заключения на основе названий // *Новгородские археологические чтения*. Новгород, 1994.

Яковлева 2006 — *Яковлева Е.А.* Камерное погребение X в. из Старовознесенского раскопа // *Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы LI научного семинара, посвященного памяти академика В.В. Седова*. Псков, 2006.

Таблица 1

**Культурная стратиграфия нижнего слоя Псковского городища
(по данным раскопок 1930–1970-х годов)**

Период	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А	Перв. пол. I тыс. по Р. Х.	Культура каменных могильников
Псков Б	Сер. — тр. четв. I тыс. по Р. Х.	Культура длинных курганов
Псков В	Посл. четв. I тыс. по Р. Х.	Рюгеская культура
Псков Г	Кон. IX — перв. пол. XI в.	Раннегородское образование

Таблица 2

Сводная стратиграфия нижнего слоя в раскопе 1991–1992 гг.

Слой		Характеристика
II.1	II.1.1	Черный слой
	II.1.2	Прослойка пожара
	II.1.3	Черный слой
II.2	II.2.1	Черный слой со щепой и навозом
	II.2.2	Прослойка пожара
II.3	II.3.1	Черный слой
	II.3.2	Прослойка пожара
	II.3.3	Черный слой
II.4		Темно-серый плотный слой

Таблица 3

Ярусная стратиграфия раскопа 1991–1992 гг.

Слой	«Траншея»	«Южная часть раскопа»	«Центральная часть раскопа»	«Северная часть раскопа»	Яруса
II.1.1				столб	XI
	Постр. 1; настил; вымостка	настил		столбы	X
	Постр. 2	настил	Постр. 4; настил	Постр. 4	IX
II.1.2	Постр. 3	Постр. 17	Постр. 17	Постр. 8, деревянные конструкции	VIII
II.1.3	Постр. 5, 6		бревно	Постр. 9	VII
II.2.1	Постр. 7, 7а		Постр. 10		VI
		Постр. 13	Постр. 11, 12	Постр. 12	V
II.2.2		Постр. 14, 15	Постр. 14	столб	IV
II.3.1		бревно			III
II.3.2		№ 16; настил		столб	II
II.3.3		бревна			I
II.4					

Таблица 4

Хронология ярусов застройки в раскопе 1991–1992 гг.

Яруса	Датировка
XI	вторая половина X – начало XI вв.
X	середина X в.
IX	вторая половина IX – начало X вв.
VIII	первая половина IX в. (гибнет в пожаре «после 860 г.»)
VII	конец VIII – начало IX вв.
VI	вторая половина VIII в.
V	первая половина VIII в.
IV	конец VII – начало VIII вв.
III	вторая половина VII в.
II	первая половина VII в.
I	III–V вв.

Таблица 5

Культурная стратиграфия Пскова

Период	Хронология	Культурная принадлежность
Псков А-1	Середина — третья четверть I тысячелетия до Р. Хр.	Асвенская культура
?		
Псков А	Первая половина I тысячелетия по Р. Хр.	Культура каменных могильников
Период запустения площадки городища		
Псков Б	Середина — третья четверть I тысячелетия по Р. Хр.	Культура длинных курганов
Период запустения площадки городища		
Псков В	Последняя четверть I тысячелетия по Р. Хр.	Рыугеская культура
Пожар «после 860 г.»		
Псков Г	Конец IX – первая половина XI в.	Раннегородское образование
Пожар «до 1044 г.»		
Псков Д	Середина XI–XX вв.	Город Псков

Таблица 6

**Пластография лепной и круговой керамики
Труворова городища. Участки 1–5**

Пласт	Участок 1		Участок 2		Участок 3		Участок 4		Участок 5	
	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.
2	4784	–	2560	–	780	1	712	11	5051	122
3	5521	–	2689	–	939	1	311	14	1259	–
4	3693	3	870	–	568	138	414	26	1324	–
5	1250	3	329	14	534	65	95	–	957	55
6	674	25	92	26	86	26			113	67
7	299	10	54	29						
Всего	16221	41	6594	69	2907	231	1532	51	8740	244

Таблица 7

**Пластография лепной и круговой керамики
Труворова городища. Участки 6–10**

Пласт	Участок 6		Участок 7		Участок 8		Участок 9		Участок 10	
	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.
2	5884	84	2305	2	3206	3	856	–	1006	1
3	1613	1	1278	–	995	1	1173	–	1672	–
4	886	6	445	43	634	92	1500	3	1191	–
5	69	73	339	82	151	109	1068	20	818	14
6	39	63							425	55
7									274	7
Всего	8491	227	4367	127	4986	205	4597	23	5386	77

Таблица 8

**Пластография лепной и круговой керамики
Труворова городища. Участки 11–15**

Пласт	Участок 11		Участок 12		Участок 13		Участок 14		Участок 15	
	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.	Круг.	Лепн.
2	1442	2	803	1	397	–	909	–	607	–
3	2402	–	1855	1	337	1	796	–	584	1
4	1419	35	553	4	68	4	593	3	493	12
5	283	13	208	10			595	12	253	7
6	88	1	74	1			190	6	129	22
Всего	5634	51	3493	17	802	5	3083	21	2066	42

Таблица 9

**Пластография основных хронологических групп
круговой керамики Труворова городища. Участок 1**

Пласты	Богатоорна- ментированная	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	2	4	193	99
3	–	5	201	43
4	2	8	286	38
5	–	9	103	26
6	–	8	80	20
7	1	1	50	25
Всего	5	35	913	251

Таблица 10

**Пластография основных хронологических групп
круговой керамики Труворова городища. Участок 2**

Пласты	Богатоорнамен- тированная	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	2	133	68
3	–	9	199	28
4	–	5	102	8
5	1	9	38	7
6	–	1	9	–
7	1	–	21	3
Всего	2	26	502	114

Таблица 11

**Пластография основных хронологических групп
круговой керамики Труворова городища. Участок 3**

Пласты	Богатоорнамен- тированная	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	2	114	14
3	4	20	158	3
4	–	11	85	1
5	–	3	56	1
6	–	1	12	–
Всего	4	37	425	19

Таблица 12

**Пластография основных хронологических групп
круговой керамики Труворова городища. Участок 4**

Пласты	Богатоорнаментированная	В т. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	2	8	53	9
3	–	–	19	1
4	–	1	20	1
5	–	–	16	–
Всего	2	9	108	11

Таблица 13

**Статистика находок богатоорнаментированной керамики
на Труворовом городище. Участки 5–7**

Пласт	Участок 5		Участок 6		Участок 7	
	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.
2	5051	–	5584	–	2305	–
3	1229	1	1613	2	1278	–
4	1324	–	886	2	445	2
5	957	2	69	5	339	1
6	113	–	39	1		
Всего	8740	9	8491	10	5386	3

Таблица 14

**Статистика находок богатоорнаментированной керамики
на Труворовом городище. Участки 8, 9, 12**

Пласт	Участок 8		Участок 9		Участок 12	
	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.
2	3206	–	856	–	803	–
3	995	–	1173	–	1855	–
4	634	2	1500	2	553	1
5	151	–	1068	–	208	–
6					74	–
Всего	4986	2	4597	2	3493	1

Таблица 15

**Статистика находок богатоорнаментированной керамики
на Труворовом городище. Участки 13–15**

Пласт	Участок 13		Участок 14		Участок 15	
	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.	Круг.	В т. ч. богатоорн.
2	397	–	909	1	607	–
3	337	1	796	2	584	–
4	68	–	593	–	493	3
5			595	–	253	3
6			190	–	129	2
Всего	802	1	3083	1	2066	8

Таблица 16

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 38**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	В т. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
1	2	–	–	23	6
2	–	–	4	30	22
3	4	–	9	73	52
4	3	–	4	148	40
5	8	–	32	219	35
6	12	–	17	140	8
7	40	–	20	42	4
8	137	–	3	42	2
9	143	–	–	2	–
Всего	349	–	89	719	169

Таблица 17

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 42**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	2	1	1	6
3	–	1	2	11	15
4	–	1	2	43	41
5	1	–	2	36	2
6	1	1	7	25	1
7	49	1	1	57	3
8	6	–	2	52	1
Всего	57	6	17	225	69

Таблица 18

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 43**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	–	–	–	4
3	2	–	–	34	31
4	4	–	1	55	19
5	5	–	2	26	13
6	47	–	1	27	–
7	36	–	–	29	–
Всего	94	–	4	171	67

Таблица 19

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 44**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	1	–	1	7	10
3	4	–	5	68	9
4	9	–	4	89	2
5	2	–	1	25	2
6	50	–	2	17	1
7	22	–	1	21	–
Всего	88	–	14	227	24

Таблица 20

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 45**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	1	–	48	34
3	–	–	1	30	15
4	5	1	1	41	11
5	1	–	1	4	1
Всего	6	2	3	123	64

Таблица 21

**Пластография основных хронологических групп
керамики Труворова городища. Участок 46**

Пласты	Лепная	Богатоорн.	Вт. пол. XI–XII вв.	XII–XIV вв.	XV–XVII вв.
2	–	–	2	14	17
3	–	–	1	16	4
4	2	–	2	7	4
5	–	–	1	2	3
Всего	2	–	6	39	28

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.; Л.
- МАР — Материалы по археологии России. СПб.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- НИС — Новгородский исторический сборник. Л.
- СА — Советская археология. М.
- Тр. ГИМ. — Труды Государственного исторического музея. М.
- Тр. ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.
- Тр. V МКСА — Труды V Международного конгресса славянской археологии. М.
- Уч. зап. ЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.
- AUN — Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology. Uppsala.
- FM — Finskt Museum. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
<i>А.Н. КИРПИЧНИКОВ</i> ВЕЛИКИЙ ВОЛЖСКИЙ ПУТЬ И ЛАДОЖСКО-ВОЛХОВСКИЙ СЕВЕР РУСИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	5
<i>О.И. БОГУСЛАВСКИЙ</i> ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИЛАДОЖЬЕ И ЛАДОЖСКАЯ ЗЕМЛЯ (ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ)	13
<i>К.А. МИХАЙЛОВ</i> ЭЛИТАРНЫЕ МОГИЛЫ СТАРОЙ ЛАДОГИ НА ФОНЕ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ ЭПОХИ ВИКИНГОВ.....	47
<i>А.В. КУРБАТОВ</i> СВЯЗИ ПОВОЛХОВЬЯ С РЕГИОНАМИ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ В VIII–XI ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ КОЖЕВЕННОГО РЕМЕСЛА	54
<i>П.Е. СОРОКИН</i> О СУДОХОДСТВЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ В РАЙОНЕ НЕВСКОГО УСТЬЯ	72
<i>С.В. БЕЛЕЦКИЙ</i> ЗАПАДНОЕ ПОРУБЕЖЬЕ «РУСИ РЮРИКА»	79
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	116

**Ладога и Ладожская земля
в эпоху средневековья**
Выпуск I

Корректор *Засыпкина Г.А.*

Компьютерная верстка *Философова Л.А.*

Дизайн обложки *Философова Л.А.*

Подписано в печать 20.12.2006. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Уч.-изд. л. 7,25. Тираж 300 экз. Заказ № 506.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел./факс: (812)702-75-78 (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru